

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- Корень В.Л.* Гуманитарная безопасность в условиях современной социально-политической трансформации..... 5
- Пономарев С.Б., Пономарев Д.С.* Феномен культурной гомоплазии..... 12
- Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г., Рослякова С.В., Перебейнос А.Е., Павленко Е.Ф.* Социальные сети как фактор риска столкновения молодежи с радикальными идеями..... 18

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Евсеев А.Д., Лащёнов М.С.* Социальная эффективность государственного управления в системе предоставления государственных услуг..... 23
- Кохан Ж.С., Сережко Т.А., Шкилёв М.В.* Источники мотивации работников сельскохозяйственных предприятий..... 27
- Козырева Л.Д., Лурье А.А.* Разработка методологии исследования стратегий поиска работы выпускниками вузов..... 31
- Михайловская С.А.* Вторичная занятость студентов как фактор профессиональной интеграции..... 35
- Субочева О.Н., Гаврилова Ю.В., Борисова А.П.* Социальная и психологическая безопасность студента в образовательной среде инженерного вуза в период экзаменационной сессии..... 38
- Челенкова И.Ю.* Нравственные аспекты «служения» российской управляющей элиты..... 42
- Снежко В.Л., Щедрина Е.В., Паливец М.С.* Тенденции усиления гендерной асимметрии в сфере научных исследованиях технических наук..... 47

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Арефьев М.А., Клешнева Л.И.* Социально-философский анализ места модернизационных проектов России XIX столетия в феномене самоуправления..... 53
- Чашина Ж.В., Мочалов Е.В., Кевбрин Б.Ф.* Обоснование связи теоретической и практической составляющих принципа патриотизма: экзистенциальный подход..... 58
- Соколов А.В.* Генезис и эволюция категории «фейковые новости»..... 61
- Тумин А.Ю.* Идеалы служения Отечеству и культура потребления как альтернативные социокультурные установки..... 65
- Емелькина И.В., Мочалов Е.В., Грыжанкова М.Ю.* Философия поступка М.М. Бахтина в контексте современности..... 69

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАН, РАН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАН-ХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Васильев Вячеслав Александрович** – доктор философских наук, профессор кафедры философских наук Московского государственного лингвистического университета (Москва); **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва); **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленко Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.12.2022 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Гусейнов Ф.И.</i> Жертвенность как свидетельство реальности существования в философии Габриэля Марселя	73
<i>Раджабов О.Р., Гусейханов М.К.</i> К вопросу логики познания и сущности микромира	77
<i>Черных В.И.</i> Концепция «осевого времени» К. Ясперса и ее влияние на Бостонскую школу современного конфуцианства	80

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Бирагова Б.М.</i> Ислам в Республике Северная Осетия-Алания: социальное акторство и политическая трансформация	84
<i>Местникова А.В.</i> Применение инструментов политического маркетинга: на примере избирательных кампаний депутатов в Государственную Думу 2021 года	87
<i>Хлопов О.А.</i> Энергетическая безопасность в теоретическом и концептуальном дискурсе: геополитический, неолиберальный и конструктивистский подходы	91

<i>Чжан Янь.</i> Влияние политического процесса на модернизацию системы высшего образования Китая	97

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Шикун Д.В., Моисеев А.Б.</i> Влияние специальной военной операции на Украине на геополитическое равновесие на евразийском пространстве	103

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Бутырина С.А., Попова А.В., Симонова М.М.</i> Университетская научная школа профессора А.М. Ковалёва....	107
<i>Соцкова Е.А., Ерохина Е.В.</i> Оценка воздействия результатов цифрового развития на социальное благополучие населения Калужской области за 2021–2022 гг.: институциональный подход	110
<i>Савостьянов И.В.</i> Социокультурные качества личности в виртуальном пространстве	115

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Koren W.L.</i> Humanitarian Security in Modern Socio-Political Transformation.....	5
<i>Ponomarev S.B., Ponomarev D.S.</i> The phenomenon of cultural homoplasia	12
<i>Sivrikova N.V., Ptashko T.G., Roslyakova S.V., Perebeynos A.E., Pavlenko E.F.</i> Social networks as a risk factor for youth radical ideas	18

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Evseev A.D., Laschenov M.S.</i> Social efficiency of public administration in the system of providing public services.....	23
<i>Kohan Zh.S., Serezhko T.A., Shkilev M.V.</i> Sources of motivation of employees of agricultural enterprises	27
<i>Kozyreva L.D., Lurye A.A.</i> Development of a methodology for researching job search strategies for university graduates.....	31
<i>Mikhailovskaya S.A.</i> Secondary employment of students as a factor of professional integration.....	35
<i>Subocheva O.N., Gavrilova Yu.V., Borisova A.P.</i> Social and psychological safety of a student in the educational environment of an engineering university during the examination session	38
<i>Chelengkova I.Y.</i> Moral aspects of "service" among Russian governing elite	42
<i>Snezhko V.L., Shchedrina E.V., Paliivets M.S.</i> Trends in increasing gender asymmetry in the field of scientific research in technical sciences	47

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Arefiev M.A., Kleshneva L.I.</i> Socio-philosophical analysis of the place of modernization projects in Russia of the XIX century in the phenomenon of self-government.....	53
<i>Chashina Zh.V., Mochalov E.V., Keybrin B.F.</i> Substantiation of the connection between the theoretical and practical components of the principle of patriotism: an existential approach.....	58
<i>Sokolov A.V.</i> Genesis and evolution of the «fake news» category....	61
<i>Tumin A.Y.</i> Ideals of service to the Fatherland and consumer culture as alternative socio-cultural attitudes	65
<i>Emelkina I.V., Mochalov E.V., Gryzhankova M. Yu.</i> Philosophy of M.M. Bakhtin's act in the context of modernity	69

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Guseynov F.I.</i> Sacrifice as evidence of the reality of existence in the philosophy of Gabriel Marcel	73
<i>Radjabov O.R., Huseykanov M.K.</i> To the question of the logic of cognition and the essence of the microcosm.....	77
<i>Chernykh V.I.</i> The Axial Age concept by K. Jaspers and its influence on the Boston School of Modern Confucianism	80

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vasiliev Vyacheslav Alexandrovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Department of Philosophical Sciences Moscow State University of the Linguistic University (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), prorektor of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoly Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Aknullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.11.2022. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Biragova B.M.</i> Islam in the Republic of North Ossetia-Alania: social acting and political transformation	84
<i>Mestnikova A.V.</i> The use of political marketing tools: on the example of the election campaigns of deputies to the State Duma in 2021	87
<i>Khlopov O.A.</i> Energy Security in Theoretical and Conceptual Discourse: Geopolitical, Neoliberal and Constructivist Approaches.....	91
<i>Zhang Yan.</i> The impact of the political process on the modernization of China's higher education system	97

INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Shikunov D.V., Moiseev A.B.</i> The impact of special military operation in Ukraine on geopolitical balance in Eurasian space.....	103

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Butyrina S.A., Popova A.V., Simonova M.M.</i> University Scientific School of Professor A.M. Kovalev.....	107
<i>Sotskova E.A., Erokhina E.V.</i> Assessing the impact of digital development results on the social well-being of the population of the Kaluga Region for 2021–2022: an institutional approach	110
<i>Savostyanov I.V.</i> Sociocultural traits of a person in virtual space	115

Гуманитарная безопасность в условиях современной социально-политической трансформации

Корень Валерий Лукич,

к.ю.н., доцент, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Wolin_lukich@mail.ru

Статья посвящена анализу нового вида безопасности – гуманитарной безопасности. Отмечены различные точки зрения отечественных и зарубежных ученых на понимание гуманитарной безопасности. Отмечается, что генезис исследования проблем безопасности человека восходит к 70-м и 80-м годам XX века. Указывается на то, что на сегодняшний день понимания гуманитарной безопасности вполне неопределенно. Подчеркивается, что со взглядами научного сообщества на гуманитарную безопасность существует официальная точка зрения на данное общественное явление со стороны международных институтов. На основе анализа выделенных дефиниций «гуманитарной безопасности», предложено авторское определение понятию «гуманитарная безопасность».

Ключевые слова: безопасность; национальная безопасность; гуманитарная безопасность; объект безопасности; субъект безопасности.

Безопасность – одна из важных потребностей всего мирового сообщества. Переходя из столетия в столетие, безопасность не только становится все более многосложной и многоуровневой функциональной системой, но и «приумножает» свою значимость в области научного познания и практического применения. Одним из относительно новых подходов нынешней науки о безопасности считается обеспечение безопасности человека (human security) [39, С. 46]. Идея защиты человека от множества угроз неразрывно связана с концепцией – гуманитарная безопасность. По мнению доктора философских наук А.С. Капто «гуманитарная безопасность – один из новых инструментов (общественных институтов) обеспечения безопасности, один из ее новых видов (наряду с военно-политической, экономической, экологической и др.). Ее главной целью является человек, его интеллектуальный, духовный, нравственно-этический потенциал» [9, С. 170].

Генезис исследования проблем безопасности человека восходит к 70-м и 80-м годам XX века, когда в некоторых европейских странах была проведена серия общественных прений по вопросам международной безопасности. По мнению А.А. Ломовой «акцент на человеке в дебатах по вопросам безопасности был обусловлен, как изменением характера войн...», так и под влиянием новых угроз, с которым столкнулось мировое сообщество [16, С. 10]. Теоретические разработки исследователей гуманитарной безопасности повлияли на взгляды международных институтов на проблему безопасности человека. Поэтому, эволюция изучения проблематики международной и национальной безопасности была ориентирована на пересмотр акцентов в понимании сущности этих общественных явлений. «Если ранее, как утверждает О.М. Михайленок, исходной и наиболее важной в теоретическом и практическом отношении представлялась военная составляющая национальной безопасности в ее государственном аспекте, то в настоящее время в качестве приоритетных теории и практики признают гуманитарную безопасность» [20, С. 40].

По мнению ученых, исследующих широкий спектр проблем безопасности, гуманитарная безопасность как принципиально новая концепция в области безопасности, представляет немаловажный элемент глобализации, формирующихся современных моделей миропорядка, она находится в неотъемлемой взаимосвязи с мироустройством, миротворческой деятельностью, безопасностью международной, а ее общемировая значимость обусловлена задачами социального и культурного и развития современного мирового сообщества.

В то же время на сегодняшний день понимания гуманитарной безопасности вполне неопределенно. Ряд исследователей не признает гуманитарную безопасность как отдельный вид безопасности. К этой группе относятся ученые, которые утверждают, что дефиниция гумани-

тарной безопасности не содержит четкого определения [29. Р. 88; 22. С. 6]. Так, Роберт Пэрис полагает, что значительная часть исследователей безопасности одобряет концепцию гуманитарной безопасности, «но мало кто имеет четкое представление о том, что она обозначает» [29. Р. 88]. Подобным же образом размышляет Эдвард Ньюман, считая концепцию гуманитарной безопасности «нормативно привлекательной, но аналитически слабой» [22. С. 12]. К этой группе исследователей безопасности можно отнести и тех, кто заменяет гуманитарную безопасность индивидуальной безопасностью человека [21. С. 291]. К сторонникам данного подхода принадлежат отечественные и зарубежные исследователи, которые считают, что за реализацией гуманитарной политики ведущими странами мира скрывается их геополитические амбиции. Известные православные публицисты И. Медведева и Т. Шишова считают, что «...когда бомбят Косово, когда вторгаются в Ирак – это не имеет ничего общего с декларациями гуманизма, это самый настоящий фашизм» [19. С. 17]. Аналогичного взгляда придерживается Астри Сухрке, считающей, что часть ведущих стран мира используют повестку дня в сфере гуманитарной безопасности, для того чтобы упрочить свое положение во внешнеполитическом устройстве [34. С. 266]. Согласно другому мнению, гуманитарная безопасность обособляется в отдельный подвид национальной безопасности [9. С. 170; 30. С. 7; 26. С. 238]. Согласно третьей точки зрения гуманитарная безопасность воспринимается как важный аспект национальной и международной безопасности [11. С. 89]. Четвертый подход состоит в том, что под гуманитарной безопасностью усматривается один из видов международной безопасности. Так, сотрудник Копенгагенской школы изучения безопасности Бари Бузан (B. Vuzan), считает, что гуманитарная безопасность олицетворяет собой более урезанное прочтение международной безопасности [14. С. 203]. По мнению В.Н. Конышева гуманитарная безопасность в некотором смысле «предписывает внешнюю политику» [13. С. 43].

Из предложенных отечественными и зарубежными учеными-обществоведами определений термина «гуманитарная безопасность» наиболее рабочими считаются следующие: «состояние защищенности человека, семьи, народа; их целей, идеалов, ценностей и традиций, образа жизни и культуры; устойчивое необходимое и достаточное поощрение и развитие прав и обязанностей человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [30. С. 273]; «система способов и процедур обеспечения безопасности человека, его потенциала, структур его жизнеобеспечения в условиях кризисно-конфликтных ситуаций (чрезвычайные происшествия, военные действия, внешние манипулятивные воздействия, в т.ч. провокационные), а также в период стабилизации и реабилитации человека после выхода из кризиса» [35. С. 278]; «это состояние общественных отношений внутри страны и на международной арене, гарантирующее защищенность целей, идеалов, ценностей и традиций, образа жизни и культуры человека, семьи, народа, обеспечивающее тем самым их нормальную жизнедеятельность, устойчивое функционирование и развитие прав и обязанностей, основных свобод для всех, без различия расы и пола, этнической принадлежности, языка и религии» [2. С. 332]; «совокупность актуальных факторов, обеспечивающих благоприятные условия для развития личности гражданина России, его личностных и социальных идеалов, жизнеспособности государства и достижения национальной цели, социального идеала – благополучия всех граждан и семей; целесообразного развития и сохранения фунда-

ментальных ценностей и традиций народов Российской Федерации; нормальных отношений личности и государства; способности эффективно преодолевать любые внешние угрозы; руководствоваться своими национальными интересами» [18. С. 12].

Параллельно со взглядами научного сообщества на гуманитарную безопасность существует официальная точка зрения на данное общественное явление со стороны международных институтов. Эволюцию концепта гуманитарная безопасность можно проследить через официальные международные документы. Так доклад Генерального секретаря ООН Бутроса Бутрос-Гали в 1992 г. положил начало зарождения концепции «гуманитарной безопасности». В этом докладе Бутрос-Гали дополнил понятие «гуманитарность» новыми терминами, и оно приняло политическую окраску [35. С. 277]. Сам термин «гуманитарная безопасность» впервые появляется в 1994 году в докладе Программы ООН по человеческому развитию (ПРООН) [36. Р. 23]. В принятой в 1999 г. Хартии европейской безопасности признана целесообразность институционализации «гуманитарной безопасности» и принятие ее в состав европейской безопасности. Важно еще и то, что впервые было определено вполне отчетливо, что основную угрозу человечеству в XXI веке несут невоенные факторы [31. С. 415]. В 2003 году в докладе «Безопасность человека», изложенного Комиссии ООН по безопасности человека (КБЧ), впервые раскрывается содержание гуманитарной безопасности. С течением времени дефиниции гуманитарной безопасности были также предложены Международной комиссией по вопросам вмешательства и государственному суверенитету при ООН, Африканской комиссией по правам человека и народов (АКПЧН) и др.

Однако, к данным определениям, так и к понятиям, составляющим ее содержание у теоретиков и практиков, возникли вопросы. Эти вопросы касались, как перечня угроз, влияющих на гуманитарную безопасность, так и более точного определения данного понятия. Некоторые исследователи гуманитарной безопасности, ратуя за ее политическую значимость считают, что она должна сохранять прагматичный характер и сконцентрироваться всего-навсего на незначительной составляющей человеческой незащищенности.

Если российское научное сообщество продвигает идею концептуального оформления гуманитарной безопасности, то к великому сожалению, доводится констатировать, что верховная власть России не уделяет должного внимания концептуальному оформлению гуманитарной безопасности. Правда, определенные положения официальных документов в той или иной степени содержат основы гуманитарной безопасности. Так в Законе РФ «О безопасности» точно установлен субъект безопасности – граждане и общественные объединения, и ее объект – личность, общество и государство. Стратегией национальной безопасности РФ предусмотрено повышение роли России в мировом гуманитарном пространстве в целях защиты российских традиционных духовно-нравственных ценностей. Особая роль в укреплении гуманитарной безопасности страны отводится Конституции РФ, которая является юридически законным балансом интересов между государством и его гражданами.

Нельзя не отметить тот факт, что замыслы, которые преследует теоретический концепт гуманитарной безопасности перекликаются с целями, которые содержатся в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви. В частности, в Основах предлагается достичь такого «мироустройства, которое строилось бы на началах справедливости и равенства людей перед

Богом. Исключало бы подавление их воли национальными или глобальными центрами политического, экономического и информационного влияния» [25. С. 171]. Содержащиеся в Основах принципиально важные положения об обеспечении безопасности жизнедеятельности человека – составная и органическая часть идеологии Русской Православной Церкви, которую она исповедует вот уже более чем тысячу лет своего существования.

К сожалению, стремления отечественных и зарубежных ученых, так и официальных международных институтов выработать единый подход к концептуальному оформлению гуманитарной безопасности, так и поиску точек соприкосновения в принятии разделяемой всеми учеными и специалистами дефиниции гуманитарной безопасности не увенчались успехом.

Одной из причин отсутствия единого взгляда на дефиницию гуманитарной безопасности со стороны исследователей данного общественного явления является то, что «результаты гуманитарных исследований, как утверждает И.Э. Ключанов не подлежат верифицированию и фальсификации потому, что гуманитарные науки не претендуют на точность и истину в естественнонаучном понимании: они стремятся к строгости (силе) научного изложения» [10. С. 96]. Подобная точка зрения часто встречается среди гуманитариев. Многие из них считают, что «гуманитарий должен освободиться от иллюзии законченного знания, преодолеть позицию наивного отождествления содержания знания с объектом» [6. С. 129]. Существует и противоположная позиция, согласно которой «гуманитарное знание должно существовать в социокультурной системе не просто как набор текстов, которые находятся вне реальной жизни, как оторванные от нее идеалы и ценности, но как пространство самой жизни». И несмотря на то, что гуманитарное знание не всегда имеет форму закона или аксиомы, но оно всегда предполагает строгость рассуждения, приближенного к объективной реальности. А современная действительность порождает потребность людей в «очеловечивании», т.е. гуманизации мира. Это в свою очередь обуславливает создание такой системы безопасности человечества, которая будет способствовать диалогу цивилизаций. Поэтому, необходимо принять такую дефиницию гуманитарной безопасности, которая будет определять суть и значение данного общественного явления, и раскрывать вопрос о том, считается ли гуманитарная безопасность приумножением программы действия в области развития, программы действия в области безопасности или смешением обоих. Возможно, к выработке дефиниции гуманитарной безопасности мы должны подойти с точки зрения ее валидации, т.е. признать ее действительной, веской, обоснованной.

В соответствии с нашим представлением, дефиниция гуманитарной безопасности, очевидно должна быть универсальной, как философская категория «бытие», которая, согласно мнению П.С. Гуревича «наиболее широкая по своему объему, т.е. по охвату того, что мы им обозначаем, но и бесконечно по своему содержанию, т.е. обладает всеми признаками» [7. С. 138]. И здесь можно согласиться с мнением А.А. Ломовой, что дефиниция гуманитарной безопасности должна быть широкой, а концепция гуманитарной безопасности гибкой, позволяющей включать в нее новые вопросы по защите прав человека [16. С. 39]. Позиция А.А. Ломовой согласуется с высказыванием доктора филологических наук И.Э. Ключанова, согласно мнению которого, «... чем с большим рвением кто-то пытается представить некое общественное устройство как окончательный ответ на все социальные вопросы, тем более, кажется, он забывает о том, о чем говорят, как этимология слова, так и Платон в «Государ-

стве»: «утопия» – это «место, которого нет». Именно туда ведут все самые благие намерения» [10. С. 79].

Стремясь к выработке точной дефиниции гуманитарной безопасности, мы не только упрощаем реальность человеческого бытия, но стремимся ее рассматривать подобно природным объектам – с целью их наблюдения, изучения, манипулирования и улучшения. Такой взгляд на жизнь человека является позитивным и привнес его в научную мысль О. Конт, считавший, что социальное развитие должно быть направлено на достижение «позитивного состояния». Известно, что французский философ считал свое учение об обществе «социальной физикой» [15. Р. 166]. Именно против такого позиционирования выступал Э. Гуссерль, говоря о кризисе рациональных европейских наук. Поэтому, предложения исследователей гуманитарной безопасности выработать более точное определение, не только будет предъявлять серьезные требования к ее содержанию, но и предоставит возможность значительному большинству людей реализовать право голоса в том, что образует их гуманитарную безопасность.

Что касается концепции гуманитарной безопасности то она должна быть не только научно обоснованной, но и носить практический характер, т.е. быть тем общественным феноменом, который «контекстуализированный культурно и исторически». Все компоненты по защите человека, содержащиеся в ней, должны быть легко обеспечены государством, т.е. права каждого не должны носить абстрактный характер, а конкретный и защита их не должна зависеть от сословного происхождения, а основываться на принципах гласности, справедливости, равенства и др. Для того, чтобы концепция гуманитарная безопасность выражала интересы всех и каждого, для этого, как считает З.М. Оруджев в обществе должна утвердиться «... идея уравнивающей функции ...» [24. С. 372]. Суть этой функции, согласно утверждениям испанского философа Х. Ортега-и-Гассета состоит в том, что «... уравниваются богатства, уравнивается культура, уравниваются слабый и сильный пол. И точно так же уравниваются континенты» [23. С. 29].

Ведь ученые, исследователи, выдвигая те или иные идеи, руководствуется в первую очередь не личными амбициями, а запросами объективной реальности. Полностью можно согласиться с мнением С.А. Панарина, что «... безопасность глубоко исторична. Меняется с течением времени картина мира – меняются представления о безопасности» [27. С. 12]. Почему сегодня понимание значимости гуманитарной основы национальной безопасности становится все более общепризнанным в научной среде, а число приверженцев общепринятой военно-силовой парадигмы заметно уменьшается? В рассуждениях Х. Ортега-и-Гассета о роли и назначении масс в истории содержится ответ на этот вопрос. Испанский философ пришел к выводу, что в XX веке значение народных масс в истории изменилось: «Все подтверждает, что она решила выйти на авансцену, занять места и получить удовольствия и блага, прежде адресованные немногим. Заметно, в частности, что места эти не предназначались толпе, и вот она постоянно переполняет их, выплескиваясь наружу и являя глазам новое красноречивое зрелище – массу, которая, не перестав быть массой, упраздняет меньшинство» [23. С. 21]. «В жизнь рядового человека, по мнению философа, вошло все то, что прежде отличало лишь самые верхи общества» [23. С. 27]. Поддерживая эту точку зрения, чилийский философ С.С. Дарио отмечает, что «...что важнейшим фактом нашей эпохи является «восстание масс», нашествие толпы» [8. С. 28]. «Оборотной стороной массовой индивидуализации сознания, по мнению С. Панарина,

оказалась его же массовое порабощение той или иной модой, той или иной доктриной, тем или иным стандартом» [3. С. 7]. В XXI веке цифровые информационно-коммуникационные технологии создали условия для победоносного воцарения массовой культуры и массовой коммуникации [37. С. 287].

Идеология масс сумела проникнуть в сознание научного сообщества, изменив его подход к формированию новой картины мира, изменившей представление о безопасности. Возможно поэтому, действия этого большинства обусловили научную мысль сформировать новую картину мира, которая меняет представление о безопасности. И если по мнению испанского и чилийского философов роль масс в истории – это реальность XX века, то этой реальности предшествовали события начала Нового времени. Эти общественные явления касались формирования основ гражданского общества в ряде стран Западной Европы и приобретения его гражданами прав и свобод. Именно в этот период формируется концептуальный взгляд на гражданское общество, как самостоятельный институт социального явления, наряду с государством [28. С. 35; 33. С. 30–31]. Приобретение прав и свобод не могла не сказаться на социальном статусе человека. Формируется «новое понимание личности как репрезентации некой самости, которая настраивается на цели социальных отношений» [17. С. 48]. Именно с формирование идей личности в Новое время, по мнению И.Э. Ключанова «возникают противоречия между гражданским обществом (объединения личности) и собственно государством (социальными институтами). Граждане уже не принадлежат государству, и общество существует уже в первую очередь потому, что «каждый гражданин сам по себе»» [10. С. 64]. Отделение гражданского общества от государства, как отмечает Е.М. Сергейчик, «свидетельствует о достижении людьми более высокой степени свободы самоопределения, более широкого выбора жизненных целей и средств их реализации, что влечет за собой изменение функций, задач самого государства по отношению к гражданам» [32. С. 503]. Изучая закономерности развития государственности, советский и российский философ В.С. Барулин подчеркивает, что «с одной стороны, вырабатывается механизм более полного выражения интересов людей, а с другой – развиваются механизмы, блокирующие перерождения институтов государства в орудия диктатуры, давления на гражданское общество, на каждого отдельного человека. Все это в целом создает благоприятные условия для развития человека, его свободы» [1. С. 196]. Стремление подчинить государство на благо служения гражданского общества, в какой-то мере так же способствовало формированию идей концепции гуманитарной безопасности, которая по мнению А. Ченой и Р. Тадджахш видоизменила положение индивида от вторичного применительно к государству до равноправного ему [38. Р. 13]. Самым главным объектом безопасности в первую очередь должен быть человек, а уж потом государство. Однако это не означает пренебрежения к общественным и государственным интересам, поскольку важнейшим условием безопасности человека выступает безопасность нации, общества, государства, которые формируют благоприятные условия для разностороннего развития личности. Поэтому, как утверждает О.М. Михайленок, «безопасность национальная – это защита интересов человека, личности, т.е. безопасность существования самого человека» [20. С. 42]. Тем не менее благодаря приоритетности защиты интересов отдельной личности и общественных групп, создаются основы гарантии безопасности всех других субъектов.

Такое пристальное внимание к безопасности человека, как со стороны научной общественности, так и определенной части мирового политического сообщества возможно обусловлено и тем, что «человечество начинает преодолевать ограниченность своего кругозора» и понимать, что «развитие техногенной цивилизации подошло к критическим рубежам, которые обозначили границы ее роста» [12. С. 160]. Сформировались планетарные преграды: проблемы экологического самосохранения, проблемы спасения биологических оснований человеческого бытия. Возникла опасность крушения современным техногенезом биосферы. Поэтому, чтобы не допустить планетарной катастрофы, т.е. не допустить уничтожения биосферы, человек должен ее превратить в ноосферу, сферу разума. «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете, – писал В.И. Вернадский. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие возможности» [4. С. 241]. Известно, что истоки термина «ноосфера» можно обнаружить во взглядах античного философа Анаксагора, жившего в V веке до н.э., который утверждал, что «семена вещей», образующие весь мир, движутся «нусом» – космическим разумом [5. С. 27]. Ноосфера – оболочка вокруг земли, сформированная научной мыслью и трудом людей [39. С. 18].

По мнению В.И. Вернадского важнейшим основанием для возникновения ноосферы является объединение человечества, которое, по мнению ученого, является не нравственно-культурным требованием, а природным фактором. Для этого, человечество должно исключить конфликты и конфронтации на основе общецивилизационных потребностей. Тогда человечество сможет продвинуться «к эпохе ноосферы, эпохе, когда нравственно-правовой разум будет выступать в роли главного регулятора как общественных отношений, так и взаимоотношений общества и природы» [37. С. 287].

Гуманитарная безопасность как принципиально новая концепция в области защиты человека от внутренних и внешних угроз, является одним из элементов в звене объединения людей по сохранению современной цивилизации. Таким образом, в настоящее время происходит переосмысление важности человеческой деятельности с позиции гуманизма, суть которого – в осознании не только бесценности свободной и ничем не стесненной личности, но и значимости товарищества взаимопомощи как внутри разнообразных социальных общностей, так и между ними.

Исследовав основные подходы к дефиниции гуманитарной безопасности в отечественной и зарубежной литературе, и изучив эволюцию гуманитарной безопасности, как общественного явления можно отметить, что в современной научной литературе нет фундаментальной по содержанию дефиниции гуманитарной безопасности, а как современная концепция безопасности, она в большей степени соответствует реалиям XXI века, чем традиционные концепции – национальная и международная.

На основе анализа выделенных дефиниций «гуманитарной безопасности», дадим свое определение понятию «гуманитарная безопасность». Гуманитарная безопасность – «это такой вид мироустройства, который является важным аспектом национальной и международной безопасности, строится на условиях справедливости и равенства людей, не допускающий притеснения их воли национальными или глобальными институтами экономического, политического и информационно-

технического воздействия, защищающий традиционные духовно-нравственные ценности».

Литература

1. Барулин В.С. Социально-философская антропология: Общ. начала социал.-филос. Антропологии / В.С. Барулин. – М.: Онега, 1994. – 252 с.
2. Безопасность Евразии-2003: Энциклопедический словарь-ежегодник / Автор Идеи и Концепции, Руководитель Проекта В.Н. Кузнецов. – М.: Книга и бизнес, 2004. – 624 с.
3. Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур [текст]: (материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / Ин-т востоковедения Российской акад. наук, Фонд им. Фридриха Эберта в Российской Федерации; [отв. ред. Сергей Панарин]. – Санкт-Петербург: Интерсоцис, 2012. – 295 с.
4. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский; Отв. ред. А.Л. Яншин: [Предисл. А.Л. Яншина, Ф.Т. Яншиной]; Ан СССР. – М.: Наука, 1991. – 270 с.
5. Вернадский В.И. Биосфера [Текст]: (Избр. труды по биогеохимии) / [Ред., вступ. статья, с. 3–23. и примеч. д-ра геол.-минерал. Наук А.И. Перельмана]. – Москва: Мысль, 1967. – 376 с.
6. Волосова Е.Б. Особенности гуманитарного объекта, познания и знания / Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 6–7 декабря, 2019 г.). – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ, 2019. – 504 с.
7. Гуревич П.С. Философия: Учеб. для психологов / П.С. Гуревич. – 2-е изд., стер. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. – 1128 с.
8. Дарио С.С. Мораль XXI века: Пер. с исп. – М.: Издательство «Кодекс», 2014. – 490 с.
9. Капто А.С. Гуманитарные аспекты безопасности / А.С. Капто // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 2. – С. 170–183.
10. Ключанов И.Э. Сообщение и забытие. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 288 с.
11. Колин К.К. Информационная безопасность как гуманитарная проблема // Открытое образование. – № 1. – 2006. – С. 86–93.
12. Кононенко Б.И. Культура. Цивилизация. Россия: Учеб. пособие по культурологии для высш. и сред. общеобразоват. учеб. заведений / Б.И. Кононенко. – М.: Издательство «Щит-М», 2003. – 337 с.
13. Конышев В.Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 40. – С. 43–56.
14. Кузнецова А.А. Концепция гуманитарной безопасности: подходы и определения // Международные отношения в XX–XXI вв.: материалы международной научной конференции в рамках Первых Чепаловских чтений, посвященных 100-летию со дня рождения профессора Ивана Никаноровича Чепалова (1913–2008). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. – С. 199–205.
15. Levine D. Visions of the sociological tradition. – Chicago: University of Chicago Press, 1995. – 380 p.
16. Ломова А.А. Политика гуманитарной безопасности Европейского союза в Африке (на примере стран Южнее Сахары): Дис. ...канд. пол. наук. – М., 2019. – 267 с.
17. Луман Никлас. Самоописание: Общество общества, книга 5 / Никлас Луман: [пер. с нем. под ред. О. Никифорова и А. Антоновского]. – Москва: Логос: Гнозис, 2009. – 318 с.
18. Маслова М.В. Гуманитарная безопасность России в современных условиях: к вопросу социально-философской методологии исследования // Власть. – 2011. – № 11. – С. 12–15.
19. Медведева И., Шишова Т. В Кильватере «Титаника»? У России есть свой путь в этом мире. – М.: Даниловский благовестник, 2007. – 360 с.
20. Михайленок О.М. Российская политология и вызовы современного общества [Текст] / О.М. Михайленок: Учреждение Российской акад. наук. Ин-т социологии РАН. Центр политологии и политической социологии. – Москва: Ин-т социологии РАН, 2011. – 198 с.
21. Мурашова С.В. Интолерантность как основная угроза безопасности человека и источник конфликтов / Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Грозный, 1–3 декабря, 2016). – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.). – 2016. – 408 с.
22. Newman E. Human security // International Studies Encyclopedia Online. 2010 [Электронный ресурс].
23. Ортега-и-Гассета Хосе. Восстание масс: [сборник: перевод с испанского] / Хосе Ортега-и-Гассет. – Москва: АСТ; Ермак, 2003. – 269 с.
24. Оруджев З.М. Природа человека и смысл истории / Предисл. В.А. Лекторского. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. – 448 с.
25. Основы социальной концепции Русской православной Церкви. – 2-е изд. – Москва: Отд. внешних церковных связей Московского Патриархата, 2008. – С. 174.
26. Павловская О.А. Духовно-нравственная безопасность / Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов V Международной научно-практической конференции (ЧГПУ, г. Грозный, 7–8 декабря 2018 года). – Махачкала: АЛЕФ, 2018. – 332 с.
27. Панарин С.А. Безопасность как историко-культурная категория (вместо предисловия) // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации: материалы Междунар. конф. (Москва, 15–16 окт. 2012) / науч. ред. С.А. Панарин, Д.И. Польшин; Иван. гос. ун-т; Ин-т востоковедения РАН. – Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2013. – 408 с.
28. Перегудов С. Гражданское общество как политический феномен // Свободная мысль. – 1992. – № 9. – С. 43–53.
29. Paris R. Human Security: Paradigm Shift or Hot Air // International Security. – 2001. – № 26 (2). – P. 87–102.
30. Сергеева Л.И. Основы гуманитарной безопасности: опыт политологического анализа // Безопасность Евразии. – 2000. – № 1. С. 271–276.
31. Сергеева Л.И. Проблема гуманизма в контексте культуры глобализации (Становление основ гуманитарной безопасности в контексте глобализации XXI века) // Безопасность Евразии. – 2010. – № 2(40). – С. 414–423.
32. Сергейчик Е.М. Философия истории / Е.М. Сергейчик; МВД России. С.-Петерб. ун-т. – СПб.: Лань [и др.], 2002. – 606 с.

33. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. Учебник / Л.И. Спиридонов. – М.: Проспект, 2001. – 297 с.
34. Suhrke A. Human security and the interests of states // *Security Dialogue*. – № 30. – 1999. – P. 265–276.
35. Сухарев А.И. Политика гуманитарной безопасности (К вопросу о теории политики и практики безопасности) // *Безопасность Евразии*. – 2000. – № 1. – С. 277–300.
36. UNDP. Human Development Report. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. [Электронный ресурс].
37. Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 304 с.
38. Chenov A. M., Tadjbakhsh S. Human security: concepts and implications. New York: Routledge. 2007. [Электронный ресурс].
39. Явчуновская Р.А. Глобальные проблемы в человеческом измерении: (основы гуманитарной безопасности): Курс лекций / Р.А. Явчуновская: Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – 92 с.

HUMANITARIAN SECURITY IN MODERN SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATION

Koren W.L.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of a new type of security – humanitarian security. Different points of view of domestic and foreign scientists on understanding of humanitarian security are noted. It's noted, that the genesis of research of human security problems dates back to the 70s and 80s of the XX century. It's pointed out, that today the understanding of humanitarian security is quite indefinitely. It is emphasized, that with the views of the scientific community on humanitarian security, there is an official point of view on this public phenomenon from international institutions. Based on the analysis of the selected definitions of “humanitarian security” the author's definition of the concept of “humanitarian security” is proposed.

Keywords: security; national security; humanitarian security; security object; security subject.

References

1. Barulin V.S. Social and philosophical anthropology: General. the beginning of the social-philosophical. *Anthropology* / V.S. Barulin. – М.: Onega, 1994. – 252 p.
2. Security of Eurasia-2003: Encyclopedic Dictionary-Yearbook / Author of the Idea and Concept, Project Manager VN Kuznetsov. – М.: Book and business, 2004. – 624 p.
3. Security as a value and norm: the experience of different eras and cultures [text]: (materials of the International Seminar, Suzdal, November 15–17, 2011) / Institute of Oriental Studies of the Russian acad. Sciences, Foundation. Friedrich Ebert in the Russian Federation; [res. ed. Sergei Panarin]. – St. Petersburg: Intersocis, 2012. – 295 p.
4. Vernadsky V.I. Scientific thought as a planetary phenomenon / V.I. Vernadsky; Rep. ed. A.L. Yanshin: [Foreword. A.L. Yanshin, F.T. Yangshina]; An USSR. – М.: Nauka, 1991. – 270 p.
5. Vernadsky V.I. Biosphere [Text]: (Selected works on biogeochemistry) / [Ed., entry. article, p. 3–23. and note. Dr. geol.-mineral. Sciences A.I. Perelman]. – Moscow: Thought, 1967. – 376 p.
6. Volosova E.B. Features of a humanitarian object, knowledge and knowledge / Humanitarian knowledge and spiritual security: collection of materials of the VI International Scientific and Practical Conference (Grozny, December 6–7, 2019). – Makhachkala: ChSPU, ALEF, 2019. – 504 p.
7. Gurevich P.S. Philosophy: Proc. for psychologists / P.S. Gurevich. – 2nd ed., erased. – М.: Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NPO MODEK Publishing House, 2007. – 1128 p.
8. Dario S.S. Moral of the XXI century: Per. from Spanish – М.: Publishing house “Kodeks”, 2014. – 490 p.
9. Kapto A.S. Humanitarian aspects of security / A.S. Kapto // *Social and humanitarian knowledge*. – 2016. – No. 2. – P. 170–183.
10. Klyukanov I.E. Message and oblivion. – М.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. – 288 p.
11. Colin KK Information security as a humanitarian problem. *Open Education*. – No. 1. – 2006. – S. 86–93.
12. Kononenko B.I. Culture. Civilization. Russia: Proc. manual on cultural studies for higher. and avg. general education textbook institutions / B.I. Kononenko. – М.: Publishing house “Shield-M”, 2003. – 337 p.
13. Konyshchev V.N. Personal security – a new turn in understanding security policy // *National interests: priorities and security*. – 2014. – No. 40. – P. 43–56.
14. Kuznetsova A.A. The concept of humanitarian security: approaches and definitions // *International relations in the XX–XXI centuries: materials of the international scientific conference in the framework of the First Chempalov readings dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor Ivan Nikanorovich Chempalov (1913–2008)*. – Yekaterinburg: Ural University Press, 2013. – P. 199–205.
15. Levine D. Visions of the sociological tradition. – Chicago: University of Chicago Press, 1995. – 380 p.
16. Lomova A.A. European Union Humanitarian Security Policy in Africa (on the example of countries South of the Sahara): Dis. ... cand. floor. Sciences. – М., 2019. – 267 p.
17. Luman Niklas. Self-Descriptions: The Society of Society, book 5 / Niklas Luhmann: [trans. with him. ed. O. Nikiforov and A. Antonovsky]. – Moscow: Logos: Gnosis, 2009. – 318 p.
18. Maslova M.V. Humanitarian security of Russia in modern conditions: on the issue of socio-philosophical research methodology // *Power*. – 2011. – No. 11. – P. 12–15.
19. Medvedeva I., Shishova T. In the Wake of the Titanic? Russia has its own way in this world. – М.: Danilovsky Blagovestnik, 2007. – 360 p.
20. Mikhailenok O.M. Russian political science and the challenges of modern society [Text] / O.M. Mikhailenok: Establishment of the Russian acad. Sciences. Institute of Sociology RAS. Center for Political Science and Political Sociology. – Moscow: Institute of Sociology RAS, 2011. – 198 p.
21. Murashova S.V. Intolerance as the main threat to human security and a source of conflicts / Humanitarian knowledge and spiritual security: collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference (Grozny, December 1–3, 2016). – Makhachkala: ChSPU, ALEF (IP Ovchinnikov M.A.). – 2016. – 408 p.
22. Newman E. Human security // *International Studies Encyclopedia Online*. 2010 [Electronic resource].
23. Ortega y Gasset Jose. The revolt of the masses: [collection: translated from Spanish] / José Ortega y Gasset. – Moscow: ACT; Ermak, 2003. – 269 p.
24. Orudzhiev Z.M. The nature of man and the meaning of history / Foreword. V.A. Lektorsky. Ed. stereotype. – М.: Book house “LIBROKOM”, 2020. – 448 p.
25. Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church. – 2nd ed. – Moscow: Dep. External Church Relations of the Moscow Patriarchate, 2008. – P. 174.
26. Pavlovskaya O.A. Spiritual and moral security / Humanitarian knowledge and spiritual security: collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference (ChSPU, Grozny, December 7–8, 2018). – Makhachkala: ALEF, 2018. – 332 p.
27. Panarin S.A. Security as a historical and cultural category (instead of a preface) // *Security in the West, in the East and in Russia: ideas, concepts, situations: materials of the Intern. conf. (Moscow, 15–16 Oct. 2012)* / scientific. ed. S.A. Panarin, D.I. Polyvyanny; Ivan. roe. un-t; Institute of Oriental Studies RAS. – Ivanovo: Ivan Publishing House. state un-ta, 2013. – 408 p.
28. Peregudov S. Civil Society as a Political Phenomenon // *Free Thought*. – 1992. – No. 9. – P. 43–53.
29. Paris R. Human Security: Paradigm Shift or Hot Air // *International Security*. – 2001. – No. 26 (2). – P. 87–102.
30. Sergeeva L.I. Fundamentals of humanitarian security: the experience of political analysis // *Security of Eurasia*. – 2000. – No. 1. S. 271–276.

31. Sergeeva L.I. The problem of humanism in the context of the culture of globalization (Formation of the foundations of human security in the context of globalization of the XXI century) // Security of Eurasia. – 2010. – No. 2 (40). – S. 414–423.
32. Sergeychik E.M. Philosophy of history / E.M. Sergeychik; Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg. un-t. – St. Petersburg: Lan [et al.], 2002. – 606 p.
33. Spiridonov L.I. Theory of state and law. Textbook / L.I. Spiridonov. – M.: Prospekt, 2001. – 297 p.
34. Suhrke A. Human security and the interests of states // Security Dialogue. – No. 30. – 1999. – P. 265–276.
35. Sukharev A.I. Humanitarian security policy (On the theory of security policy and practice) // Security of Eurasia. – 2000. – No. 1. – S. 277–300.
36. UNDP. Human Development Report. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. [Electronic resource].
37. Finogentov VN Religious renaissance or philosophy of humanism? Worldview choice of modern culture. – M.: Book house "LIBROKOM", 2016. – 304 p.
38. Chenov A. M., Tadjbakhsh S. Human security: concepts and implications. New York: Routledge. 2007. [Electronic resource].
39. Yavchunovskaya R.A. Global problems in the human dimension: (fundamentals of human security): Course of lectures / R.A. Yavchunovskaya: Ros. acad. state service under the President of the Russian Federation. Federation. – M.: Publishing House of the RAGS, 2001. – 92 p.

Пономарев Сергей Борисович,

доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России
E-mail: docmedsb@mail.ru

Пономарев Дмитрий Сергеевич,

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России
E-mail: ponomarev.dmitry1990@mail.ru

Статья посвящена проблеме культурной гомоплазии, проявляющейся в генерации сходных признаков культурных явлений, наблюдающихся в различных обществах. Проанализированы процессы кастообразования и самоорганизации социумов с явлением структуризации по типу построения сходных социальных иерархий. Цель исследования: оценить явление культурной гомоплазии, отмечаемое в виде схожести структуры кастового общества древней Индии и неформальной стратификационной организации коллективов осужденных в современной России. Показано, что метаморфозы различных сложных систем протекают по единым правилам, что, в частности, проявляется в наличии феномена культурной гомоплазии, при котором для каждой индийской варны существует свой коррелят в тюремной субкультуре в виде тюремной «масти». Сделанные выводы свидетельствуют о том, что 1) тюремный социум и кастовая система древней Индии имеют сходную структуру. 2) Описанное в статье явление культурной гомоплазии обусловлено стремлением социума выстроить наиболее эффективную систему защиты от внешних воздействий, что проявляется в свойственном любой сложной системе феномене эмерджентности. 3) В индийском обществе мерилом качества варны является понятие чистоты, в тюремной субкультуре – вовлеченность представителя той или иной тюремной страты в криминальную деятельность. 4) Принципиальные блок-схемы взаимодействия различных каст в древнеиндийском обществе и в неформальной социальной организации осужденных сходны и состоят из следующих элементов: 1) решающая (управляющая) подсистема (брахманы – криминальные авторитеты, «воры в законе») 2) исполняющая подсистема (кшатрии – «блатные», вайшья – «коммерсы») 3) подчиняющаяся подсистема (шудры – «мужики», неприкасаемые – «петухи», «черти»).

Ключевые слова: культурная гомоплазия, кастовое общество, тюремная субкультура, индийские касты, эмерджентность, уголовно-исполнительная система.

Введение

Для обозначения близости характеристик объектов научного исследования в ряде областей человеческого знания используется термин «гомоплазия» (от греческих *μοιός* – одинаковый, *πλάσις* – образование). Под гомоплазией понимается наличие сходства ряда признаков у различных явлений окружающего мира, возникшее, как правило, благодаря их параллельно протекающей эволюции [30, 31]. Например, в биологии гомоплазией называется подобие функций и внешнего вида органов различных животных (т.н. аналогий), произошедшее вследствие конвергентной эволюции. Другими словами при биологической гомоплазии отмечается схожесть строения органов в таксонах, не связанных общим происхождением [30]. В качестве примеров здесь обычно приводятся следующие наблюдения: одинаковая форма тела у акулы (рыбы), дельфина (млекопитающего) и ихтиозавра (рептилии). Также классическим примером гомоплазии являются крыло птицы, похожее на крыло летучих мышей (млекопитающих) и птеродактилей (рептилий) [30,31].

В генетике под гомоплазией понимается возникновение сходных мутаций, приводящих к однотипной изменчивости фенотипических свойств и признаков при параллельных и независимых друг от друга эволюционных процессах (пример: одинаковые генетические и, следовательно, фенотипические признаки у австралийских сумчатых кротов и параллельно эволюционно развивавшихся европейских кротов).

В филологии под гомоплазией понимают появление похожих явлений в разных языках [8]. При этом различают гомоплазию деривационную (от одного праязыкового корня вытекают сходные названия предметов) и гомоплазию семантическую (в этом случае этимологически тождественные слова имеют в языках-потомках сходный сдвиг значения).

Явление культурной гомоплазии [22] отражено в многочисленных примерах из области культурологии и этнографии. Так, в научной литературе описаны сходные обычаи у племен, отделенных друг от друга тысячами километров, имеющих различное происхождение и пребывающих в различных временных эпохах. Д. Фрезером одним из первых рассмотрены сходные (часто копирующие друг друга в мелочах) обычаи, наблюдающиеся у не связанных друг с другом племен Африки, Австралии, Азии и Европы [28]. Феномен подобного сходства объясняется как аналогичными условиями существования членов различных племен, так и их сходной (замечим – характерной для всех представителей вида *Homo sapiens*) психологической реакцией на внешние воздействия. Основную роль при этом играют общие для всех людей, населяющих Землю, правила организации рассудочной деятельности. Указанное хорошо демонстрируется аналогичными психическими механизмами формирования сходных табу в различных культурах [23].

Теоретические основы исследования

Одним из примеров феномена культурной гомоплазии является иерархизация: спонтанная самоорганизация социума с генерацией связанных между собой страт – элементов социальной структуры, объединенных некими

общими характеристиками. При этом наблюдается структуризация подобных систем по типу сходных иерархий. Причиной указанного является то, что большинство социальных структур относятся к классу самоорганизующихся систем и, следовательно, обладают признаками, характерными для них: внутренней неоднородностью, наличием подсистем и связей между ними, эмерджентностью, целеполаганием, самоорганизацией, ингерентностью и т.п. [20,25]. При этом метаморфозы различных сложных систем протекают по единым правилам [18]. В качестве примера культурной гомоплазии можно рассмотреть две социальные структуры, характеризующиеся наличием высокоразвитой системой каст. Это древнее индийское общество и российская тюремная субкультура. Из этого вытекает цель настоящей работы: оценить явление культурной гомоплазии, отмечаемое в виде схожести структуры кастового общества древней Индии и неформальной стратификационной организации коллективов осужденных в современной России.

Известная исследовательница проблем тюремной субкультуры Н.В. Тищенко отмечала: «На схожесть между трехкастовостью тюремного сообщества („авторитеты и связанные с ними касты“, „мужики – осужденные, не имеющие криминального прошлого“, „отвергнутые“) и трехуровневой системой первобытного общества („дифференцированная знать“, „крестьяне“, „рабы и изгои“) обратил внимание в очерках о тюремной субкультуре Л. Клейн. Он указывает не только на смысловое и символическое сходство архаичного общества и тюремной субкультуры, но и на наличие внутренних структурных совпадений» [26]. Однако, несмотря на фиксацию факта такой схожести, в трудах ученых-пенитенциаристов данному культурному феномену уделено явно недостаточное внимание. Между тем, существование подобного феномена требует научного и философского объяснения.

Каста, как известно, это социально обусловленный слой (страта), замкнутая группа, объединенная общим происхождением, образом жизни, правилами и обычаями, правовым статусом [5]. Это ограничивающий внешние контакты и, как правило, профессионально специализированный эндогамный социум. Одной из функций касты является стремление минимизировать экзогенные влияния, способные разрушить законы и правила, которым подчиняется жизнь индивидуума в касте. Социум, организованный по кастовому признаку относится к т.н. стратификационным обществам [19].

Наиболее показательным примером кастовой системы, как было указано, является древнее индийское общество. Принципиальным отличием от других стратификационных обществ (классовых и сословных) тут является то, что границы между отдельными стратами в этом обществе были практически непроницаемыми [29]. По состоянию на 1949 г., до того, как правительство Индии ввело уголовное наказание за кастовую сегрегацию, в Индии насчитывалось более трех тысяч каст. Все их многообразие можно условно свести к 4 варнам (или, условно, «крупным кастам») – социальным общностям, состоящим из большого числа каст и подкаст (джати) [13]. Три из этих варн (брахманы, кшатрии, вайшья) являлись высшими. Их члены обладали правом изучать священные тексты, были допущены до религиозных церемоний. Члены этих каст считались дважды рожденными – прошедшими ритуал второго рождения «упанаяна». Низшая варна – шудры, не допускаемые до сокровенных знаний, считались единожды рожденными. Их уделом был изнурительный физический труд. Кроме указанных четырех варн в Индии существовали также люди без касты, неприкасаемые и незаконнорожденные (рожденные от представителей разных каст).

Поведение членов варн от рождения до смерти четко регламентировалось в древней Индии религиозными правилами [6]. Законодательно существование варн было закреплено в сборнике правовых и религиозно-нравственных предписаний (законах Ману), написанных неизвестными авторами от имени мифического прародителя человеческого рода царя Ману (время создания свода законов Ману специалисты оценивают в период от 2 века до н.э. до 2 века н.э. [2]). Одним из требований, предъявляемых к человеку, согласно законам Ману, было то, что он ни при каких условиях не может перейти из одной касты в другую [7]. Единственным возможным «социальным лифтом» было движение вниз – лишение человека его касты из-за нарушения законов Ману, перевод в статус неприкасаемого.

Что же касается кастового деления, существующего в российской тюремной субкультуре, то оно полностью оформилось во второй половине XX века [12]. Большинство исследователей в социальной структуре сообщества лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, выделяют следующие касты (или т.н. тюремные «масти»): «воры в законе», «блатные», «мужики», «коммерсы», «петухи», «черти» [3, 10]. Каждая из этих страт имеет свои опознавательные знаки (татуировки), правила поведения, особенности взаимоотношений с представителями других тюремных каст и с администрацией исправительного учреждения. Основой функционирования всей неформальной тюремной социальной системы является т.н. «тюремный закон» – свод правил, утверждаемый по исповедательным учреждениям с помощью письменных распоряжений – т.н. «прогонов» и «маляв».

Результаты исследования

Анализ российской тюремной субкультуры показывает, что в ней существует система изолированных каст, во многом аналогичная, иногда – в деталях копирующая устройство архаичного индийского общества [21]. Это подтверждает факт наличия феномена культурной гомоплазии при сравнении этих культурных образований: каждая индийская каста имеет соответствующий аналог в российской тюремной субкультуре. Рассмотрим указанное явление более подробно.

Представителями высшей варны в Индии считались брахманы. В течение многих веков они занимались государственным управлением, наставничеством, философией, судейством, научной работой, учительством, жрецеством и другими благородными занятиями, недоступными для представителей иных каст [4, 14].

Аналогом касты брахманов в российской тюремной субкультуре является социальная группа, осуществляющая организационную функцию в преступном мире («воры в законе», «смотрящие», «положенцы», «авторитеты») [21]. Это лидеры преступного мира, хранители воровских традиций, толкователи правил, вытекающих из «кодекса вора», идеологи и организаторы противоправной деятельности. Подобно касте брахманов, сплоченное общество «авторитетов» являет собой управляющий центр организованной преступности, выполняет системообразующую роль в социальной структуре криминального сообщества.

Жизнь представителей касты брахманов, как и тюремной касты «воровских авторитетов» была опутана сложной системой правил и табу. Для тех и других является обязательным выполнение целого ряда ритуалов. Так, для ортодоксальных криминальных «авторитетов» до недавнего времени существовал ряд обязательных ограничений: «вор в законе» не должен был

иметь семьи, не должен был работать, обязан был жить без прописки и т.п. Абсолютной преградой к получению титула «вора в законе» являлась служба в армии, работа в государственных органах. Существовал также целый ряд на первый взгляд мелких, но на деле – существенных табу, нарушение которых строго каралось: «вор в законе» не должен был подписывать документы, читать газеты, носить галстук и т.п. Абсолютно недопустимыми являлись: контакт с представителем низшей тюремной касты («пидоры», «петухи»), физическая работа в исправительном учреждении. Наказанием при нарушении данных табу (оно налагается сходкой «воров в законе») может быть: 1) публичная пощечина 2) перевод в низшую тюремную касту 3) смертный приговор.

Жизнь индийских брахманов также была связана со множеством запретов. Например, им нельзя было принимать еду, приготовленную человеком другой касты, употреблять мясные продукты, ухаживать за лошадьми и т.п. Важными табу для брахманов (которые роднят эту индийскую варну с тюремной кастой воровских авторитетов) являются запрет на занятие любым ручным трудом, и физический контакт с представителями низших каст. В традиционном индийском обществе брахман освобождался от уплаты налогов, а представители других варн должны были бесплатно его содержать. Если брахман запятнал себя нарушением кастовых табу – ему назначалось наказание. Это могло быть: выполнение ритуальных искупительных действий, перевод в низшую страту индийского общества, обречение на годичную смерть [11].

Индийской варне кшатриев (воинов) в тюремной субкультуре соответствует каста «блатных» («воров», «человеков», «бродяг», «черных», «людей», «жуликов», «арестантов»), то есть тех, кто на практике реализует воровские «понятия». Это профессиональные преступники, для которых нахождение в местах лишения свободы является обязательным этапом в их жизненной карьере. Существование в условиях стрессогенного пенитенциарного пространства – это их привычный образ жизни. «Блатные» – это исполнительная структура криминального мира, которая борется с официальной властью, с законными требованиями администрации исправительного учреждения.

Индийской варне вайшья (торговцы) соответствует тюремная группа «комеры». «Комеры» – это лица, осужденные за экономические преступления и имеющие возможность откупаться и пользоваться привилегиями в местах лишения свободы с молчаливого согласия некоторых недобросовестных представителей администрации учреждений уголовно-исполнительной системы.

Коррелятом индийской касты шудра (работники, слуги, земледельцы) является тюремная страта «мужики». Это люди, отбывающие наказание в виде лишения свободы, не имевшие ранее криминального опыта, не относящиеся к профессиональной преступности. Их цель – отбыть срок и вернуться к нормальной жизни на воле. Как и шудры в индийском обществе «мужики» – это самая многочисленная группа заключенных (по данным социологических исследований доля шудр составляет в индийском обществе более 70%, доля «мужиков» в коллективах заключенных – около 80%). «Мужики» стараются отбыть срок наказания не участвуя ни в сотрудничестве с администрацией исправительного учреждения, ни в делах «воров». «Ни на какую теневую власть в местах лишения свободы „мужики“ не претендуют, в различные „разборки“ не вмешиваются. Их кредо – жить тихо, побыстрее освободиться. Тем не менее мужики обычно придерживаются «правильных понятий», т.е.

не идут на сотрудничество (во всяком случае – открытое с администрацией» [9].

Как было сказано, в индийском патриархальном обществе три варны являлись чистыми (брахманы, вайшьи и кшатрии). Указанное проявлялось в том, что их представители имели доступ к высшему сакральному знанию – изучению вед. В юности они проходили обряд инициации, которая расценивается как второе, духовное рождение. А низшая варна – шудры – до священнных текстов и некоторых религиозных обрядов не допускалась. Тут тоже просматривается аналогия с тюремным социумом. В неформальной стратификационной тюремной структуре «мужики» не имеют права голоса на «разборках», отстранены от управления преступным сообществом. Вмешиваться в дела «бродяг» им запрещено.

Индийской социальной группе неприкасаемых (далитам, хариджанам, ачхун), а также – незаконнорожденным (париям, outcast) в пенитенциарной субкультуре соответствуют так называемые «черти» («чучки», «чуханы») и «петухи» («обиженные», «опущенные», «пидоры»). «Черти» – это деградировавшие, забытые, опустившиеся, потерявшие человеческий облик и достоинство, часто – страдающие психическими заболеваниями люди. «Петухи» – это лица, используемые для гомосексуальных контактов.

В Индии представители касты неприкасаемых были заняты презираемой, грязной работой (уборка отхожих мест, сбор мусора, сжигание трупов, стирка белья и т.п.). Они жили в изолированных кварталах, им запрещалось находиться в общественных местах. Так же, как и в древнем индийском обществе у представителей страты «петухов» самое недостойное с точки зрения тюремных «понятий» занятие – подметание плаца, уборка туалетов. Они подвергаются всяческому притеснениям: «у них отдельные спальные места, в медчасти для них выделяются специальные койки и палаты, в ШИЗО и ПКТ – отдельные камеры, в местах общего пользования – «зачушканные» столы и стулья. Даже в тюремных церквях они причащаются с использованием специальной «зачушенной» ложки. Питаются из меченой дырками посуды» [24, с. 50]. Любой физический контакт с «петухом» является в местах лишения свободы абсолютным табу. «Перейти в страту «петухов» можно просто прикоснувшись к «петуху», сев за «петушинный» стол в столовой или на «петушинный» стул в медчасти или парикмахерской и т.п.» [24, с. 51]. Это же относилось и к неприкасаемым в индийской кастовой системе: испачкаться, воспринять «нечистоту» мог представитель любой из каст, просто лотронувшись до парии. «Даже пересечение тени неприкасаемого считалось осквернением представителей высших каст, поэтому утром и вечером, когда предметы отбрасывают самые длинные тени, хариджанам запрещалось находиться в людных местах» [24, с.51]. В местах лишения свободы «петухи» являются объектами постоянных издевательств и унижений, превращающих отбывание наказания в многолетнюю пытку.

Обсуждение

Приведенные в статье данные свидетельствуют о наличии феномена культурной гомоплазии, отмечаемого при сравнении структуры российского тюремного социума и кастовой системы древней Индии. Для каждой индийской варны (условно – «большой касты») в тюремной субкультуре существует свой коррелят в виде тюремной «масти». Исходя из положений теории систем (в частности – применяя принцип модели «сущность-связь»), можно утверждать, что в обоих случаях совпадает не только строение общественных систем, но и «специализация»

функциональных единиц (каст), соотношение которых можно представить следующим образом:

1) Решающая (управляющая) подсистема (брахманы – криминальные авторитеты, «воры в законе»). Функция: управление, целеполагание, принятие решений, активизация элементов исполнения.

2) Исполняющая подсистема (кшатрии – «блатные», вайшья – «коммерсы»). Функция: действия по достижению задаваемых управляющей подсистемой целей через активизацию элементов-эффекторов.

3) Управляемая подсистема (шудры – «мужики», неприкасаемые – «петухи», «черты»). Функция: рецепция и исполнение управляющих сигналов.

Именно по описанному принципу может быть представлено единое строение абстрактной модели социальных коммуникаций в рассматриваемых общественных структурах.

Естественно, что должна существовать также и некая универсальная детерминанта, приводящая к возникновению кастового разделения. В качестве возможных причин, ведущих к образованию кастового общества в древней Индии, специалистами рассматриваются: угроза голода, тяжелые условия существования, разрушительные силы природы [27]. В уголовно-исполнительной системе это могут быть: А) специфические пенитенциарные факторы (социальная, двигательная, сенсорная, сексуальная депривации, неудовлетворительная инсоляция, недостаток свежего воздуха и т.п. [24]), Б) действия администрации исправительного учреждения, направленные на борьбу с пенитенциарной субкультурой [16,24]. Общим для столь разнородных факторов является их энтропийная природа.

Таким образом, можно предположить, что, исходя из положений теории систем, в качестве общего фактора, который приводит к сходным метаморфозам в обоих анализируемых социумах (возникновение кастовых отношений), может рассматриваться энтропия, как явление, ведущее к возрастанию внутренней однородности состояния системы и имеющее различные проявления в каждом случае [18,24]. Здесь требуется особо подчеркнуть, что под энтропийными воздействиями разумеется не только хаос и деструкция как таковые, но и любые факторы, несущие потенцию упрощения структуры системы [15,18,24]. Из сказанного вытекает, что чем сильнее действие энтропийного фактора, тем сильнее и ответ самоорганизующейся системы, стремящейся сохранить и упрочить свое сложное иерархическое строение. В какой-то момент (в т.н. «точке бифуркации») указанное строение приобретает вид кастового [24]. Таким образом, не только путем сохранения структуры, но и мерами, направленными на ее усложнение (в виде образования каст), самоорганизующиеся системы (древнеиндийское общество и пенитенциарная субкультура) реагируют на энтропийные факторы, сохраняя и обеспечивая (в соответствии с законами синергетики) свою целостность, структурированность, функциональность, гомеостазис и аутопоэзис [24].

Вместе с тем, справедливо будет отметить, что не все общества в процессе своей эволюции переходят к кастовому разделению (хотя большинство из них укладываются в описанную в статье схему «управляющая подсистема» – «исполняющая подсистема» – «управляемая подсистема»). Указанное требует проведения дальнейших исследований с целью идентификации и анализа всего комплекса причин, способствующих возникновению кастовых обществ. Подобные исследования проводятся нами в настоящее время в отношении пенитенциарной субкультуры; по их завершению вниманию читателей будут представлены соответствующие материалы.

Нужно отметить также, что для достижения максимально возможной ингерентности в описанном процессе проявляется свойственный самоорганизующимся системам феномен эмерджентности (получение качественно более эффективной деятельности всей совокупности элементов системы, нежели ее каждого элемента по отдельности) [1, 15, 17]. Высказанное суждение подтверждается устоявшимся мнением о генезисе кастовой системы Индии. Как отмечает Е.Н. Успенская, в древней Индии ни для одной из варн было невозможно в одиночку поддерживать функционирование дееспособной экономики [27]. И только разделение труда и кастовое, иерархическое строение общества смогли обеспечить многовековое существование индийского государства [27]. Это же относится и к господствующей в местах лишения свободы тюремной субкультуре: ее удивительная живучесть во многом обусловлена кастовым строением коллективов осужденных [24]. При этом многочисленные попытки руководства ФСИН искоренить неформальные отношения между заключенными, в частности – ликвидировать такое отвратительное явление как «опетушение», встречает яростное, подчас – фанатичное и иррациональное сопротивление осужденных, вовлеченных в тюремную субкультуру [16].

Нужно отметить, что в индийском обществе мерилом качества варны являлось понятие чистоты. Уровни иерархической пирамиды общества напрямую были связаны с долей чистоты, свойственной представителям той или иной касты (максимально «чистые» – брахманы, самые «грязные» – неприкасаемые). В российской тюремной субкультуре таким мерилом является вовлеченность представителя той или иной тюремной страты в криминальную деятельность, его приверженность установкам «воровского закона» [24].

Заключение

В статье впервые проанализирован феномен культурной гомоплазии при сравнении двух достаточно далеко отстоящих друг от друга (по времени и территориально) кастовых социальных систем. Приведенные материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. Тюремный социум и кастовая система древней Индии имеют сходную структуру. В этом проявляется описанный в статье феномен культурной гомоплазии. При этом коррелятом варны брахманов являются т.н. «авторитетные» лидеры преступного мира («воры в законе», «смотрящие», «положенцы», «авторитеты»), варне кшатрии соответствуют т.н. «блатные», варне вайшьев – «коммерсы». Аналогом варны шудр выступает тюремная страта т.н. «мужиков». Существовавшей в индийском обществе социальной группе «неприкасаемых» в тюремном социуме соответствуют «масти» «петухов» и «чертей».
2. С позиции теории систем кастовое общество древней Индии и российская тюремная субкультура являются самоорганизующимися системами, для которых свойственны поддержание гомеостаза и аутопоэзиса за счет сопротивления энтропийным факторам [24]. При этом в качестве таковых могут выступать различные виды внешних воздействий. В указанном процессе проявляется свойственный любой сложной системе феномен эмерджентности [17].
3. В индийском обществе мерилом качества варны является понятие чистоты, в тюремной субкультуре – вовлеченность представителя той или иной тюремной страты в криминальную деятельность.
4. Принципиальные блок-схемы взаимодействия различных каст в древнеиндийском обществе и в не-

формальной социальной организации осужденных сходны и состоят из следующих элементов: 1) решающая (управляющая) подсистема (брахманы – криминальные авторитеты, «воры в законе») 2) исполняющая подсистема (кшатрии – «блатные», вайшья – «коммерсы») 3) управляемая подсистема (шудры – «мужики», неприкасаемые-«петухи», «черти»).

5. Изучение описанного в статье феномена культурной гомоплазии требует проведения дальнейших исследований с целью идентификации и анализа всего комплекса детерминант, ведущих к возникновению кастового строения социума.

Литература

1. Алексеев В. В., Яковлев А.В. Эмерджентность как основа организации систем// Инженерная физика. – 2009. – № 2. – С. 42–45.
2. Арутюнов Э.К., Алиева А.Ф. Законы Ману как правовой источник в древней Индии // Приоритетные модели общественного развития в эпоху модернизации: экономические, социальные, философские, политические, правовые аспекты. Материалы международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 53–55.
3. Афиногенов В.А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2016. – 156 с.
4. Балаболина А.В. Проблемы кастового строя Индии в освещении отечественной историографии XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2006. – 333 с.
5. Воскресенская Н.О. Индуизм, касты и эзотерический тантрический культ. Культура средневековой Индии //Культурология. История мировой культуры. – Москва, 2013. – С. 310–321.
6. Ермолаева Е.Л., Илюшина Е.С., Масленникова А.С., Федосеева Л.А., Юрина В.М. Сословное деление древней Индии//Вестник современных исследований. – 2018 – № 8.1 (23) – С. 43–44.
7. Законы Ману / М.: Наука, 1992. – 212 с.
8. Касьян А.С. К формальной генеалогической классификации лезгинских языков (Северный Кавказ)// Вопросы языкового родства. – 2014. – № 11. – С. 63–80.
9. Клейменов М.П. Криминология/ М.: НОРМА, 2018. – 400 с.
10. Клейменова Е.Г. Тюремная субкультура как особый вид социального взаимодействия // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия. Социология. Психология. Педагогика». – 2012. – № 3. – С. 33–37.
11. Козлова Е.А. Наказание по законам Ману // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2006. – № 56. – С. 308–314.
12. Корецкий Д. А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение/ М.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 243 с.
13. Курочкина Т.А., Калашникова Е.Б. Особенности варно-кастовой системы древней Индии//Modern Science. –2019. – № 3. – С. 167–170.
14. Куценков А.А. Из истории изучения индийской касты // Народы Азии и Африки. – 1980. – № 4. – С. 383–420.
15. Луценко Е.В. Эффективность объекта управления как его эмерджентное свойство и повышение уровня системности как цель управления//Научный журнал КубГАУ. – 2021. – № 1 (165). – С. 1–21.
16. Мокрецов А. И., Новиков В.В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание/ М.: НИИ ФСИН России, 2006. – 220 с.
17. Муратов А.С., Поварич И.П. Синергизм и эмерджентность: генезис их гармонизации в экономике и управлении// Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 1 (49). – С. 271–275.
18. Николис Г. Пригожин И.Р. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации/ М.: Мир, 1979. – 512 с.
19. Панов Е.Н. Эволюция социальной организации / Этология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы/ М.: Старый Сад, 1999. – С. 322–372.
20. Пономарев Д.С. Актуальность применение методов системного анализа для предотвращения влияния тюремной субкультуры в обществе // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2020. – С. 450–453.
21. Пономарев С. Б., Пустовалов А.Р. Кастовое общество средневековой Индии и российская криминальная субкультура: социокультурные параллели// Правовая культура. – 2017. – № 3 (30). – С. 38–44.
22. Пономарев С.Б. Исследование феномена культурной гомоплазии при анализе тюремной субкультуры// Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. М.: ФКУ НИИФСИН России, 2021. – № 4. – С. 231–234.
23. Пономарев С.Б. Анализ триады «архетип-тотем-табу» в пенитенциарной субкультуре/ Ижевск: Изд-во ИЖГТУ им. М.Т. Калашникова, 2021. – 160 с.
24. Пономарев С.Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем/ Ижевск: Изд-во ИЖГТУ им. М.Т. Калашникова, 2017. – 146 с.
25. Тарасенко Ф.П. Прикладной системный анализ (наука и искусство решения проблем)/ Томск: Издательство Томского университета, 2004. – 314 с.
26. Тищенко Н.В. Интерпретация тюремной субкультуры в отечественной художественной культуре/ Саратов: ООО «Издат. центр «Наука», 2012. – 184 с.
27. Успенская Е.Н. Этнокастовые общности в контексте формирования и функционирования индийской традиционной социальной организации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / СПб., 2010. – 25 с.
28. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь/ М.: Изд-во политической литературы, 1984. – 702 с.
29. Яковлева В.Я. Государство в древней Индии / Право и государство: история и современность, перспективы развития. – Стерлитамак, 2020. – С. 117–120.
30. Hall V.K. Descent with Modification: the Unity Underlying homology and Homoplasia as Seen through an Analysis of Development and Evolution // Biological Reviews. –2003. – Vol. 78. – P. 409–433.
31. Pozdnyakov A. Leibniz principle of continuity and the concept of homology in biology// Epistemology & philosophy of science. – 2015. – I. XLVI. – № 4. – pp. 193–212.

THE PHENOMENON OF CULTURAL HOMOPLASIA

Ponomarev S.B., Ponomarev D.S.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article is devoted to the problem of cultural homoplasia, which manifests itself in the generation of similar signs of cultural phenomena observed in different societies. The processes of caste formation and self-organization of societies with the phenomenon of structuring according to the type of construction of similar social hierarchies are analyzed. The purpose of the study: to evaluate the phenomenon of cultural homoplasia, noted in the form of similarity between the structure of the caste society of ancient India and the informal stratification organization of groups of convicts in modern Russia. It is shown that the metamorphoses of various complex sys-

tems proceed according to the same rules, which, in particular, manifests itself in the presence of the phenomenon of cultural homoplasia, in which each Indian varna has its own correlate in the prison subculture in the form of a prison "suit". The conclusions drawn indicate that 1) the prison society and the caste system of ancient India have a similar structure. 2) The phenomenon of cultural homoplasia described in the article is due to the desire of society to build the most effective system of protection from external influences, which is manifested in the phenomenon of emergence inherent in any complex system. 3) In Indian society, the measure of the quality of a varna is the concept of purity, in the prison subculture – the involvement of a representative of one or another prison stratum in criminal activities. 4) The basic block diagrams of the interaction of various castes in ancient Indian society and in the informal social organization of convicts are similar and consist of the following elements: – decisive (managing) subsystem (brahmins – criminal authorities, "thieves in law") 2) executing subsystem (kshatriyas – "thieves", vaishyas – "commerce") 3) obeying subsystem (shudras – "muzhiks", untouchables – "roosters", "devils").

Keywords: cultural homoplasia, caste society, prison subculture, Indian castes, emergence, penitentiary system.

References

- Alekseev V. V., Yakovlev A.V. Emergence as a basis for organizing systems // *Engineering Physics*. – 2009. – No. 2. – P. 42–45.
- Arutyunov E.K., Alieva A.F. Laws of Manu as a legal source in ancient India // *Priority models of social development in the era of modernization: economic, social, philosophical, political, legal aspects. Materials of the international scientific and practical conference*. – 2016. – P. 53–55.
- Afinogenov V.A. Subculture of convicts and its influence on their behavior in isolation: dis. ... cand. legal Sciences. – Saratov, 2016. – 156 p.
- Balabolina A.V. Problems of the Indian caste system in the coverage of Russian historiography of the 19th-20th centuries.: dis. ... cand. ist. Sciences. – Kazan, 2006. – 333 p.
- Voskresenskaya N.O. Hinduism, castes and the esoteric tantric cult. *Culture of Medieval India // Culturology. History of world culture*. – Moscow, 2013. – P. 310–321.
- Ermolaeva E.L., Ilyushina E.S., Maslennikova A.S., Fedoseeva L.A., Yurina V.M. Class division of ancient India // *Bulletin of Modern Research*. – 2018 – No. 8.1 (23) – P. 43–44.
- Laws of Manu / M.: Nauka, 1992. – 212 p.
- Kasyan A.S. Toward a formal genealogical classification of the Lezgi languages (Northern Caucasus) // *Issues of linguistic kinship*. – 2014. – No. 11. – P. 63–80.
- Kleimenov M.P. *Criminology / M.: NORMA*, 2018. – 400 p.
- Kleymenova E.G. Prison subculture as a special type of social interaction // *Bulletin of the Udmurt University. Ser. "Philosophy. Sociology. Psychology. Pedagogy*. – 2012. – No. 3. – S. 33–37.
- Kozlova E.A. Punishment according to the laws of Manu // *Bulletin of the Volga University. V.N. Tatishchev*. – 2006. – No. 56. – S. 308–314.
- Koretsky D.A., Tulegenov V.V. *Criminal subculture and its criminological significance / M. : Publishing House of R. Aslanov "Legal Center Press"*, 2006. – 243 p.
- Kurochkina T.A., Kalashnikova E.B. Peculiarities of caste system of ancient India // *Modern Science*. – 2019. – No. 3. – S. 167–170.
- Kutsenkov A.A. From the history of the study of the Indian caste // *Peoples of Asia and Africa*. – 1980. – No. 4. – S. 383–420.
- Lutsenko E.V. The effectiveness of the control object as its emergent property and increasing the level of consistency as the goal of management // *Scientific journal of KubGAU*. – 2021. – No. 1 (165). – P. 1–21.
- Mokretsov A. I., Novikov V.V. Personality of the convict: social and psychological work with various categories of persons serving sentences / M. : NII FSIN of Russia, 2006. – 220 p.
- Muratov A.S., Povarich I.P. Synergy and emergence: the genesis of their harmonization in economics and management // *Bulletin of the Kemerovo State University*. – 2012. – No. 1 (49). – P. 271–275.
- Nicolis G. Prigogine I.R. Self-organization in non-equilibrium systems: From dissipative structures to orderliness through fluctuations / M.: Mir, 1979. – 512 p.
- Panov E.N. The evolution of social organization / *Ethology of a person on the threshold of the XXI century: new data and old problems / M. : Stary Sad*, 1999. – S. 322–372.
- Ponomarev D.S. Relevance of the use of system analysis methods to prevent the influence of prison subculture in society // *Scientific works of FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. M.: FKU NII FSIN of Russia, 2020. – S. 450–453.
- Ponomarev S. B., Pustovalov A.R. Caste society of medieval India and Russian criminal subculture: socio-cultural parallels // *Legal culture*. – 2017. – No. 3 (30). – P. 38–44.
- Ponomarev S.B. Study of the phenomenon of cultural homoplasia in the analysis of the prison subculture // *Scientific works of the FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. M.: FKU NIIFSN of Russia, 2021. – No. 4. – S. 231–234.
- Ponomarev S.B. Analysis of the triad "archetype-totem-taboo" in the penitentiary subculture / *Izhevsk: Publishing House of IzhGTU im. M.T. Kalashnikova*, 2021. – 160 p.
- Ponomarev S.B. Criminal subculture from the standpoint of human ethology and systems theory / *Izhevsk: Publishing House of IzhGTU im. M.T. Kalashnikova*, 2017. – 146 p.
- Tarasenko F.P. *Applied System Analysis (Science and Art of Problem Solving) / Tomsk: Tomsk University Press*, 2004. – 314 p.
- Tishchenko N.V. Interpretation of the prison subculture in the domestic artistic culture / *Saratov: LLC "Izdat. Center "Nauka"*, 2012. – 184 p.
- Uspenskaya E.N. Ethno-caste communities in the context of the formation and functioning of the Indian traditional social organization: author. dis. ... Dr. ist. Sciences / *St. Petersburg*, 2010. – 25 p.
- Fraser D.D. *Golden branch / M. : Publishing house of political literature*, 1984. – 702 p.
- Yakovleva V. Ya. State in ancient India / *Law and state: history and modernity, development prospects*. – Sterlitamak, 2020. – P. 117–120.
- Hall B.K. Descent with Modification: the Unity Underlying homology and Homoplasia as Seen through an Analysis of Development and Evolution // *Biological Reviews*. – 2003. – Vol. 78. – P. 409–433.
- Pozdnyakov A. Leibniz principle of continuity and the concept of homology in biology // *Epistemology & philosophy of science*. – 2015. – I. XLVI. – No. 4. – pp. 193–212.

Социальные сети как фактор риска столкновения молодежи с радикальными идеями

Сиврикова Надежда Валерьевна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
E-mail: bobnv79@mail.ru

Пташко Татьяна Геннадьевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
E-mail: ptashko75@mail.ru

Рослякова Светлана Васильевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
E-mail: roslyakovasv@cspu.ru

Перебейнос Артем Евгеньевич,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
E-mail: nos75@mail.ru

Павленко Елена Федоровна,

кандидат географических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, Челябинский государственный университет
E-mail: pavlenkoef@cspu.ru

Актуальность исследования определяется тем, что социальные сети оказались удобным инструментом для распространения новых идей и обмена передовым опытом в манипулировании сознанием. Целью данной работы стало изучение связи между фактом использования различных социальных сетей и риском столкновения студентов с радикальными идеями. Исследование проводилось методом онлайн-опроса, в котором приняли участие 3297 студентов в возрасте от 16 до 24 лет. Результаты исследования показали, что респонденты критично относятся к представленной в сети информации и демонстрируют установку на проверку полученной в интернет-сообществах сомнительной информации; редко встречаются в интернет-пространстве с группами, распространяющими радикальные идеи. Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что особенности медиапотребления студентов связаны с вероятностью встретить призывы к радикальной деятельности в сети интернет. При этом наиболее существенным фактором является доверие к собственному опыту как источнику информации. Этот фактор усиливается или ослабляется за счет уровня критичности восприятия информации, степени доверия к различным источникам информации, а также использования различных социальных сетей.

Ключевые слова: социальные сети, медиапотребление, критичность восприятия информации, радикализация молодежи.

Статья выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет» по договору на выполнение НИР № 16–389 от 15.06.2022 г. по теме «Исследование особенностей медиапотребления студентов как фактора распространения экстремистских идей».

Сегодня российское общество столкнулось с вызовом обусловленным идеологией и практикой экстремизма и терроризма. Статистические данные из официальных источников свидетельствуют об увеличении числа преступлений экстремистского и террористического характера [1]. Сказанное определяет важность изучения вопроса радикализма и факторов, влияющих на распространение данных идей среди молодежи.

Несмотря на то, что проблема экстремизма широко обсуждается в научной литературе, единого понимания этого термина не существует. В большом толковом словаре «экстремизм» трактуется как склонность к крайним мерам и взглядам. Однако такое определение является весьма размытым, упор должен быть сделан на совершение противоправных действий [2]. Нет также унифицированного описания деятельности, которая попадает под описание экстремистской, т.к. экстремизм по своей природе сложнейший социально-политический феномен [3]. Выделяют основные черты экстремизма в молодежной среде: а) формирование в маргинальной среде; б) формирование в группах, которые приняли идеологию насилия и проповедуют нравственную неразборчивость; в) проявление на фоне низкого уровня самоуважения и культуры [4].

М.Н. Горфин, В.Л. Горфин [5] делят факторы, которые оказывают влияние на формирование экстремизма и терроризма в России на три группы: социально-экономические, идеологические, миграционные. Т.Ю. Иванова считает, что значительную роль в распространении экстремизма играет проблема преемственности поколений, а также упадок патриотизма среди молодежи [6]. Особое значение в распространении экстремизма играет интернет. Например, А. Нагорный отмечает изменения, которые происходят под влиянием виртуального мира компьютерных игр. Дети и подростки в силу незрелости личности путают виртуальный мир с реальным. Они начинают играть в реальность, разрушая себя и общество [1].

В последние двадцать лет в зарубежной научной литературе наблюдается всплеск научных исследований экстремизма [7, 8 и др.]. Исследователи отмечают, что на социальном уровне происходит манипуляция общественным мнением [9]. В частности, обсуждение спорных вопросов разбивает любое сообщество как минимум на два хорошо обособленных под-сообщества с несопадающими мнениями по текущим проблемам, а онлайн-социальные сети нагнетают уровень полемики с помощью различных фильтров, а также выборочной экспозиции пользователей, в которой каждая сторона дебатов получает доступ только к контенту, созданному другими пользователями со схожими идеями [10; 11]. Это позволяет исследователям констатировать, что становление новой цифровой рациональности определяется репертуарностью медиапотребления [12].

Отечественные исследователи добавляют, что степень наносимого обществу вреда будет зависеть не только от содержания противоправной информации, но и от особенностей самой социальной сети [13]. Фактически социальные сети стали «новым полем боя» [14; 15]. Однако до недавнего времени исследователи

не проводили анализ того, какие именно социальные сети представляют большую угрозу в контексте распространения экстремизма. Зачастую в поле исследования попадает какая-то конкретная сеть, например, Twitter [16]. Мало внимания уделяется и степени доверия к социальным сетям, как фактору, опосредующему процесс радикализации молодежи.

В этой связи целью статьи является изучение связи между фактом использования различных социальных сетей и риском столкновения студентов с экстремистскими идеями.

Сбор эмпирических данных проводился в течение двух лет (2021–2022 гг.). Всего было опрошено 3297 студента (46% мужского и 54% женского пола). Опрос проходил в следующих регионах России: Свердловская область, Курганская область, Челябинская область, Республика Башкортостан, Пермский край и Оренбургская область. Возраст участников исследования варьировался от 16 до 24 лет.

Для сбора эмпирических данных проводился онлайн-опрос. Исследование носило анонимный характер, что дало возможность студентам быть откровенными при выборе ответов. Опрос включал 12 вопросов и состоял из нескольких блоков: 1) степень распространения экстремистских идей; 2) особенности медиапотребления студентов; 3) биографические данные. В опросник вошли закрытые вопросы с возможностью множественного выбора (например, «Какие из перечисленных социальных сетей Вы используете чаще всего?»), вопросы, предполагающие ранжирование объектов (например, «Какому из перечисленных источников информации Вы доверяете больше всего?» Распределите по степени доверия (1 место сверху «доверяю» и на 6 место «не доверяю»), вопросы, ответы на которые представлены в шкале Лайкерта (например, «Как часто в интернете Вы встречаетесь с тематическими группами, связанными с экстремистскими идеями?»).

Для математической обработки данных использовались: факторный и кластерный анализы. Расчеты проводились с помощью пакета статистических программ IBMSPSSStatistics 23.

Согласно полученным данным среди студентов наибольшей популярностью пользуется социальная сеть «ВКонтакте». О том, что пользуются ею, сказали 88,9% опрошенных студентов. Около 60% опрошенных пользуются социальными сетями Instagram и YouTube. Около 50% опрошенных используют такие социальные сети как TikTok и Telegram. Только несколько процентов из числа опрошенных используют социальные сети Twitter и Facebook.

Для оценки степени доверия к различным источникам информации студентов попросили проранжировать их в порядке убывания. Оказалось, что наибольшее доверие у участников опроса вызывает информация, полученная благодаря собственному жизненному опыту. Также к вызывающим доверие источникам информации студенты относят семью и интернет. Меньшей степенью доверия у них пользуется информация, полученная из СМИ и от учителя.

Применение процедуры факторного анализа данных позволило установить, что степень доверия различным источникам информации образует 2 фактора: первый объединил недоверие интернету и доверие учителям и семье, а второй – доверие друзьям и собственному опыту и недоверие СМИ.

Результаты исследования показали, что подавляющее большинство опрошенных (83,7%) относятся к информации, размещенной в интернете, критично (подозревают, что она может быть недостоверной). Только

7,4% считают, что не сталкиваются с недостоверной информацией. Студенты указали, что, встретившись с недостоверной информацией, они стремятся проверить ее через обращение в интернет-сообщества. Так поступят 57,4% опрошенных. К своим родственникам обратятся за проверкой информации только 13,6%. Мнение друзей в качестве возможного критерия достоверности информации рассматривают и того меньшее число студентов – 6,1%.

Согласно полученным данным, студенты оценивают влияние, которое оказывает на них информация из интернета как частичное (3 балла выбрали 37,9% опрошенных; 1 балл – 13,4%; 2 балла – 23,7%; 4 балла – 19,3%; 5 баллов – 5,7%).

В ходе исследования определялась частота встречаемости в информационном пространстве студентов сообщений, содержащих националистические идеи, призывы к противоправным действиям, экстремистской деятельности. Оказалось, что с призывами к радикальным действиям в социальных сетях студенты сталкиваются редко или вообще не встречаются.

В ходе исследования анализировалась связь между исследуемыми переменными. В качестве метода математической обработки данных использовался CHAID анализ. В результате была построена модель, ошибка классификации для которой оказалась в пределах 15,2–17,6%.

Согласно полученной модели, факторами столкновения студентов с призывами к экстремистским действиям являются: 1) степень доверия своему личному опыту, учителям, СМИ и семье, 2) уровень критичности восприятия информации; 3) использование социальных сетей TikTok, Instagram, Telegram, YouTube и ВКонтакте (рисунок 1).

Самая высокая степень вероятности встречи с призывами к противоправным, экстремистским и радикальным действиям наблюдается у студентов, которые не используют YouTube и TikTok, а также не доверяют своему опыту как источнику информации. Несмотря на то что доля таких студентов в общей выборке составляет всего 4%, именно у них шанс встретиться с призывами к радикальным действиям составляет 45%. Практически 40% – шансы услышать призывы к экстремистским действиям составляют у пользователей Telegram и TikTok, которые либо совсем не доверяют учителям, либо наоборот сильно им доверяют, но при этом мало доверяют собственному опыту как источнику информации.

С другой стороны, практически нулевая вероятность (5%) столкнуться с призывами к радикальным действиям отмечается у студентов, которые не пользуются Telegram, не критично воспринимают информацию, отчасти доверяют учителям и доверяют своему опыту как источнику информации. Доля таких студентов в общей выборке исследования составила 5%.

Сопоставляя данные, полученные в ходе исследования, с результатами других авторов, изучавших особенности медиапотребления российских студентов, можно отметить, что в целом они совпадают [17]. И закономерным видится то, что они не совпадают с результатами оценки использования социальных сетей в зарубежных странах [18]. Несколько иная картина складывается при анализе использования социальных сетей взрослыми людьми (18–60 лет). Например, отмечается, что в данной категории в 2019 году YouTube обогнал Facebook как самую популярную социальную сеть в США. Instagram при этом оставался третьей по популярности социальной сетью оба года [19].

Результаты предшествующих исследований [17], как и представленные в статье данные, говорят о том, что

молодежь доверяет онлайн-источникам информации. В то же время, Д.В. Голоухова отмечает, что контент внутри социальных сетей, с точки зрения студентов, различается по степени достоверности [11]. Исходя из пред-

ставленного автором подхода, можно сделать вывод, что структура использования различных социальных сетей студентами отражает их основную возрастную задачу, а именно получение профессионального образования.

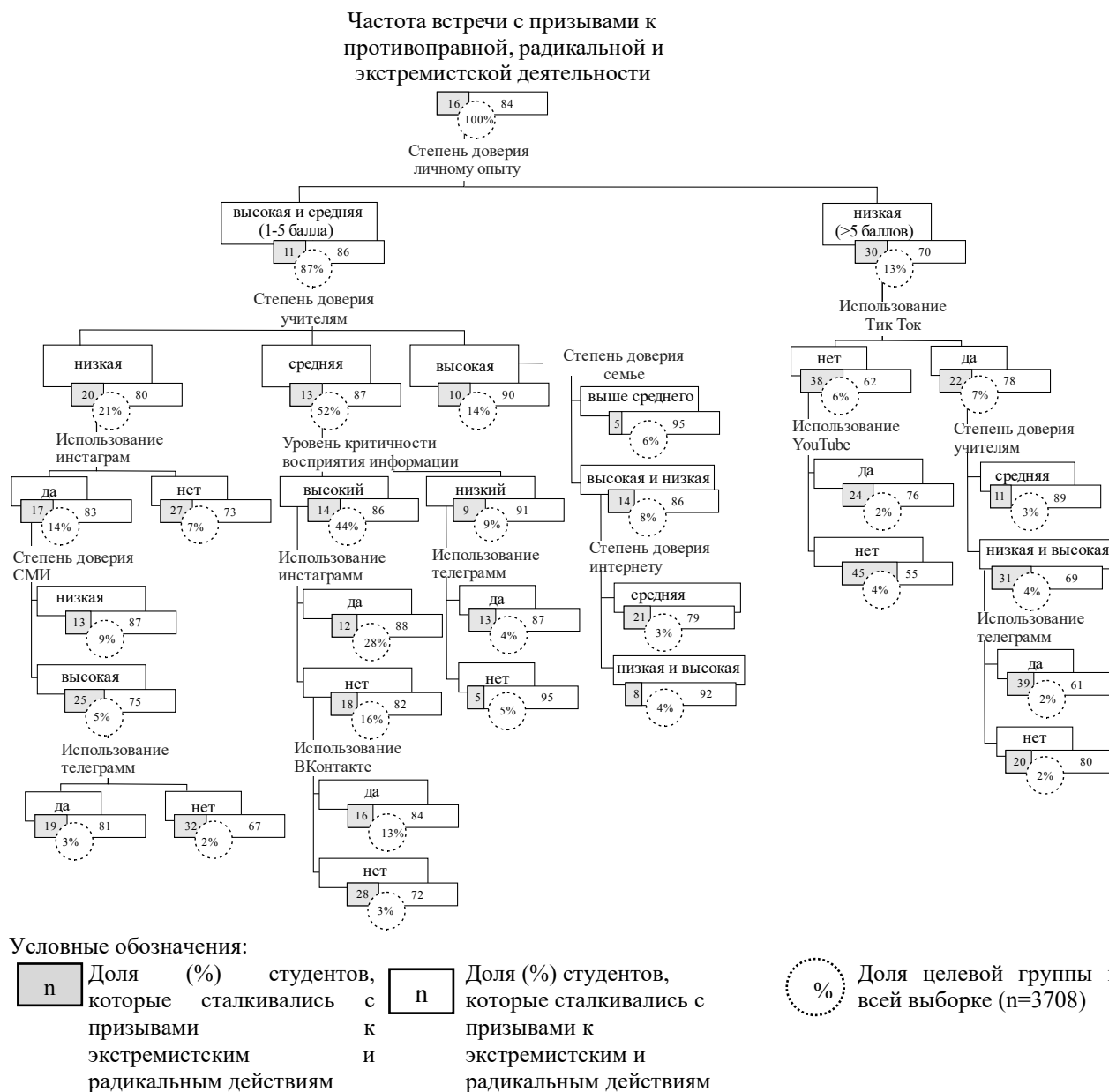

Рис. 1. Дерево решений для анализа опосредованности встречи с информацией, призывающей к противоправной, радикальной или экстремистской деятельности, особенностями медиапотребления у студентов

Итак, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Студенты являются активными пользователями социальных сетей. При этом наибольшей популярностью среди опрошенных пользуются социальная сеть «ВКонтакте». Наибольшее доверие у участников опроса вызывает информация, полученная на собственном опыте. Также доверие вызывает информация, полученная от членов семьи и через интернет. Меньшей степенью доверия пользуется информация от СМИ и от учителей.
2. Более 80% студентов критично относятся к информации, поступающей к ним, и стремятся проверить ее. При этом они прибегают к помощи интернет-сообществ. В целом студенты считают, что информация, поступающая из интернета, оказывает на них умеренное влияние.

3. Студенты редко слышат призывы к противоправной, радикальной деятельности. Они редко встречают в социальных сетях тематические группы, связанные с националистическими идеями.
4. Наиболее существенным фактором является доверие к собственному опыту как источнику информации. Этот фактор усиливается или ослабляется за счет уровня критичности восприятия информации, степени доверия к различным источникам информации, а также использования различных социальных сетей.

Литература

1. Нагорный А. Профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи России // Ученые записки Крымского федерального университета имени

- В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 7 (1). С. 105–115.
2. Тхабисимова Л.А. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Актуальные проблемы противодействия экстремизму: материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 36–40.
 3. Будко Д. В., Нежинская К.С. Проблема профилактики экстремизма среди молодежи // Парадигма-ДВ 2019: материалы Регионального конкурса научных работ в сфере психолого-педагогической профилактики негативных явлений среди молодежи. 2019. С. 15–19.
 4. Борисов С.В., Вагутин Д.В. Надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму в молодежной среде // Законность. 2013. № 4 (942). С. 9–14.
 5. Горфина М.Н., Горфин В.Л. Сущностные характеристики экстремизма и терроризма среди молодежи в России // Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2018. С. 109–117.
 6. Мусаева Г.М. Актуальные проблемы молодежного экстремизма и терроризма // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2017. № 32 (1). С. 215–233.
 7. LaFree G., Freilich J.D. Bringing Criminology into the Study of Terrorism // The Handbook of the Criminology of Terrorism, edited by Gary LaFree, Joshua D. Freilich. Oxford: John Wiley & Sons, Ltd, 2017. P. 1–14.
 8. Silke A., Brown K. Radicalisation: The Transformation of Modern Understanding of Terrorist Origins, Psychology and Motivation. State, Society and National Security Edited By: Shashi Jayakumar. London: World Scientific Publishing Co Pte Ltd, 2016. P. 129–150.
 9. Allcott H., Gentzkow M. Social media and fake news in the 2016 election // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. P. 211–236.
 10. Messing S., Westwood S.J. Selective exposure in the age of social media: endorsements trump partisan source affiliation when selecting news online // Communication Research. 2014. Vol. 41. P. 1–22.
 11. Голоухова Д.В. Дифференциация функций социальных сетей в медиасреде студентов (на примере студентов МГИМО // Коммуникология. 2021. Том 9. № 4. С. 15–25.
 12. Kravchenko S.A. From formal rationality to the digital one: Side-effects, ambivalences, and vulnerabilities // RUDN Journal of Sociology. 2021. Т. 21. Vol. 1. P. 7–17.
 13. Суходолов А.П., Лебедев А.В., Торопов Б.А., Бабкин А.А., Спасенников Б.А. Математические методы в правоохранительной деятельности: вопросы противодействия экстремизму в социальных сетях // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 468–475.
 14. Zhaksylyk K., Bатыркhan O., Shynar M. Review of violent extremism detection techniques on social media. 16th International Conference on Electronics Computer and Computation (ICECCO). 2021. P. 1–5.
 15. Nouh M., Nurse J.R.C., Goldsmith M. Understanding the Radical Mind: Identifying Signals to Detect Extremist Content on Twitter. IEEE International Conference on Intelligence and Security Informatics (ISI). 2019. P. 98–103.
 16. Wei Y., Singh L., Martin S. Identification of extremism on Twitter. IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM). 2016. P. 1251–1255.
 17. Попова О.В. Политическая онлайн-коммуникация молодежи российских мегаполисов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 2. С. 28–54.
 18. Umegaki Y., Higuchi A. Personality traits and mental health of social networking service users: A cross-sectional exploratory study among Japanese undergraduates // Computers in Human Behavior Reports. 2022. Vol. 6. P. 376–389.
 19. Gambo S., Özad B. The demographics of computer-mediated communication: A review of social media demographic trends among social networking site giants // Computers in Human Behavior Reports. 2020. Vol. 2. P. 476–486.

SOCIAL NETWORKS AS A RISK FACTOR FOR YOUTH RADICAL IDEAS

Sivrikova N.V., Ptashko T.G., Roslyakova S.V., Perebeynos A.E., Pavlenko E.F.
South Ural State Humanitarian Pedagogical University; Chelyabinsk State University

The relevance of the study is determined by the fact that social networks have turned out to be a convenient tool for disseminating new ideas and sharing best practices in manipulating consciousness. The purpose of this work was to study the relationship between the fact of using various social networks and the risk of students colliding with radical ideas. The study was conducted by the method of an online survey, in which 3297 students aged 16 to 24 took part. The results of the study showed that the respondents are critical of the information presented on the network and demonstrate an attitude to verify the dubious information received in the Internet communities; rarely found in the Internet space with groups spreading radical ideas. The results of the study led to the conclusion that the characteristics of students' media consumption are associated with the likelihood of meeting calls for radical activity on the Internet. At the same time, the most significant factor is trust in one's own experience as a source of information. This factor is strengthened or weakened by the level of criticality of perception of information, the degree of trust in various sources of information, as well as the use of various social networks.

Keywords: social networks, media consumption, critical perception of information, youth radicalization.

References

1. Nagorny A. Prevention of extremism and terrorism among the youth of Russia // Uchenye zapiski V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2021. No. 7 (1). pp. 105–115.
2. Tkhabisimova L.A. Prevention of extremism in the youth environment // Actual problems of countering extremism: materials of the international scientific and practical conference. 2018. S. 36–40.
3. Budko D.V., Nezhinskaya K.S. The problem of preventing extremism among young people // Paradigma-DV 2019: materials of the Regional competition of scientific works in the field of psychological and pedagogical prevention of negative phenomena among young people. 2019. S. 15–19.
4. Borisov S.V., Vagutin D.V. Supervision over the implementation of laws on countering extremism in the youth environment // Legitimacy. 2013. No. 4 (942). pp. 9–14.
5. Gorfina M.N., Gorfin V.L. Essential characteristics of extremism and terrorism among young people in Russia // Dynamics of the relationship between various fields of science in modern conditions: a collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference. 2018. P. 109–117.
6. Musaeva G.M. Actual problems of youth extremism and terrorism // Bulletin of the Dagestan State University. Series 3. Social Sciences. 2017. No. 32 (1). pp. 215–233.
7. LaFree G., Freilich J.D. Bringing Criminology into the Study of Terrorism // The Handbook of the Criminology of Terrorism, edited by Gary LaFree, Joshua D. Freilich. Oxford: John Wiley & Sons, Ltd, 2017. P. 1–14.
8. Silke A., Brown K. Radicalisation: The Transformation of Modern Understanding of Terrorist Origins, Psychology and Motivation. State, Society and National Security Edited By: Shashi Jay-

- akumar. London: World Scientific Publishing Co Pte Ltd, 2016. P. 129–150.
9. Allcott H., Gentzkow M. Social media and fake news in the 2016 election // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31. P. 211–236.
 10. Messing S., Westwood S.J. Selective exposure in the age of social media: endorsements trump partisan source affiliation when selecting news online // *Communication Research*. 2014. Vol. 41. P. 1–22.
 11. Goloukhova D.V. Differentiation of the functions of social networks in the media environment of students (on the example of MGIMO students // *Communicology*. 2021. Vol. 9. No. 4. P. 15–25.
 12. Kravchenko S.A. From formal rationality to the digital one: Side-effects, ambivalences, and vulnerabilities // *RUDN Journal of Sociology*. 2021. T. 21. Vol. 1. P. 7–17.
 13. Sukhodolov A.P., Lebedev A.V., Toropov B.A., Babkin A.A., Spasennikov B.A. Mathematical methods in law enforcement: issues of countering extremism in social networks // *All-Russian criminological journal*. 2018. V. 12. No. 4. C. 468–475.
 14. Zhaksylyk K., Batyrkhan O., Shynar M. Review of violent extremism detection techniques on social media. 16th International Conference on Electronics Computer and Computation (ICECCO). 2021. P. 1–5.
 15. Nough M., Nurse J.R.C., Goldsmith M. Understanding the Radical Mind: Identifying Signals to Detect Extremist Content on Twitter. *IEEE International Conference on Intelligence and Security Informatics (ISI)*. 2019. P. 98–103.
 16. Wei Y., Singh L., Martin S. Identification of extremism on Twitter. *IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM)*. 2016. P. 1251–1255.
 17. Popova O.V. Political online communication of the youth of Russian megacities // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. V. 3. No. 2. S. 28–54.
 18. Umegaki Y., Higuchi A. Personality traits and mental health of social networking service users: A cross-sectional exploratory study among Japanese undergraduates // *Computers in Human Behavior Reports*. 2022. Vol. 6. P. 376–389.
 19. Gambo S., Özad B. The demographics of computer-mediated communication: A review of social media demographic trends among social networking site giants // *Computers in Human Behavior Reports*. 2020. Vol. 2. P. 476–486.

Социальная эффективность государственного управления в системе предоставления государственных услуг

Евсеев Александр Дмитриевич,
студент НИУ ВШЭ
E-mail: alex.evseev1234@icloud.com

Лащёнов Михаил Сергеевич,
к.с.н., доцент кафедры теории и методологии
государственного управления Академии управления МВД
России
E-mail: Laschenov.m@yandex.ru

В статье акцентируется внимание на проблеме эффективности государственного управления в социальной сфере, где реализация прав граждан находится в прямой зависимости от управленческой и правоприменительной деятельности государственных органов. Особенно наглядно дефицит социальной эффективности государственного управления проявляется в ситуациях, сопровождаемых экономическими интересами государства. Их противопоставление необходимости выполнения социальных обязательств предопределяет второстепенное значение последних, и порой даже посредством нарушения принципов социального партнерства: равенства и справедливости. Реализуемая, таким образом, государственная стратегия, не учитывающая в полной мере значимости социального эффекта осуществляемой деятельности, дискредитирует государственную власть в глазах населения, выступает детерминирующим фактором (источником) социальной напряженности, подтачивает основы национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: государство, исполнительные органы власти, стратегия, формирование имиджа, социальная эффективность, общественное доверие, оценка деятельности.

Обеспечение устойчивого и стабильного роста национальной экономики выступает одной из основных стратегических целей государства. Практическая реализация этой цели во многом возлагается на органы исполнительной власти, которые мерами прямого и косвенного воздействия обязаны создавать не только условия к усилению активности субъектов экономического процесса, но и обеспечивать проводимые мероприятия сопутствующими изменениями институциональной и культурной среды в целях обеспечения поддержки и позитивного их восприятия со стороны населения. Иными словами, реализация государственных задач органами исполнительной власти должна сопровождаться неукоснительным соблюдением принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина, и только при таком положении вещей может достигаться социальная эффективность государственного управления, создающая фундаментальную основу национальной безопасности Российской Федерации.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы на основе анализа практики реализации отдельной государственной услуги выявить первопричины неэффективности государственного управления с позиции выполнения социальной функции. Методом исследования выступает качественный контент-анализ правоприменительных норм оказания государственных услуг в сфере земельных отношений.

Используемый программно-целевой подход и процессы цифровизации государственных услуг предполагают изменения и адаптацию нормативной базы, разработку регламентов, совершенствование методических основ оценки качества государственного управления в сфере предоставления государственных услуг. Основным нормативным правовым актом, регулирующим сферу государственных услуг является Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ [1]. При этом вопросы достижения социальной эффективности государственного управления, в том числе при реализации указанных направлений, остаются в разряде формальных целей и фактически нормативно не обеспечены действенными механизмами целедостижения.

Так, в качестве одной из действенных мер поддержания стабильности национальной экономики со стороны органов исполнительной власти (далее – ОИВ) выступает вовлечение в хозяйственный оборот новых земельных участков посредством их формирования в границах административно-территориальных единиц (населенных пунктов) и последующей реализации через аукционы и торги.

Во-первых, этот процесс позволяет привлекать в бюджет региона значительные материальные средства от аренды и прямой продажи земли, поскольку основная суть аукциона состоит в реализации принципа состязательности между потенциальными покупателями в целях достижения максимальной прибыли.

Во-вторых, результатами такой деятельности выступает создание новой базы для исчисления и уплаты налога на недвижимость, налога на имущество (рост налоговых поступлений в бюджет), а при возникновении права собственности по основаниям п. 5 ст. 153 ЖК РФ и последующей элетрофикации, газификация вновь образуемых объектов недвижимости создают основания для поступления регулярных коммунальных платежей.

В третьих, наличие земельного участка в собственности (аренде) стимулирует активность собственников (арендаторов) на строительство новых объектов недвижимости, организацию фермерских и приусадебных хозяйств, огородничества, с последующим решением задач импортозамещения товаров и услуг, что соответственно способствует решению вопросов занятости населения в регионе реализации государственной услуги, снижению безработицы, созданию дополнительного спроса и здоровой конкуренции на рынке товаров и услуг. А в целом способствует освоению новых территорий обеспечивает экономический рост и привлекательность региона.

И если в общем, реализуемые ОИВ мероприятия в рамках земельных отношений имеют выраженную экономическую эффективность, то в части формирования институциональной и культурной среды их реализации наличествуют определенные организационные проблемы, дискредитирующие ОИВ и подрывающие их имидж в глазах общественности. Поэтому вопрос о достижении главной цели стратегического управления государством, отражающей поступательный процесс повышения уровня и улучшения качества жизни всех граждан, остается открытым, поскольку экономическая эффективность предопределяет значимость социальной, равно как и доминирование государственных интересов над частными. При этом, понятие «качество жизни», как правило, уточняется здесь через систему показателей удовлетворенности социального слоя, группы или общества в целом обеспечением основных материальных благ. Соответственно, состояние «неудовлетворенности» может выражаться не только через социальное самочувствие, возникающее на основе субъективных потребностей социальных субъектов по отношению к уровню доходов населения, качеству медицины, доступности образования, обеспеченности жильем, формируемой духовно-нравственной атмосфере и т.п., но и формироваться по отношению к деятельности власти как таковой в свете реализуемых ею социальных проектов (пенсионной реформы, монетизации льгот, повышение услуг ЖКХ и т.д.). в нашем случае в отношении проводимой земельной реформы.

В целом, основные направления её реализации в полном согласуются с достижением поставленных целей, обеспечивая долгосрочное социально-экономическое развитие страны. Однако, их непосредственная реализация на местах, в регионах и на муниципальном уровне предполагает более внимательного отношения со стороны представителей власти. Как правило, значительные разногласия возникают при толковании положений административных регламентов. Так, Административный регламент предоставления государственной услуги «Предоставление земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, в аренду без проведения торгов, в собственность за плату без проведения торгов» (далее – государственной услуги), утвержденный распоряжением Минмособлимуущества от 31.05.2021 № 15BP-883 в редакции от 28.03.2022 № 15BP-481 в качестве оснований для отказа в оказании услуги дополнен пунктом 13.2.52 следующего содержания «площадь территории застроенной индивидуальным жилым домом принадлежащим Заявителю, расположенным на земельном участке с видом разрешен-

ного использования: для индивидуального жилищного строительства..., приобретенного на торгах, составляет менее 5 (пяти) процентов общей площади земельного участка» [2].

Анализ практики оказания государственной услуги свидетельствует о том, что при принятии решения об отказе муниципальные органы Московской области учитывают «площадь застройки» руководствуясь сведениями об основных характеристиках выписки ЕГРН об объекте недвижимости, в строке – «площадь объекта». Площадь объекта недвижимости (здания, помещения) определяется кадастровым инженером самостоятельно в соответствии с Требованиями к определению площади здания, сооружения и помещения, утвержденными Приказом Росреестра от 23.10.2020 № П/0393 [3]. Этим же нормативным актом утверждены требования к определению площади застройки сооружения, которая определяется на основании значения координат характерных точек контура такого сооружения как площадь проекции внешних границ ограждающих конструкций сооружения на горизонтальную плоскость, проходящую на уровне примыкания сооружения к поверхности земли, включая выступающие надземные и (или) подземные части такого сооружения [3]. При этом «площадь застройки жилого дома» не является основной характеристикой объекта недвижимости при формировании выписки ЕГРН, и соответственно, не отражается документально.

Полагаем, что по логике положения 13.2.52 Административного регламента необходимо применять термин «площадь застройки», утвержденный в СНИП 31–06–2009 «Общественные здания и сооружения», утв. Приказом Минстроя России от 17.09.2019 № 546/пр. – «земельный участок, который занимает конкретная постройка. Расчет делается по внешнему краю фундамента сооружения с учетом всех пристроек и выступающих частей» [4].

На сайте MOS.REG при оказании государственных услуг в сфере земельных отношений термины «Площадь объекта» и «Площадь застройки» имеют справочное толкование. При этом, «площадь застройки» трактуется как площадь горизонтального сечения по внешнему обводу объекта по цоколю, включая выступающие части (входные площадки ступени, веранды террасы, приямки, входы в подвал). В площадь застройки включается также подземная часть, выходящая за контур проекции здания.

Так, для получения анализируемой услуги по выкупу земельного участка площадью 1000 м заявителю необходимо иметь зарегистрированный в пределах земельного участка одноэтажный объект недвижимости (здание, сооружение) площадью не менее 50,1 м, с отражением указанных сведений в выписке ЕГРН. Лишь в этом случае заявитель может рассчитывать на положительное решение муниципалитета по оказанию услуги, так как «площадь территории, застроенной индивидуальным жилым домом, составляет более 5 (пяти) процентов общей площади земельного участка». Однако, логика анализируемой правовой нормы теряет логический смысл в случае строительства двухэтажного здания на территории площадью, например 33 м² в пределах такого же земельного участка площадью 1000 м², так как в данном случае площадь объекта суммируется и с учетом этажности будет составлять не менее 60 м² (с отражением сведений в выписке ЕГРН, принимаемой за основу при выдаче заключения), при этом «площадь застроенная жилым домом» останется в пределах 33 м². Обоснованным в данном случае признается решение муниципалитета, учитывающее «площадь застройки» и последующий отказ в оказании услуги. При этом любые

споры, досудебные разбирательства и согласования сопровождаются необходимостью непрерывного внесения арендной платы за арендуемый земельный участок, что влечет необоснованные материальные затраты арендаторов, вызывая социальное недовольство деятельностью органов исполнительной власти, лишая государственное управление достижению целей социальной эффективности. При этом, контент-анализ судебных решений, размещенных на официальных сайтах судов Московской области, свидетельствует о том, что количество споров, связанных с земельными отношениями, по которым в качестве истца выступают граждане, а в качестве ответчика – администрации муниципалитетов, значительно возросло и составляет более 2/3 от общего числа рассматриваемых «земельных» дел.

Несмотря на тот факт, что обозначенная проблема правовой регламентации достаточная явная и её выявление не требует экспертного анализа, отмеченные положения действующего регламента, и в частности подпункт 13.2.52, в течение длительного времени не подвергается корректировке и продолжает действовать, выступая основанием для обоснованного роста количества новых судебных исков. Проведенный анализ ситуации (контент-анализ протоколов совещаний с органами местного самоуправления за 2021–2022 годы) указывает, что причины такого положения дел кроются в наличии «системных» требований со стороны контролирующих муниципалитеты субъектов, в частности со стороны Министерства имущественных отношений, которые оказывают прямое воздействие на процесс принятия решения по вопросам земельно-имущественных отношений, в том числе в рамках межведомственного взаимодействия посредством направления на согласование проектов решений, разрешений, договоров, соглашений и т.п. [5]. Решения, принимаемые на заседаниях межведомственной комиссии являются обязательными к исполнению органами государственной власти, а вот «системные» требования, положенные в основание принятия таких решений, в нарушении принципов открытости, доступности и понятности, мало того, что не доводятся до сведения субъектов земельных правоотношений, выступающих со стороны гражданского общества, но и регулярно пересматриваются, объективно лишая заинтересованных в аренде лиц объективного понимания критериев застройки и иных параметров, влияющих на принятие решений по оказываемой государственной услуге. Таким образом, умышленное «затягивание» сроков аренды происходит, в том числе, по причине явного отсутствия отсылочных норм, определяющих понятия «площадь застройки» и обосновывается существующими критериями оценки деятельности со стороны контролирующих органов и наличием «скрытых системных» требований. Значимость достижения социальной эффективности государственной деятельности в сфере оказания государственной услуги, уходит на второй план, за пределы основных целей деятельности.

Результатами проведенного исследования выступает объективированное мнение авторов о том, что необходимость качественного изменения институциональной и культурной среды той либо иной регулируемой сферы государственного управления, выступает действенным показателем реализации целедостижительной (а не мнимой) социально ориентированной стратегии. Качественное состояние такого показателя не может формироваться без фиксации уровня социальной удовлетворенности/неудовлетворенности населения качеством оказываемых государством услуг, что предопределяет дальнейшее направление для совершенствования оценки деятельности.

Заключение

Проводимые государством преобразования сталкиваются со значительными проблемами их реализации на местах (в регионах), сопровождаются явными и преднамеренными пробелами в законодательстве, порождающими проявления коррупции и нарушения прав граждан, что в целом дискредитирует государственную власть в глазах населения, выступает детерминирующим фактором (источником) социальной напряженности, подтачивает основы национальной безопасности Российской Федерации. Изложенные выводы в части наличия взаимосвязи между нарушениями прав граждан и обеспечением национальной безопасности, на первый взгляд могут показаться не совсем очевидными. Однако следует понимать, что за каждым таким событием, выступающим результатом необоснованных действий государственных и муниципальных структур, стоит чья-то семейная трагедия, искалеченная судьба, материальная несостоятельность (банкротство) и т.п., дополняемые отсутствием реально действующих (а не мнимых) механизмов восстановления нарушенных прав, что лишь усугубляет социальную напряженность в обществе, блокирует гармоничное развитие государства и общества. Социальная эффективность должна стать доминирующим аспектом деятельности государственных и муниципальных органов власти. И при таком подходе социальная функция способна выступить фундаментальной основой качественного единения государства и общества в решении любых общезначимых задач современного мира.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2022) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Административный регламент предоставления государственной услуги «Предоставление земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, в аренду без проведения торгов, в собственность за плату без проведения торгов» утвержденный распоряжением Минмособлимушества Московской области от 31.05.2021 № 15BP-883 (в ред. от 28.03.2022 № 15BP481. [Электронный ресурс] // <https://mio.mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/administrativnyereglamenty/28-03-2022-16-22-22-rasporyazheniemmosoblimumshchestva-ot-28-marta>
3. Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 23.10.2020 № П/0393. [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. СНИП 31-06-2009 «Общественные здания и сооружения», утв. Приказом Минстроя России от 17.09.2019 № 546/пр. [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Закон Московской области от 10 декабря 2020 года № 270/2020-ОЗ «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Московской области отдельными государственными полномочиями Московской области в области земельных отношений» [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

SOCIAL EFFICIENCY OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE SYSTEM OF PROVIDING PUBLIC SERVICES

Evseev A.D., Laschenov M.S.

National Research University Higher School of Economics, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article focuses on the problem of the effectiveness of public administration in the social sphere, where the implementation of the rights of citizens is directly dependent on the administrative and law enforcement activities of state bodies. Especially clearly the lack of social efficiency of public administration is manifested in situations accompanied by the economic interests of the state. Their opposition to the need to fulfill social obligations predetermines the secondary importance of the latter, and sometimes even through violation of the principles of social partnership: equality and justice. The state strategy implemented in this way, which does not fully take into account the significance of the social effect of the activities carried out, discredits state power in the eyes of the population, acts as a determining factor (source) of social tension, undermines the foundations of the national security of the Russian Federation.

Keywords: state, executive authorities, strategy, image formation, social efficiency, public trust, performance evaluation.

References

1. Federal law of 27.07.2010 № 210-FZ “On the organization of the provision of state and municipal services” (red. from 30.12.2021)
2. Administrative Regulations for the provision of the state service “Provision of land plots, the state ownership of which is not demarcated, for rent without bidding, in ownership for a fee without bidding” approved by the order of the Ministry of Municipal Property of the Moscow Region dated 31.05.2021 No. 15VR-883 (as amended on 28.03.2022 No. 15VR481. [Elektronnyi resurs] // <https://mio.mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/administrativnye-reglamenti/28-03-2022-16-22-22-rasporyazhenie-minmosoblimumshchestva-ot-28-marta>.
3. Order of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography of 23.10.2020 No P/0393. [Electronic resource] // Access from the reference legal system “ConsultantPlus”.
4. SnIP 31-06-2009 “Public buildings and structures”, utv. Priказom Ministroya Rossii ot 17.09.2019 No 546/pr. [Elektronnyi resurs] // Access iz referency pravogogo sistema «Consultant-Plus».
5. The Law of the Moscow Region dated December 10, 2020 No. 270/2020-OZ “On Endowing the Local Self-Government Bodies of the Municipalities of the Moscow Region with Certain State Powers of the Moscow Region in the Region of Land Relations” [Electronic Resource] // Access from the Reference Legal System “ConsultantPlus”.

Источники мотивации работников сельскохозяйственных предприятий

Кохан Жанна Сергеевна,

к.ф.н., доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права
E-mail: zgolovko99@rambler.ru

Сережко Татьяна Алексеевна,

к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права
E-mail: serezhko@mail.ru

Шкилёв Максим Владимирович,

аспирант, Белгородский университет кооперации, экономики и права
E-mail: maks.shkilev@gmail.com

Описана метатеория мотивации, которая используется для исследования среди работников сельскохозяйственного предприятия в Белгородской области. Результаты демонстрируют высокую долю внутренней самоконцепции в трудовой мотивации работников. Это базовое исследование подразумевает, что работодатели, руководители и педагоги могут наиболее эффективно заинтересовать и мотивировать персонал сельскохозяйственных предприятий, если апеллируют к внутренним стандартам работников и их представлению об идеальном «Я».

Ключевые слова: мотивация, сельскохозяйственное предприятие, источники мотивации.

В современных условиях «человеческий фактор» становится ключевым элементом развития предприятия. Система мотивации в сельскохозяйственном предприятии имеет свою специфику, связанную с такими особенностями организации труда как: сезонность работ, результаты производства напрямую зависят от погодноклиматических условий региона, сложные условия труда и т.д. Все эти условия требуют использования нестандартных методов как к самой системе мотивации, так и к методам ее внедрения [4].

Мотивация рассматривалась со многих точек зрения, включая психосоциальную (Юнг, 1971), основанную на потребностях (Маслоу, 1954; Макклелланд, 1961), внутреннюю (Деци, 1975; Кац и Кан, 1978), социальную идентичность (Эшфорт и Маэл, 1989), основанную на ценностях (Эциони, 1961; Кельман, 1958) и пр. Аргументы в пользу каждой точки зрения были длинными и исчерпывающими в литературе по социальным наукам. Однако результаты таких усилий, как правило, не обеспечивают интегративной основы.

Одной из наиболее общепринятых и применяемых таксономий мотивации является триада, разработанная и введенная в действие Макклелландом (1961, 1987). Эта теория мотивации подчеркивает три потребности: потребность во власти, потребность в принадлежности и потребность в достижениях. Несмотря на всеобщее признание, триада и ее мера, тематический апперцептивный тест (ТАТ) подверглись критике [5]. Леонард, Бове и Сколл (1999) предложили интегративную модель мотивации, основанную на исследованиях в этой области. В их модели были объединены точки зрения нескольких теоретиков, которые определили пять источников мотивации. Эти источники включали внутренние процессы, инструментальную мотивацию, внешнюю и внутреннюю концепцию Я и интернализацию цели.

Метатеория мотивации была введена в действие Барбуто и Сколлом с разработкой и валидацией перечня источников мотивации из 30 пунктов (MSI). Использование источников мотивации продемонстрировало тесную связь с тактикой влияния и трансформационным поведением [5]. В прикладных исследованиях были обнаружены другие корреляции с адаптацией студентов-иммигрантов, а также с гражданской позицией организации и альтруистическим поведением [6].

Ниже приводится краткое описание этих пяти источников мотивации.

Если человек мотивирован выполнять определенные виды работы или участвовать в определенных типах поведения просто ради удовольствия, то имеет место внутренняя мотивация процесса. В этом источнике мотивации сама работа выступает в качестве стимула. Аналогичные конструкции внутренней мотивации процесса можно найти в научной литературе. Описание, основанные на потребностях, аналогичные внутреннему процессу, включают потребности раннего существования, внутренние потребности в удовольствии (Мюррей, 1964) и физиологические потребности (Маслоу, 1954). Бандура (1986) описывает внутреннюю сенсорную мотивацию в терминах, аналогичных тем, которые используются для описания внутренней мотивации процесса.

Термин «внутренняя мотивация» часто используется для обозначения личного удовлетворения, получаемого

го от достижения целей или задач. Используемый здесь термин «внутренний процесс» отличается от классической интерпретации внутренней мотивации тем, что в нем делается акцент на немедленном удовольствии во время деятельности, а не на удовлетворении, получаемом в результате ее достижения. Классическая внутренняя мотивация представлена в этой таксономии мотивации как внутренняя самооценка [5].

Инструментальные вознаграждения мотивируют людей, когда они понимают, что их поведение приведет к определенным осязаемым результатам, таким как оплата труда, продвижение по службе, бонусы и т.д. Подобные инструментальные мотивы были описаны как потребность в безопасности (Маслоу, 1954), во власти (Макклелланд, 1961), внешняя мотивация (Бандура, 1986) и материальные стимулы (Барнард, 1938) и пр.

Инструментальная мотивация отличается от классической внешней мотивации тем, что этот мотив проистекает из осязаемых внешних вознаграждений, тогда как классическое определение включает социальные вознаграждения и межличностные отношения (в этой типологии они называются «внешняя Я-концепция»). Инструментальный мотив, расчетливый по своей природе, скорее всего, преследует наиболее лично выгодный результат. Индивиды, руководствующиеся инструментальными мотивами, с большей вероятностью будут стремиться к оптимальному балансу затрат и результатов [5].

Внешняя самоконцепция – этот источник мотивации, как правило, основанный на внешних факторы, когда индивид в первую очередь ориентирован на других и ищет подтверждения своих черт, компетенций и ценностей. Индивид ведет себя так, чтобы удовлетворить членов референтной группы, сначала для того, чтобы получить признание, а затем для того, чтобы получить статус. Другие исследователи описывали подобную мотивацию как потребность в любви, привязанности и принадлежности (Маслоу, 1954), потребность в принадлежности (Макклелланд, 1961; Мюррей, 1964) и пр. Социальные награды и сравнения со сверстниками присущи внешней Я-концепции.

Внутренняя самоконцепция – это источник мотивации, имеющий внутренние основания. При этом типе мотивации индивид устанавливает внутренние стандарты черт характера, компетенций и ценностей, которые становятся основой для идеального «Я». Затем человек мотивируется к поведению, которое подкрепляет эти стандарты, и впоследствии достигает более высокого уровня компетентности. Подобные мотивы описываются как потребность в уважении (Маслоу, 1954), в достижении (Макклелланд, 1961; Мюррей, 1964) и мотивирующие факторы (Герцберг, 1968).

Поведение, мотивированное интернализацией цели, возникает, когда индивид перенимает установки и поведение, поскольку их содержание соответствует личной системе ценностей индивида. Сильные идеалы и убеждения имеют первостепенное значение в этом мотивационном источнике [5]. Работник верит в правое дело, развил в себе сильное чувство долга и поэтому мотивирован работать ради достижения цели коллектива. Этот источник мотивации аналогичен интернализированным ценностям Каца и Кана (1978) и самоактуализации (Маслоу, 1954). Интернализация цели отличается от предыдущих четырех источников мотивации тем, что в ней устраняется личный интерес. Мотивация из этого источника возникает потому, что люди верят в причину [5].

Таким образом, при внутренней мотивации процесса сама работа выступает в качестве стимула, поскольку работники получают удовольствие от того, что они делают. При инструментальной мотивации мотивируют

индивида вознаграждения, такие как оплата труда, продвижение по службе, бонусы и т.д. С внешней Я-концепцией мотивирующий фактор – репутация человека или то, как его или ее воспринимают другими. С помощью внутренней Я-концепции индивид устанавливает внутренние стандарты черт, компетенций и ценностей идеального «Я». Достижение идеального «Я» служит мотивацией для поведения. Однако при интернализации целей отдельным лицам не требуются какие-либо сильные стимулы, кроме веры в то, что с их помощью могут быть достигнуты цели организации. Люди, мотивированные интернализацией цели, мотивированы работать над достижением цели коллектива. Разработанная таксономия обеспечивает столь необходимую основу для понимания индивидуального поведения и принятия решений.

Целью нашего исследования является изучение источников мотивации (MSI) среди работников сельскохозяйственного предприятия.

MSI использовался для измерения пяти источников мотивации. Этот инструмент был разработан для измерения мотивации в традиционных деловых/организационных условиях и использовался для прогнозирования тактики влияния лидера, трансформационного лидерского поведения, поведения гражданской позиции организации. Он показал себя как надежным, так и валидным в широком круге населения (т.е. в городском бизнесе, медицинских и социальных службах, специалистах в области образования и студентах колледжей) [5].

В наше исследование были включены в общей сложности 245 сотрудников и 40 их руководителей и менеджеров. Из них 168 завершили исследование источников мотивации (86%). Восемьдесят процентов участников этого исследования были мужчинами. Участники добровольно согласились принять участие в исследовании и были вознаграждены профессиональной интерпретацией результатов своей мотивации. Участники имели возможность отказаться от участия в исследовании в любое время в ходе процесса, даже после того, как данные были собраны. Ни один участник не просил исключить его из исследования.

Анализ результатов исследования позволил оценить относительное преобладание каждого из пяти источников мотивации в выборке. Анализ MSI включал разделение 30 пунктов мотивации на пять подшкал. Барбуто выступал за анализ соотношения для лучшего определения пропорции, в которой существуют источники мотивации.

Результаты этого исследования показывают, что наиболее распространенным источником мотивации работников сельскохозяйственного предприятия является внутренняя Я-концепция. Это подразумевает, что сельскохозяйственные работники ориентированы на внутренний мир и действуют в соответствии со своими собственными убеждениями в том, что они считают своим идеальным «Я». Лица с пропорционально высоким уровнем внутренней самоконцепции, скорее всего, будут мотивированы стимулами, которые укрепляют их личные стандарты и позволяют им достигать более высоких уровней компетенции. Они получают выгоду от того, что хорошо выполняют свою работу – в соответствии со своими собственными стандартами – и не сильно полагаются на внешние стимулы для выполнения задач на высоком уровне. Это не означает, что они не нуждаются в подкреплении и признании за хорошую работу, но внутренняя самооценка подразумевает естественную мотивацию соответствовать личному стандарту. Остальные четыре мотива были распределены среди представителей сельскохозяйственного бизнеса без какой-либо закономерности.

Результаты показали, что внутренняя Я-концепция является наиболее высоким источником мотивации у сельскохозяйственных работников. Это означает, что личные стандарты составляют более 28% от общей модели мотивации индивида для этой выборки.

Результаты этого исследования будут интересны работодателям, менеджерам и руководителям организаций, которые принимают решения о том, как наилучшим образом мотивировать сотрудников выполнять работу в соответствии с целями организации. Высокая доля внутренней Я-концепции, выявленная в данном исследовании, указывает на то, что сельскохозяйственным работникам нужно нечто большее, чем просто приятная рабочая обстановка, более высокая заработная плата, общественное признание или достойное дело, чтобы приложить максимум усилий. Хотя их не следует отбрасывать как несущественные соображения, большей привлекательностью будет то, что соответствует внутреннему стандарту черт, компетенций и ценностей индивида, поскольку они влияют на самоопределяющееся идеальное «Я». Только познакомившись с уникальной природой этих черт, компетенций и ценностей, работодатель или менеджер будет иметь наибольшую вероятность успешной мотивации сельскохозяйственных работников.

Существует несколько возможностей для будущих исследований, которые могут повысить ценность этой работы. Расширение размера выборки при аналогичном исследовательском проекте усилит обобщение норм. Таксономия мотивации может эффективно объяснить поведение на нескольких уровнях организаций (последователи, сверстники и т.д.). Дополнительные исследования должны учесть различия в мотивации среди работников сельскохозяйственных предприятий, в зависимости от пола, производственных практик, покупательского поведения и образовательных возможностей. Дальнейшие исследования также могут включать сравнение источников мотивации у сельскохозяйственных и несельскохозяйственных групп населения.

Основываясь на этих выводах, руководителям, менеджерам рекомендуется узнать о целях и стандартах сотрудников, выяснить, что они считают важным, и создать рабочую среду, которая поощряет и поддерживает стандарты достижений работников. Помимо рабочей среды, это исследование усиливает работу Ю.В. Беховых, Л.А. Беховых (2017) [2], которые обнаружили, что студенты, получающие сельскохозяйственное образование, мотивированы потребностью в достижениях. Кроме того, Е.А. Барина рассматривает внешнее обучение работников сельскохозяйственного предприятия одним из эффективных мероприятий в сфере мотивации труда [3]. Определение конкретных источников мотивации целевой аудитории может помочь преподавателям сельскохозяйственных вузов лучше понять, как отбирать, разрабатывать, продвигать, осуществлять и оценивать образовательные программы [1]. Если дальнейшие исследования продолжат выявлять устойчивую модель внутренней мотивации с высокой самооценкой, это повлияет на то, как позиционировать определенные программы для привлечения наибольшего участия работников сельскохозяйственных предприятий. Например, при маркетинге и реализации программ для этой целевой группы, возможно, потребуется уделять больше внимания внутренним стандартам и ценностям отдельных лиц (например, высококачественная работа, гибкая рабочая среда, разнообразные задания, автономия).

Кроме того, сравнивая различия в источниках мотивации между целевыми аудиториями, преподаватели потенциально могут адаптировать содержание программ и маркетинговые подходы, тем самым повышая уровень

участия и принятие, интеграцию или применение желаемых результатов. Это исследование вносит определенный вклад, представляя инструмент, который может расширить эмпирическое изучение мотивации среди населения, занимающегося сельским хозяйством, и устанавливая соответствующую популяционную норму.

Изречение о том, что люди мотивированы деньгами, было окончательно опровергнуто результатами этой работы. В условиях сельского хозяйства деньги, реализованные как инструментальная мотивация, обеспечивают не больше стимулов, чем удовольствие (внутренний процесс), репутация (внешняя самооценка) или цель (интернализация цели). Относительная доля внутренней самоконцепции, обнаруженная в этом анализе, заставляет ученого-практика переосмыслить старые предположения о человеческой мотивации. Это указывает на необходимость использования внутренних мотивов самоконцепции сельскохозяйственных работников. Активные и устойчивые усилия по использованию этого источника мотивации повысят вероятность стимулирования мотивированной работы или участия в образовательных программах для этой группы населения.

Литература

1. Алешина О.В., Кохан Ж.С., Серезко Т.А. Служба профориентационного консультирования и психологического сопровождения абитуриентов в системе управления профессиональным выбором обучающихся // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2019 (37). – № 2. – С. 4–7.
2. Барина Е.А. Социологические исследования мотивации трудовой деятельности на предприятиях сферы АПК // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2013. – № 3 (35).
3. Беховых Ю. В., Беховых Л.А. Мотивация достижения к получению образования в аграрном вузе: социологический аспект // Вестник АГАУ. – 2017. – № 7 (153).
4. Шевелева И.Н. Мотивация работников сельскохозяйственных предприятий в системе экономических отношений // Вестник АГАУ. – 2008. – № 9.
5. Barbuto, J. E., & Scholl, R. W. (1999). Leader's sources of motivation and perceptions of follower's motivation as predictors of leader's influence tactics used. *Psychological Reports, 84*, 1087–1098.
6. Barbuto, J. E., Brown, L. L., Wheeler, D. W., & Wilhite, M. S. (2003). Motivation, altruism, and generalized compliance: A field study of organizational citizenship behaviors. *Psychological Reports, 92*, 498–502.

SOURCES OF MOTIVATION OF EMPLOYEES OF AGRICULTURAL ENTERPRISES

Kohan Zh.S., Serezhko T.A., Shkilev M.V.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The metatheory of motivation, which is used for research among employees of an agricultural enterprise in the Belgorod region, is described. The results demonstrate a high proportion of internal self-perception in the labor motivation of employees. This basic research implies that employers, managers and teachers can most effectively interest and engage agricultural workers if they appeal to the internal standards of employees and their idea of the ideal "I".

Keywords: motivation, agricultural enterprise, sources of motivation.

References

1. Alyoshina O.V., Kohan Zh.S., Serezhko T.A. The service of career guidance counseling and psychological support of ap-

- plicants in the management system of professional choice of students // *Kazan socio-humanitarian Bulletin*. – 2019 (37). – № 2. – Pp. 4–7.
2. Barinova E.A. Sociological research of motivation of labor activity at the enterprises of the agro-industrial complex // *Modern high-tech technologies. Regional application*. – 2013. – № 3 (35).
 3. Behovykh Yu. V., Behovykh L.A. Motivation of achievement to receive education in an agrarian university: a sociological aspect // *AGAU Bulletin*. – 2017. – № 7 (153).
 4. Sheveleva I.N. Motivation of workers of agricultural enterprises in the system of economic relations // *Bulletin of ASAU*. – 2008. – № . 9.
 5. Barbuto, J. E., & Scholl, R. W. (1999). Leader's sources of motivation and perceptions of follower's motivation as predictors of leader's influence tactics used. *Psychological Reports*, 84, 1087–1098.
 6. Barbuto, J. E., Brown, L. L., Wheeler, D. W., & Wilhite, M. S. (2003). Motivation, altruism, and generalized compliance: A field study of organizational citizenship behaviors. *Psychological Reports*, 92, 498–502.

Разработка методологии исследования стратегий поиска работы выпускниками вузов

Козырева Лариса Дмитриевна,

доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: kozyreva-ld@ranepa.ru

Лурье Алексей Александрович,

аспирант кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: alure-14@edu.ranepa.ru

В данной статье представлена методология исследования проблемы поиска работы выпускниками вузов (бакалавриат и специалитет), а также показана трансформация студенческих стратегий поиска работы, обусловленная с одной стороны, особенностями субъекта исследования, то есть представителями поколения Z, а с другой стороны – всеми потребностями современного рынка труда. В качестве методологической основы данного исследования предлагаются следующие теории: *теория поколений*, основы которой были заложены в 90-х гг. прошлого века У. Штраусом и Н. Хоувом, и *сетевая теория*, описанная М. Грановеттером. Выбор указанных теорий обусловлен тем, что теория поколений объясняет особенности поиска работы и трудовой мотивации с точки зрения поколенческих ценностей, а сетевая теория показывает механизм поиска работы через систему социальных связей.

Ключевые слова: выпускники вузов, трудоустройство, поиск работы, рынок труда, теория поколений, сетевая теория.

Введение

Проблема трудоустройства выпускников вузов – далеко не новая проблема. Особое внимание ей уделялось в советское время, хотя в эпоху планового распределения выпускников в соответствии с потребностями народного хозяйства данная проблемы стояла не так остро, как в современных условиях. Через систему подведомственных структур государство брало на себя функцию поиска места работы для выпускника вуза. Сам же выпускник, иногда без особого желания или даже вопреки ему, отправлялся «по распределению» на гигантские стройки, в цеха заводов и фабрик, в НИИ и т.д.

Отказ от системы планового распределения, с одной стороны, привел к свободному выбору места приложения молодых сил, с другой, серьезно ослабил сферу непосредственного производства, где молодежная когорта последовательно и неуклонно сокращалась. Проблема усугубилась под действием еще целого ряда факторов.

Обострение проблемы занятости молодежи, и в частности, выпускников вузов, отражено в Долгосрочной программе содействия занятости молодежи на период до 2030 г. [1]. В этом документе подчеркивается необходимость изучения процесса формирования карьерных стратегий молодежи в соответствии с личностно-профессиональными способностями и потребностью рынка труда.

Таким образом, предпринимаемое нами исследование представляется не только актуальным, но практико-ориентированным.

Цель исследования – на основе анализа классических и современных исследований проблем трудоустройства выпускников вузов разработать методологию изучения данных проблем, позволяющую проследить изменения стратегий поиска работы, обусловленные трансформацией требований современного рынка труда и поколенческих ценностей. Разработка научно обоснованной методологии позволит провести эмпирические исследования проблем поиска работы выпускниками вузов и предложить практические рекомендации, направленные на совершенствование вузовской экосистемы, предполагающее, в первую очередь, трансформацию системы «вуз-работодатель» в соответствии с требованиями современного рынка труда и всестороннего развития личности.

В данном исследовании под выпускником вуза понимается молодой человек в возрасте 22–23 года, обучающийся на выпускном курсе бакалавриата или специалитета по различным направлениям подготовки. Целесообразно выделить направления, реализуемые в вузах следующих профилей: технические, экономические, гуманитарные, естественнонаучные и педагогические.

Для того, чтобы точно определить поле исследования, разграничим понятия «занятости» и «трудоустройства» выпускников. Как отмечают специалисты, понятие трудоустройства выпускников вузов – более узкое, чем понятие занятости этой категории, а само трудоустройство предшествует занятости и является важнейшей его гарантией. Трудоустройство выпускников вуза в узком смысле – это процесс поиска подходящей работы, под-

готовки к ней и устройства на эту работу, который может происходить как самостоятельно, так и при содействии государственных органов по оказанию помощи гражданам в поиске подходящей работы, а также учреждений образования, работающих в контакте с будущей профессиональной средой [2].

Проблема поиска работы далеко не новая, она всегда привлекала социологов. Анализ научной литературы, посвященный этой проблеме, позволяет сделать вывод о том, что «пик» отечественных исследований пришелся на первое десятилетие века. В настоящее время – в ВШЭ изучаются карьерные траектории выпускников, но не поиск работы.

За это время произошли значительные трансформации как объекта исследования, так и предмета. Поэтому данное исследование представляется актуальным.

Классические и современные исследования проблем поиска работы молодежью

Методологическим фундаментом изучения проблем поиска работы выпускниками вузов будут две теории, которые позволяют объяснить специфические особенности поиска работы в современных условиях и механизм его реализации. В качестве таких теорий выступают: *теория поколений*, основы которой были заложены в 90-х гг. прошлого века У. Штраусом и Н. Хоувом, и *сетевая теория* М. Грановеттера. Выбор именно данных теорий обусловлен тем фактом, что теория поколений объясняет особенности поиска работы и трудовой мотивации с точки зрения поколенческих ценностей, а сетевая теория – механизм поиска через систему социальных связей.

С начала 90-х гг. прошлого века на Западе, как в публицистике, так и в науке, проявился интерес к поколенческой проблематике. Одной из первых таких работ стала монография У. Штрауса (William Strauss) и Н. Хоува (Neil Howe) «Поколения. История Американского будущего. 1584–2069», в которой на основе анализа значительного исторического материала целого ряда стран (США, Южная Корея, Гонконг, Сингапур, Япония, ЮАР, страны Европы и Латинской Америки) были сделаны выводы, составившие *теорию поколений*. В данной работе и последующих публикациях «поколение» определяется как совокупность всех людей, рожденных в промежуток времени (примерно 20 лет) или проживших в один исторический период как минимум одну фазу жизни: детство, молодость, средний возраст или старость, которая соответствует трем критериям: проживают в одну историческую эпоху с одинаковыми ключевыми историческими событиями и социальными веяниями; разделяют определенные общие убеждения и модели поведения; имеют сходный опыт и особенности мировосприятия [3].

Теория поколений У. Штрауса и Н. Хоува, несмотря на критику, на упреки в публицистичности, стереотипизации, обобщении и отсутствии надежной эмпирической базы, нашла поддержку в научном сообществе.

Так, следующим этапом в развитии теории поколений стали системные исследования (с 2003 г.) поколенческой динамики в рамках проекта «RuGenerations – Теория поколений в России» под руководством Е. Шамис и Е. Никонова. Отечественные исследователи попытались адаптировать «классическую» теорию поколений к российским реалиям, результатом чего стали многочисленные публикации последователей теории поколений – экономистов, психологов, представителей управленческой науки и т.д.

Интересным представляется проект, подготовленный социологами Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), Фондом подготовки кадрового резерва «Государствен-

ный клуб», Фондом социальных и маркетинговых исследований (г. Калининград), в рамках которого было констатировано снижение и переориентация притязаний молодых, проявившееся в более выраженном стремлении к хорошей работе, карьере, образованию; чаще выражаемому желанию создать семью и воспитать детей; менее выраженном акценте на материальных ценностях. На основе метода интегральной типологизации социологи представили 5 типов российской молодежи поколения Y: «госрезерв» (16%); «яппи» (19%); «офисный планктон» (20%); «бюджетники» (13%); «пролетарии» (17%) [4].

На наш взгляд, социальный механизм поиска работы возможно объяснить с помощью сетевой теории, одним из классиков которой является Марк Грановеттер. Он на примерах поиска работы показывает силу и эффективность «слабых связей». Понятие «сила связи» является центральным в теории М. Грановеттера [5]. Под «силой связи» он понимает комбинацию (вероятно, линейную) продолжительности, эмоциональной интенсивности, близости, или взаимного доверия, и реципрокных (обратных, взаимных) услуг, характеризующих данную связь. Исходя из силы связи, Грановеттер разделяет социальные связи на сильные (между индивидом и его ближайшим окружением), слабые (между индивидом и знакомыми) и отсутствующие (в ситуации отсутствия всяких отношений и несущественной значимости). Анализируя значительный массив теоретического и эмпирического материала, проводя собственные исследования «силы связи», М. Грановеттер акцентирует внимание на слабых связях, подчеркивая их «силу», позволяющую предотвратить изоляцию индивида и обеспечивающую более эффективную интеграцию в обществе.

Изучение поведенческих стратегий молодежи на российском рынке труда

Для того, чтобы показать изменения поведенческих стратегий поиска работы выпускниками вузов, обратимся к работам начала века. В это время появился целый ряд работ, посвященных исследованию таких стратегий. На наш взгляд, значительный вклад в разработку указанных стратегий внести работы Е.Л. Омельченко [6], И.И. Задорожной [7].

Так, Е.Л. Омельченко, изучая стилевые стратегии трудоустройства, делает вывод о том, что в зависимости от стилей жизни практики трудоустройства подразделяются на пассивные и активные. Пассивные – на вынужденные и добровольные. Вынужденные связаны с крайне тяжелым положением родительской семьи и необходимостью ее содержать. Добровольные стратегии трудоустройства оказались характерны для молодых женщин, чаще других полагающихся на помощь родителей. Активные практики трудоустройства характерны для юношей и девушек, стиль жизни которых отличается высокой мобильностью, профессиональной амбициозностью и устойчивой адаптивностью к рыночным условиям.

И.И. Задорожная утверждает, что выпускники вузов демонстрируют умеренно-приспособительную и позитивно-инструментальную поведенческие стратегии на рынке труда. Для первой характерно делегирование решения проблемы занятости государству, а для второй – поддержка государства необязательна, важнее свобода для достижения высокого материального уровня, а образование рассматривается как инструмент для обеспечения профессиональной карьеры [7].

Интересные для нашего исследования данные приводит В.А. Шилова. Результаты ее исследования свиде-

тельствуют о том, что самым эффективным способом поиска работы оказался поиск через друзей и знакомых: так нашли свою работу 19,1% респондентов. Часть респондентов – 13,1% – получили работу, ответив на объявление предприятия. Такую же долю составляют респонденты, нашедшие работу посредством размещения резюме в Интернете. Для 12,0% молодежи работу нашли родственники, 10,9% участников исследования работодатель нашел сам, 8,0% самостоятельно предлагали свои услуги организациям и таким образом получили работу [8].

Отметим, что данный материал интересен нам для сравнения стратегий поиска молодежи как определенной возрастной когорты и выпускников вузов, т.е. тех молодых людей, которые ищут работу во время учебы или сразу после нее.

Изменения рынка труда и трудовой мотивации

На проблемы поиска работы выпускниками вузов влияет целая система факторов. В первую очередь это социально-экономические и технико-технологические факторы, которые носят объективный характер. К ним можно отнести:

- **Обострение демографической проблемы.** Несколько «демографических ям» привели к тому, что только за последние 10 лет численность молодых работников уменьшилась на 6 млн человек, или на 36,3%. При этом за то же время общее число занятых выросло на 1,85 млн [9]. И по прогнозам специалистов, ситуация нормализуется только во второй половине текущего десятилетия.
- **Отток молодых кадров.** Пока еще нет точных оценок, но определенная часть молодого поколения в силу различного рода причин в последние месяцы выехала из страны.
- **Рост доли precarious молодежи.** Как отмечает Ю.В. Голиусова, на российском рынке труда сформировалась и увеличивается особая стратификационная группа – молодежный прекариат. Причем, полученное выпускниками вузов образование высшее образование не является гарантией трудоустройства. Однако, precarious молодежь не стремится повысить уровень человеческого капитала – переобучиться, повысить квалификацию и т.д. Иными словами, в данной стратификационной группе образование не рассматривается как ресурс для упрочения своих позиций и продвижения на рынке труда [10].
- **Рост молодежной безработицы.** Доля безработных среди молодежи от 18 до 29 лет увеличилась с традиционных 14%, до 16% (показатели 2021 г.) [11]. 14 декабря 2021 г. была утверждена Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 г. В данном документе проанализированы основные проблемы в сфере трудоустройства молодежи, выделение приоритетных направлений поддержки молодежи, в том числе в сфере получения качественного доступного образования и первого трудоустройства после завершения обучения, поддержки занятости социально уязвимых групп среди молодежи и содействия трудовой мобильности молодежи [12].

На процесс поиска работы выпускниками вузов воздействуют и субъективные факторы – трансформация системы поколенческих ценностей, мотивации труда.

За последние двадцать лет существенные изменения претерпела система ценностей молодого поколения. Приходится констатировать, что у поколения Z сформировалось собственное представление о труде.

Труд как ценность сохраняет свою высокую позицию в системе ценностей поколения, однако изменятся представление о «труде» [13]. Вступление поколения Z в трудовую жизнь совпадет с торжеством «концепции открытого офиса», согласно которой местоположение офиса не имеет особого значения. Сегодня большинство представителей поколения предпочитают автономность рабочего места. Специалисты утверждают, что данное поколение станет «самым внутренне разнообразным поколением» [14]. Добавим, что еще и сильно поляризованным. Основной мотивирующий фактор – интерес.

Демотивирующими факторами могут выступать разочарование в уровне предлагаемого и недоступность качественного образования, невозможность найти работу по специальности, неудовлетворенность уровнем заработной платы, нестабильность рынка труда и др. Влияние оказывают и социально-психологические характеристики личности: образовательная неуспешность, стремление к социальной изоляции, неумение выстраивать отношения с людьми, нарциссизм, нежелание и неумение планировать собственную жизнь и т.п. [15].

Указанные факторы, а также гиперопека со стороны родителей приводят к тому, что выпускники вузов, завершая обучение, всячески оттягивают момент трудоустройства. Следует признать, что многие из них уже к этому времени являются собственниками движимого и недвижимого имущества и научились извлекать не совсем трудовой капитал.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Проблема поиска работы выпускниками вузов (студентов выпускных курсов бакалавриата и специалитета различных направлений подготовки) не является новой для социологии, тем не менее значительные изменения, произошедшие за последние два десятилетия, делают ее изучение весьма актуальным и необходимым, как для развития теории, так и ее практического применения.
2. Трансформации рынка труда и системы трудовой мотивации являются объективными и субъективными факторами, определяющими процесс поиска работы выпускниками вузов.
3. Изучение процесса поиска работы выпускниками методологически фундируется на двух основаниях: теории поколений и сетевой теории. И если первая теория объясняет поведенческие особенности и систему ценностей поколения нынешних выпускников, то вторая – механизм поиска работы через систему социальных связей, образующих сети.
4. На основе эмпирических исследований проблем поиска работы выпускниками вузов предполагается разработка практических рекомендаций, направленных на совершенствование вузовской экосистемы, и предполагающее, в первую очередь, трансформацию системы «вуз-работодатель» в соответствии с требованиями современного рынка труда и всестороннего развития личности.

Литература

1. Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2021 г. № 3581-р. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/rPqTKcZXAGKm9YF3xVcoANoHZSUnpE6.pdf> (дата обращения 07.11.2022).
2. Родина Г.Е., Любичкая В.А. Теоретические подходы к обоснованию модели трудоустройства выпускников вузов в региональной экономике // Вестник Алтайской науки. 2014. № 1. С. 74–75.

3. Поколение XXI века: опыт социологического исследования [Электронный ресурс]. – URL: <https://docplayer.ru/29457105-Pokolenie-xxi-veka-opyt-sociologicheskogo-issledovaniya.html>(дата обращения 11.11.2022).
4. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.
5. Омельченко Е.Л. Стилиевые стратегии занятости и их гендерные особенности // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 37–46.
6. Задорожная И.И. Трудоустройство выпускников вузов: социологический анализ. Автореф дис. на соискание уч. степени канд. социолог. наук. Н. Новгород, 2004. С. 20.
7. Шилова В.А. Коммуникативные особенности процессов поиска, трудоустройства и работы современной российской молодежи // ИНАБ № 1–2018. Молодежь: конструирование трудовой биографии [Электронное издание] / [М.К. Горшков и др.]; отв. редактор М.К. Горшков. – Электрон. дан. (объем 1,6 Мб). – М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. С. 24.
8. Елисеева Ю. Время юных: доля работающей молодежи снизилась до исторического минимума. – URL: <https://iz.ru/1410366/iuliia-eliseeva/vremia-iunykh-dolia-rabotaiushchei-molodezhi-snizilas-do-istoricheskogo-minimuma> (дата обращения 16.11.2022).
9. Голиусова Ю.В. Молодежный прекариат: проблема определения стратификационной группы // ИНАБ № 2–2017. Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении [Электронное издание] / [М.К. Горшков и др.]; Отв. редактор М.К. Горшков. – Электрон. текст. дан. (объем 1,5 Мб) – М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2017. – С. 69–74.
10. Глава Минтруда назвал процент безработных среди российской молодежи – URL: <https://tass.ru/ekonomika/11571509>.
11. Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2021 г. № 3581-р. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/rPqTKcZXAGKm9YF3xVcoANoHZSUnnpE6.pdf> (дата обращения 08.11.2022).
12. Козырева Л.Д. Труд в системе ценностей поколений X, Y, Z / Труд и общество в реалиях XXI века: сборник научных статей / Р.В. Карапетян (отв.ред.). СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 559–608.
13. Решетников О.В. Поколение Z и недалекое будущее рынка труда // Школьные технологии. 2014. № 1. С. 67.
14. Демиденко С.Ю. Молодежь и труд в изменяющемся мире // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 158.

DEVELOPMENT OF A METHODOLOGY FOR RESEARCHING JOB SEARCH STRATEGIES FOR UNIVERSITY GRADUATES

Kozyreva L.D., Lurye A.A.

North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

The article presents a methodology for studying the problem of job search by university graduates (bachelor's degree and specialty).

The transformation of student search strategies is shown, conditioned on the one hand by the characteristics of the subject – representatives of generation Z, on the other – by the needs of the labor market. As a methodological basis for the study, we propose: the theory of generations, the foundations of which were laid in the 90s of the last century by W. Strauss and N. Howe, and the network theory of M. Granovetter. The choice of these theories is due to the fact that the theory of generations explains the features of job search and work motivation from the point of view of generational values, and the network theory is a search mechanism through a system of social connections.

Keywords: university graduates, employment, job search, labor market, generational theory, network theory.

References

1. Long-term youth employment promotion program for the period up to 2030. Approved by the decree of the Government of the Russian Federation dated December 14, 2021 No. 3581-R. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/rPqTKcZXAGKm9YF3xVcoANoHZSUnnpE6.pdf> (date of application 07.11.2022).
2. Rodina G., Lyubitskaya V. Theoretical approaches to substantiating the model of employment of university graduates in the regional economy // Bulletin of Altai Science. 2014. No. 1. pp.74–75.
3. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. – New York: William Morrow & Company, 1991. – 649 p.
4. Generation of the XXI century: the experience of sociological research [Electronic resource]. URL: <https://docplayer.ru/29457105-Pokolenie-xxi-veka-opyt-sociologicheskogo-issledovaniya.html>(date of application 11.11.2022).
5. Granovetter M. The strength of weak ties // Economic sociology. 2009. Vol. 10. No. 4. pp. 31–50.
6. Omelchenko E. Stylistic employment strategies and their gender characteristics // Sociological research. 2002. No. 11. pp.37–46.
7. Zadorozhnaya I. Employment of university graduates: a sociological analysis. Autoref. dis. for the academic degree of cand. Sociologist. nauk. N. Novgorod, 2004. p.20.
8. Shilova V. Communicative features of the processes of search, employment and work of modern Russian youth // INAB No. 1–2018. Youth: constructing a work biography [Electronic edition] / [M. Gorshkov et al.]; editor M. Gorshkov. – Electron. dan. (volume 1.6 Mb). – Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2018. p. 24.
9. Eliseeva Y. Time of the young: the share of working youth has fallen to a historic low. – URL: <https://iz.ru/1410366/iuliia-eliseeva/vremia-iunykh-dolia-rabotaiushchei-molodezhi-snizilas-do-istoricheskogo-minimuma> (date of application 16.11.2022).
10. Goliusova Y. Youth precariat: the problem of determining the stratification group // INAB No. 2–2017. Youth employment in the motivational and structural dimension [Electronic edition] / [M. Gorshkov et al.]; Editor-in-chief M. Gorshkov. – Electron. text. dan. (volume 1.5 Mb) – Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2017. – pp. 69–74.
11. The head of the Ministry of Labor named the percentage of unemployed among Russian youth – URL: <https://tass.ru/ekonomika/11571509>.
12. Long-term youth employment promotion program for the period up to 2030. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated December 14, 2021 No. 3581-R. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/rPqTKcZXAGKm9YF3xVcoANoHZSUnnpE6.pdf> (date of application 08.11.2022).
13. Kozyreva L. Labor in the value system of generations X, Y, Z / Labor and society in the realities of the XXI century: a collection of scientific articles / R.V. Karapetyan (ed.). St. Petersburg: Scythia-print, 2017. pp. 559–608.
14. Reshetnikov O. Generation Z and the near future of the labor market // School technologies. 2014. No. 1. p. 67.
15. Demidenko S. Youth and labor in a changing world // Sociological research. 2021. No. 7. p.158.

Вторичная занятость студентов как фактор профессиональной интеграции

Михайловская Светлана Александровна,

кандидат философских наук, Забайкальский государственный университет

E-mail: alecru77@mail.ru

Настоящая статья призвана раскрыть актуальный вопрос о функциях вторичной занятости студентов в процессе профессиональной интеграции. Автор работы обращает внимание на трактовку основных понятий исследования («профессиональная интеграция», «вторичная занятость»), определяет потенциал вторичной занятости в процессе освоения обучающимся роли участника трудовых отношений. В статье очерчивается круг выявляемых недостатков наличия подработки студентов очной формы обучения; определяется перечень достоинств, главным из которых становится прохождение процесса профессионализации посредством функционирования студента в качестве члена трудового коллектива; указывается ряд мотивов, подвигающих обучающихся вузов на поиск трудоустройства. В результате анализа современной научной литературы по вопросу автор представляет положения, свидетельствующие о том, что подработка студентов очной формы обучения (как непосредственно связанная с содержанием будущей деятельности в качестве специалиста на постдипломном этапе, так и несоотносимая с ней) способствует их профессиональной интеграции.

Ключевые слова: вторичная занятость, студенты, профессиональная социализация, профессиональная интеграция, высшее образование.

Традиционно вопросы, связанные с профессиональной адаптацией студентов образовательных организаций, становятся одними из самых обсуждаемых в исследовательских кругах. Данный факт обусловлен широкой воздействующей функцией вузов, в ряд задач, которых входит обеспечение интеграции обучающихся в будущую профессиональную деятельность, создание условий для привития им ценностей будущей профессии, что требует больших усилий в построении процесса обучения. Именно поэтому немалое количество работ учёных и практикующих преподавателей посвящено названной проблеме.

Одним из центральных компонентов терминологического поля настоящего исследования оказывается понятие «интеграции», которое в наддисциплинарном смысле понимается в качестве процесса «объединения в целое каких-либо частей, элементов» [7, с. 201]. В случае с профессиональной интеграцией элементами, призванными к объединению, выступают субъект трудовых отношений и профессиональное поле деятельности (конкретная организация, производство и т.д.).

Современное вузовское образование является практико-ориентированным, т.е. предусматривающим необходимость не только формирования прочной теоретической базы по профилю, но и получения профессионально значимых навыков, которые оформляются в процессе функционирования в качестве субъекта трудовых отношений. Данный процесс представляется необходимым, поскольку профессиональная интеграция подразумевает осознание обучающимися важности накопления когнитивного и коммуникативного опыта, формирование навыков его использования в конкретных ситуациях, связанных с реализацией себя в качестве специалиста [3, с. 37]. Вслед за О.С. Шкиль, определим, что в качестве компонентного состава профессиональной интеграции выступает социальная и профессиональная адаптация, а также аспекты «психофизиологического приспособления» человека к особенностям функционирования в качестве участника трудового коллектива [8, с. 136].

Данное положение обуславливает обязательность прохождения производственной практики в рамках освоения программы вуза. Однако данный способ является не единственным в работе над протеканием процесса профессиональной адаптации студентов.

Ещё одним подходом в обеспечении профессиональной интеграции обучающихся является вторичная занятость, понимаемая нами вслед за В.Р. Волковым, как «совмещение работы и учёбы» [2, с. 181].

Современные студенты очной формы обучения всё чаще прибегают к трудоустройству, причём не всегда по направлению профиля подготовки, которое осваивается ими в стенах образовательной организации. Такое стремление объясняется несколькими причинами, детерминированными как внешними, так и внутренними факторами.

К факторам, идущим от внешних условий, относятся структурные изменения рынка труда, распад распределительной государственной системы, когда студенту гарантировалось трудоустройство после получения соответствующей квалификации, а также выявляемые значительные трудности по выходу молодых специалистов

на современный, обнаруживающий высокие требования, рынок рабочей силы [6].

Центральной внутренней мотивацией к поиску работы исследователями определяется вынужденная вторичная занятость в условиях недостаточности материального благосостояния, обучающегося и его семьи [4]. Кроме того, в круг мотивов также включается его желание в обретении уверенности перспективной востребованности рынком труда, получении гарантии занятости после присуждения соответствующей квалификации [5]. Однако в последнем из приведённых мотивационных аспектов заключается основное противоречие, выявляющееся в практической невозможности поиска такого места работы, которое бы, с одной стороны, соответствовало будущей квалификации студента, а с другой, позволяло качественно совмещать очное обучение, требующее непосредственного присутствия на аудиторных занятиях, и трудовую деятельность. Помимо прочего в условиях занятости в свободное время у обучающихся значительно сокращаются ресурсы к реализации самостоятельной работы по подготовке к занятиям и сдаче итоговых испытаний, что неизбежно сказывается на уровне их успеваемости [1].

Даже в условиях выбора поля деятельности, не соответствующего с содержанием будущей профессии, вторичная занятость способствует формированию дисциплинированности, мобильности, навыков расстановки приоритетов. Кроме того, в условиях осуществления подработки студент становится субъектом трудовых отношений, которые требуют соблюдения правил, именуемых корпоративной этикой, обучаются навыкам работы в команде, осознаёт ценность труда как социального феномена.

Несмотря на ряд очерченных недостатков, всё же нам представляется, что вторичная занятость может рассматриваться в качестве дополнительного инструмента в запуске механизмов профессиональной интеграции.

Симптоматично, что более эффективно профессиональная адаптация обучающегося протекает в условиях занятости в смежных отраслях, требующих актуализации знаний и навыков, приобретаемых в процессе вузовского образования, или же трудоустройство непосредственно по осваиваемой профессии. На сегодняшний день существует тенденция к развитию института самозанятости. Как и другие граждане РФ, обучающиеся очной формы могут быть поставлены на учёт в налоговые органы. Начиная со второго-третьего курса, некоторые студенты, обнаруживающие высокий уровень подготовки по отдельным предметам, становятся репетиторами. Такое поле деятельности оказывается особенно актуальной для профессиональной интеграции обучающихся педагогических специальностей.

Получение предложений работодателей непосредственно по профилю подготовки студента может оказаться итогом успешного прохождения производственной практики, а также происходить на основании результатов проектно-исследовательской и изобретательской деятельности, участия в получении грантов, в конкурсных мероприятиях, олимпиадах, организуемых вузом совместно с представителями различных организаций и т.п.

Таким образом, несмотря на круг недостатков, вторичная занятость может оказаться механизмом профессиональной интеграции студента очной формы обучения, так как:

- способствует формированию ценностного отношения к трудовой деятельности;
- позволяет приобщиться к законам и нормам профессиональной этики;
- обучает сотрудничеству, работе в команде;

- воспитывает ответственность и дисциплинированность;
- активизирует навыки тайм-менеджмента, самостоятельного планирования своей деятельности;
- расширяет комплекс надпрофессиональных умений и навыков.

Литература

1. Бочкова А. Г., Кравченко Д.Д. Влияние вторичной занятости на успеваемость студентов очной формы обучения // *Инновационные аспекты развития науки и техники*. 2021. № 2. С. 372–379.
2. Волков В.Р. Вторичная занятость студентов: проблемы и тенденции развития // *Вопросы экономики, права и социологии*. 2018. № 1. С. 181–185.
3. Иванова Ю. М., Ипполитова Н.В. Опыт социально-профессиональной адаптации студентов организации среднего профессионального образования / Ю.М. Иванова, Н.В. Ипполитова // *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2018. № 1 (37). С. 36–41.
4. Пасовец Ю.М. Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 4. С. 183–199. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.12
5. Рыбаков В.А. Вторичная занятость студентов вузов на рынке труда: тенденции и особенности (по результатам опросов студентов гуманитарных вузов г. Москвы) // *Теория и практика общественного развития*. 2020. С. 84–88. DOI: 10.24158/tpor.2020.8.11.
6. Рябова М. А., Симбирева А.А. Вторичная занятость студента как социальное явление в условиях перехода к рыночной экономике // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2017. Т. 39. С. 3466–3470. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2017/971020.htm>. (дата обращения: 07.12.2022).
7. *Словарь иностранных слов*. 18-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1989. 624 с.
8. Шкиль О.С. Профессиональная адаптация студентов в контексте компетентностного подхода // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. № 1 (14). С. 137–139.

SECONDARY EMPLOYMENT OF STUDENTS AS A FACTOR OF PROFESSIONAL INTEGRATION

Mikhailovskaya S.A.

Transbaikal State University

This article is intended to reveal the topical issue of the functions of secondary employment of students in the process of professional integration. The author of the work draws attention to the interpretation of the basic concepts of the study ("professional integration", "secondary employment"), determines the potential for secondary employment in the process of mastering the role of a participant in labor relations by the student. The article outlines the range of identified non-shortcomings of the presence of part-time work for full-time students; a list of virtues is determined, the main of which is the passage of the process of professionalization through the functioning of the student as a member of the labor collective; indicates several motives that encourage university students to seek employment. As a result of the analysis of modern scientific literature on the issue, the author presents provisions indicating that part-time work of full-time students (both directly related to the content of future activities as a specialist at the postgraduate stage, and inconsistent with it) -possesses their professional integration.

Keywords: secondary employment, students, professional socialization, professional integration, higher education.

References

1. Bochkova A. G., Kravchenko D.D. Influence of secondary employment on the performance of full-time students. *Innovatsionnye aspekty razvitiya nauki i tekhniki*. 2021. № 2. pp. 372–379.
2. Volkov V.R. Secondary employment of students: problems and development trends // *Questions of Economics, Law, and Sociology*. 2018. No. 1. pp. 181–185.
3. Ivanova Yu. M., Ippolitova N.V. Experience of social and professional adaptation of students of the organization of secondary vocational education / Yu.M. Ivanova, N.V. Ippolitova // *Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical University*. 2018. No. 1 (37). pp. 36–41.
4. Pasovets Yu.M. Secondary employment of students as a factor of professionalization and social integration of youth // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019. V. 12. No. 4. S. 183–199. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.12
5. Rybakov V.A. Secondary employment of university students in the labor market: trends and features (according to the results of surveys of students at humanitarian universities in Moscow) // *Theory and practice of social development*. 2020. pp. 84–88. DOI: 10.24158/tipor.2020.8.11.
6. Ryabova M. A., Simbireva A.A. Secondary employment of a student as a social phenomenon in the transition to a market economy // *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. 2017. V. 39. S. 3466–3470. [Electronic resource]. URL: <http://e-koncept.ru/2017/971020.htm>. (Date of circulation: 07.12.2022).
7. *Dictionary of foreign words*. 18th ed., Sr. Moscow: Russian language, 1989. 624 p.
8. Shkil O.S. Professional adaptation of students in the context of the competence-based approach // *Azimut of scientific research: pedagogy and psychology*. 2016. No. 1 (14). pp. 137–139.

Социальная и психологическая безопасность студента в образовательной среде инженерного вуза в период экзаменационной сессии

Субочева Оксана Николаевна,

доктор социологических наук, профессор, кафедра «Социология и культурология», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
E-mail: subochevaon@bmstu.ru

Гаврилова Юлия Викторовна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра «Социология и культурология», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
E-mail: gavrilova.y.v.@bmstu.ru

Борисова Анастасия Петровна,

бакалавр, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
E-mail: nastyusha.borisova@mail.ru

Рассматривается проблема достижения безопасной образовательной среды вуза в контексте формирования социальной и психологической безопасности ее участников. Фокусируется внимание на изучении эмоционального состояния студентов инженерного вуза в период экзаменационной сессии. В процессе эмпирического социологического исследования выявлены источники и предпосылки роста эмоциональной напряженности и когнитивной перегрузки студентов в период экзаменов. Выявлено, что эмоциональное состояние трети респондентов в период экзаменационной сессии оценивается как неблагоприятное для учебы и здоровья. Проанализированы причины эмоциональной напряженности у студентов во время экзаменов и предложены рекомендации для ее оптимизации.

Ключевые слова: социальная безопасность образовательной среды, психологическая безопасность участников учебного процесса, эмоционально-безопасная образовательная среда, источники и предпосылки эмоциональной напряженности

Высшее учебное заведение – значимый социальный институт, который призван создавать условия для развития и раскрытия личностного потенциала студента, сохранения и укрепления его физического, психического и социального здоровья. Обеспечение социальной безопасности образовательной среды вуза является важным условием реализации этой функции. Образовательная среда рассматривается рядом отечественными исследователями через призму специально организованных психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия с которыми происходит развитие и становление личности [1,5]. Под социальной безопасностью образовательной среды в широком смысле понимается система элементов, связей и отношений, обеспечивающих реализацию образовательных интересов личности, общества и государства [9].

Предполагается, что безопасная образовательная среда вуза должна не только создавать соответствующие условия, удовлетворяя потребности акторов образовательного процесса (студентов, преподавателей, менеджмента), но и включать систему мер по предупреждению и отражению возможных вызовов и угроз, способных ее дестабилизировать. В этой связи объектами рассмотрения безопасной образовательной среды выступают пространственно-предметное окружение (архитектура учебного корпуса, размер учебных кабинетов, их материально-техническая оснащенность, физико-химические, биологические, гигиенические условия обучения). Большое внимание также уделяется изучению социального окружения как социально-контактному компоненту безопасной среды: поведенческим практикам студентов и преподавателей, организационной культуре вуза, функционированию внутри вузовских подразделений и студенческих групп [4,6]. Так, в структуре безопасной образовательной среды П.А. Кисляков выделяет социальную безопасность как совокупность интеллектуальной, духовной, психологической, физической, трудовой и других видов безопасности, гарантированно обеспечивающую защищенность всех участников образовательного процесса [3].

Среди перечисленных выше видов социальной безопасности наиболее разработанной является психологическая безопасность образовательной среды, как «свободная от проявлений насилия во взаимодействии включенных в нее участников образовательного процесса, удовлетворяющая потребность в личностно-доверительном общении, создающая референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье» [2]. Нахождение человека в психологически безопасной среде означает, что человек будет принят, а не отторгнут группой, сформирует эмоционально хорошие взаимоотношения со значимыми другими, будет защищен от неприятия, угроз, подавления.

Ряд авторов конкретизируют проблему психологической безопасности, фокусируя внимание на эмоциональной безопасности образовательной среды вуза. А.В. Горбенко отмечает, что ее признаками являются в целом позитивное отношение большинства участников к основным ее параметрам, чувство эмоциональной защищенности от различного рода психологического

насилия в процессе обучения, способность к доверительному межличностному общению с преобладанием положительных эмоций и минимумом отрицательных [6], выделяются такие компоненты эмоционально-безопасной среды как переживание положительных эмоций (радости, удовольствия, интереса) и негативных эмоций (страх, печаль, отвращение, гнев), связанных с учебной деятельностью. Основная цель формирования эмоционально-безопасной образовательной среды заключается в «минимизации отрицательных эмоций, переживаемых субъектами педагогического процесса и возрастание доли положительных эмоций» [4]. Угрозой психологической безопасности будет отсутствие у всех участников образовательной среды удовлетворенности основными характеристиками процесса взаимодействия. Источниками отрицательных эмоций у студентов являются страхи, тревога, связанные как с процессом обучения, так и с его результатом. Ярким примером возникновения отрицательных эмоций у студента является ситуация сдачи экзамена.

Состояние эмоциональной сферы личности студента в период экзаменационной сессии является объектом междисциплинарных исследований и рассматривается психологами, педагогами, социологами. Эта тема приобретает новое звучание в контексте изучения психологической безопасности человека в образовательной среде, профессионального и эмоционального выгорания, развития социального и эмоционального интеллекта. Экзаменационная сессия является одним из структурных элементов обучения, в процессе которого происходит оценивание знаний студентов. Напряженный характер экзаменационной сессии является ее неотъемлемым качеством. Наряду с воздействием социальных факторов, существенное влияние на работоспособность, активность студента и его психическое состояние оказывают и информационные параметры деятельности: содержание, объем экзаменационных билетов, темп предъявления вопросов. Есть и другие характеристики: особенности сдачи экзамена, связанные с преобразованием, воспоминанием рабочей информации, являются основной причиной развития состояния психического напряжения и напряженности. В многочисленных исследованиях показано, что возникновению напряженности (деятельностной и эмоциональной) способствуют чрезмерная субъективная сложность задания, высокая ответственность за результат деятельности, воздействие различного рода помех, а также дефицит информации или времени, избыточность информации и другие факторы [8].

Для изучения состояния эмоциональной сферы студентов использовался метод анкетного опроса, осуществленный на платформе Google Forms в декабре 2021 и январе 2022 года. Более половины опрошенных респондентов (56%) – женщины и 44% – мужчины. По возрастному признаку участники анкетного опроса распределились следующим образом: от 18 до 20 лет – 48%, от 21 до 22 лет – 43%, от 23 до 24 лет – 6%, от 25 до 26 лет – 3%. Большая часть опрошенных обучается на 3 курсе, что составило 37,9%; на втором курсе 30,5%; на 4 курсе 21,1%; на 5 курсе 8,4%; на 6 курсе 2,1%. При исследовании состояния эмоциональной сферы личности студента в период экзаменационной сессии использовалась вероятностная стихийная выборка, определяемая по критериям доступности и активности респондентов. Объем выборки составил 95 студентов 2–6 курсов 13 факультетов МГТУ им. Н.Э. Баумана.

По итогам опроса выяснилось, что 56% респондентов в период экзаменационной сессии часто испытывают беспокойство, волнение и нервничают. Лишь меньшая

часть опрошенных (13%) оценила свое эмоциональное состояние как нейтральное и хорошее. Более половины респондентов (67,4%) оценили его как удовлетворительное (46,3%), хорошее (18,9%) и отличное (2,2%). 32,6% респондентов оценили его как плохое (16,8%) и очень плохое (15,8%). Таким образом, можно сделать вывод, что эмоциональное состояние одной трети опрошенных в период экзаменационной сессии оставляет желать лучшего. Студенты оценивают свое состояние как неблагоприятное для учебы и здоровья.

Источниками эмоциональной напряженности у студентов МГТУ им. Баумана являются: страх не сдать экзамен и остаться с задолженностями (42%); 28,4% опрошенных студентов боятся получить плохую оценку и лишиться стипендии; 12,3% опрошенных переживают из-за необходимости соответствовать высокому статусу отличника; 15,2% боятся показаться недостаточно умными и 2% боятся отчисления.

Сессия является одним из самых значимых периодов во время обучения в университете и подготовка к нему зависит успех или неудача при сдаче экзамена. От качественной и своевременной подготовки к сессии зависит результат, полученный студентом на экзамене, который выражается в отличной, хорошей или удовлетворительной оценке. Нехватка времени на подготовку к экзамену является важной предпосылкой для роста эмоциональной напряженности и когнитивной перегрузки. Стоит отметить, что около 30% студентов начинают готовиться к экзамену сразу после того, как преподаватель выдает экзаменационные вопросы. Такая же доля студентов начинает подготовку после сдачи предыдущего экзамена. Только 16% опрошенных готовится к экзамену заблаговременно, с начала семестра, стараясь заработать как можно баллов на семинарах. 12,6% готовятся к экзамену в экстремальных условиях – в ночь перед экзаменом.

Большая часть студентов готовится к экзамену более 5 часов в день, что составляет 27,4% от всех опрошенных, 24,2% респондентов выделяют по 3–4 часа в день на подготовку, 21,1% выделяет 1–2 часа в день, 18,9% опрошенных выделяют по 4–5 часов в день и 8,4% – не готовятся. Правильного ответа, сколько времени необходимо на качественную подготовку к экзамену, не существует. Успешная сдача экзамена зависит не только от времени, потраченного на подготовку, но и от особенностей памяти – кому-то для запоминания информации необходимо не так много времени, а кому-то нужно все заучивать и повторять по несколько раз.

Решающее влияние на эмоциональное состояние студента оказывают: уверенность в своих знаниях (70% опрошенных), лояльность преподавателя (67,4% опрошенных), сильная нервная система (52,6% опрошенных), интерес к предмету (51,6%) (см. табл. 1)

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос о том, что оказывает решающее влияние на эмоциональное состояние в период экзаменационной сессии

	Варианты ответов	Количество респондентов	
1.	Уверенность в своих знаниях	67	70,5%
2.	Лояльность преподавателя	64	67,4%
3.	Сильная нервная система (стрессоустойчивость)	50	52,6%
4.	Интерес к предмету	49	51,6%
5.	Достаточное количество времени на подготовку	38	40%

	Варианты ответов	Количество респондентов	
6.	Спокойная обстановка на экзамене	32	33,7%
7.	Полноценный отдых перед экзаменом	24	25,3%
8.	Поддержка группы, родственников, друзей	17	17,9%
9.	Вера в счастливый билет	11	11,6%
10.	Осознание факта, что неудовлетворительная оценка на экзамене не является концом жизни	1	1%

К наиболее значимым причинам неуспешной сдачи экзаменов относятся: волнение (54,7%), собственная неорганизованность (49,5%), трудный предмет (46,3%), плотный график экзаменов (43,2%), требовательность преподавателя (42,1%), напряженная обстановка в аудитории (31,6%) (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Что мешает Вам сдавать экзамены более успешно?»

	Варианты ответов	Количество респондентов	
1.	Волнение	52	54,7%
2.	Собственная неорганизованность	47	49,5%
3.	Трудный предмет	44	46,3%
4.	Плотный график экзаменов	41	43,2%
5.	Требовательность преподавателя	40	42,1%
6.	Напряженная обстановка в аудитории	30	31,6%
7.	Плохая память	24	25,3%
8.	Усталость от бессонной ночи	22	23,2%
9.	Другое (мне все мешает, повышенная тревожность, лень)	3	3,3%

Балльно-рейтинговая система оценки качества знаний, практикующаяся в университете, с точки зрения 58,9% респондентов активизирует учебную деятельность в течение семестра, но не во всех случаях создает необходимую базу для получения хорошей и отличной оценки на экзамене (16,8%), и позволяет оценить уровень полученных знаний по дисциплине (13,7%).

Стоит отметить, что самой тревожной формой сдачи экзамена, с точки зрения респондентов, является его очная сдача в учебной аудитории. Более 40% опрошенных студентов предпочитают дистанционную форму сдачи экзамена, второй по популярной формой сдачи экзамена является сочетание аудиторной формы проверки знаний с возможностью использовать конспекты.

Для того, чтобы понять, почему студенты испытывают стресс до и в период экзаменационной сессии респондентам был задан открытый вопрос: «Что, чаще всего, доставляет Вам на экзамене неприятные эмоции, заставляет вас переживать?». Проанализировав полученные данные, можно выявить распространённые отве-

ты о причинах возникновения неприятных эмоций у студентов:

Различные формы давления со стороны преподавателей, связанные в основном с предотвращением списывания ответа;

Очная форма сдачи экзамена;

Осознание студентами плохой подготовленности к экзамену;

Психологический климат и напряженная атмосфера в аудитории перед и во время самого экзамена (длительное ожидание своей очереди сдать экзамен, переживание одноклассников, суета в аудитории, угнетающая обстановка и др.);

Эмоциональное истощение студента в конце семестра (стресс, недосып, неправильное питание и другое).

Для того, чтобы справиться с тревожностью перед экзаменом, 45,3% респондентов в период экзаменационной сессии пытаются настроиться, успокоиться с помощью различных психологических приемов, практик, 22,1% пьют таблетки, успокоительные. Таким образом, гипотеза о том, что состояние эмоциональной сферы личности студента в период экзаменационной сессии характеризуется эмоциональным напряжением и когнитивной перегрузкой, подтвердилась. Исследование не выявило значимых различий эмоционального состояния у женщин и мужчин (коэффициент корреляции Спирмена составил 0.2). Рассматривая полученные результаты в контексте социальной и психологической безопасности, следует отметить важную роль преподавателя в процедуре организации и проведения экзамена. Своевременная выдача экзаменационных вопросов, их корректная формулировка в билете (респонденты обратили внимание на встречающуюся неточность формулировок и чрезмерную объемность вопросов по содержанию), а так же соответствие дополнительных устных вопросов темам пройденного материала, помогут снизить напряженность. Психологический настрой преподавателя также имеет большое значение. Пристальный взгляд, напряженная атмосфера, замечания, хождение по аудитории, перебивание, с точки зрения респондентов, усугубляют ситуацию. Представляется также целесообразным заранее продумывать очередность сдачи экзамена в целях минимизации времени его ожидания и снижения напряженности.

Литература

1. Андронникова О.О. Критерии и показатели безопасности образовательной среды // URL: <https://supervis.ru/content/37231074-andronnikova-o-o-kriterii-i-pokazateli-bezopasnosti-obrazovatelnoy-sredy> // (дата обращения: 22.11.2022).
2. Баева И. А., Семикин В.В. Безопасность образовательной среды, психологическая культура и психическое здоровье школьников // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. № 12. С. 7–19.
3. Безопасность образовательной среды. Социальная безопасность: учебное пособие для вузов / П.А. Кисляков – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 156 с.
4. Березина Т.Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и когнитивные процессы // Современное образование-2019.-№ 3. – С. 29–43.
5. Бурова И.В. Психологическая безопасность образовательной среды как средство повышения качества образования студентов вуза // Сборник материалов II международной научной конференции. Под редакцией Г.В. Сорокоумовой. Нижний Новгород, 2019, Нижний Новгород, с. 40–46

6. Горбенко А.В. Эмоциональная безопасность образовательной среды у студентов гуманитарного ВУ-За (бакалавриат и магистратура) // Современное образование. – 2015. – № 4. – С. 36–91
7. Дмитриева Е.Н., Левит Е.И. Проблема диалога в контексте обеспечения психологической безопасности образовательной среды вуза // Материалы V юбилейной Международной научно-практической конференции. Под редакцией Г.В. Сорокоумовой. Нижний Новгород, 2022, С. 118–123
8. Лыдокова Г.М., Панфилов А.Н. Психические состояния студентов в усложненных условиях учебной деятельности // Концепт. – 2013, С. 1–11. — URL: <http://e-koncept.ru/2013/13503.htm> (дата обращения: 26.11.2022).
9. Резникова Л.Е., Дыненкова Е.Н. Обеспечение социальной безопасности в образовательной среде // Образование и наука в современных условиях – № 1(6), 2016, с. 150–155.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL SAFETY OF A STUDENT IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF AN ENGINEERING UNIVERSITY DURING THE EXAMINATION SESSION

Subocheva O.N., Gavrilova Yu.V., Borisova A.P.
Bauman Moscow State Technical University

The problem of ensuring a safe educational environment of the university is considered in the context of the formation of social and psychological security of its participants. The attention is focused on the study of the emotional state of students of an engineering university during the examination session. In the process of empirical sociological research, the sources and prerequisites for the growth of emotional tension and cognitive overload of students during the exams were identified. The emotional state of a third of the respondents during the examination session is assessed as unfavorable for learning and health. The reasons for the emergence of a negative emotional state are identified and recommendations for its optimization are proposed.

Keywords: social safety of the educational environment, psychological safety of participants in the educational process, emotionally safe educational environment, cognitive and emotional tension during exams, sources and preconditions of emotional tension.

References

1. Andronnikova O.O. Criteria and indicators of educational environment safety // URL: <https://supervis.ru/content/37231074-andronnikova-o-o-kriterii-i-pokazateli-bezopasnosti-obrazovatelnoy-sredy> // (date of access: 11/22/2022).
2. Baeva I. A., V.V. Semikin. Safety of the educational environment, psychological culture and mental health of schoolchildren // Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. 2005. No. 12. S. 7–19.
3. Safety of the educational environment. Social security: textbook for universities / P.A. Kislyakov – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 156 p.
4. Berezina T.N. Emotional safety of the educational environment and cognitive processes //Modern education-2019.-№ 3. – P. 29–43.
5. Burova I.V. Psychological safety of the educational environment as a means of improving the quality of education of university students // Collection of materials of the II international scientific conference. Edited by G.V. Sorokoumova. Nizhny Novgorod, 2019, Nizhny Novgorod, p.40–46
6. Gorbenko A.V. Emotional safety of the educational environment among students of a humanitarian university (bachelor's and master's degrees) // Modern Education. – 2015. – No. 4. – P. 36–91
7. Dmitrieva E.N., Levit E.I. The problem of dialogue in the context of ensuring the psychological safety of the educational environment of the university // Proceedings of the V Anniversary International Scientific and Practical Conference. Edited by G.V. Sorokoumova. Nizhny Novgorod, 2022, pp.118–123
8. Ldokova G.M., Panfilov A.N. Mental states of students in complicated conditions of educational activity // Concept. – 2013, p.1–11. — URL: <http://e-koncept.ru/2013/13503.htm> (date of access: 11/26/2022).
9. Reznikova L.E., Dynenkova E.N. Ensuring social security in the educational environment // Education and science in modern conditions – No. 1 (6), 2016, pp. 150–155.

Нравственные аспекты «служения» российской управляющей элиты

Челенкова Инесса Юрьевна,

к.с.н., Законодательное собрание Ленинградской области
E-mail: inessa_2407@mail.ru

В статье рассмотрен вопрос об ответственности управляющей элиты за моральное состояние российского общества. Уточнены основные понятия и классификация типов элит, проанализирована готовность управленческой элиты к деятельности на основе этического принципа «служения» и альтруистической мотивации, показаны ведущие направления по обновлению кадрового потенциала губернаторского корпуса.

Ключевые слова: смешанный тип элиты, управляющая элита, служение, этический принцип «служения народу, Отечеству», альтруистическая мотивация, обновление управляющей элиты.

Трансформация России по пути рыночных социально-экономических отношений и насаждения либеральной идеологии во все сферы общественной жизни привели страну к опасности утраты своего национального суверенитета.

Элита, осуществляя руководство общественным развитием, несет ответственность за результаты своей управленческой деятельности. Российская элита ответственна перед народом за трагический распад СССР, шоковую «перестройку». Следует признать, что в последнее десятилетие элита провела комплекс мер по принятию важнейших Национальных проектов по преодолению деструктивных социально-экономических явлений в обществе, стратегических программ развития промышленного, научно-технического производства, опережающего развития территорий регионов на основе механизмов государственно-частного партнерства, административных реформ, обеспечив устойчивость развития государству.

Обратимся к проблеме, которая высветила уязвимые стороны в системе государственного управления. Имеется ввиду отсутствие внятной государственной политики элиты де-юре в области идеологии, которая актуализировала вопросы общественной морали, качества воспитания, образования, консолидации общества перед растущими угрозами нашей стране.

Прежде чем остановится на их раскрытии, уточним понятие, используемое в определении элиты. В элитологии приводятся многочисленные дефиниции элиты, как высшего или господствующего в обществе класса, страты, слоя, социальной группы и др. Смысл определенных в целом понятен, но затруднен спецификой авторских теоретических и эмпирических подходов. Наиболее признанным является определение элиты, данное О. Гаман-Голутвиновой. Автор характеризует элиту как «...внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/непринятие) важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом» [1, с. 99]. Элита не однородна. Она представлена, в силу своих функциональных характеристик и специфических интересов такими типами, как политическая, экономическая, культурно-интеллектуальная, военная, научная, нравственная элиты и все чаще определяется термином «управленческая элита».

Политическая элита – сложное явление общественной жизни. В неё входят те, кто обладает всей полнотой властных полномочий принятия решений в системе государственного управления и передающих их исполнение на более низкий уровень управления. При этом, потенциал политической элиты рассматривается как ресурс всех остальных типов элит, который она задействует для принятия государственных решений. В исследовании политической элиты всё больше внимания уделяется изучению отдельных сегментов: 1) уровней управления элиты (федеральная, региональная, муниципальная, городская элиты); 2) основных «ветвей» власти (законодательная, исполнительная, судебная элиты); смешанных элит (например, сегменты федеральной, региональной с законодательной и исполнительной элиты и т.п.). Нами рассматривается смешанный сегмент политической

элиты. В него входит высшее руководство страны. Это – Президент РФ, полномочные представители Президента РФ в мега регионах, руководство всех ветвей власти федерального уровня управления и губернаторский корпус регионов. Обозначим выделенный функционалтермином «управляющая элита». По своим классификационным признакам он уже термина «политическая элита» и тем более термина «управленческая элита».

Внимание к терминологии связано не только с определенностью по этому вопросу в социально-гуманитарном знании, но необходимостью на сформулированной теоретической основе обращаться к социальной деятельности этого сегмента элиты, отбирать те факты, которые показывают определенные явления, которые характеризуют жизненный мир «управляющей элиты». В этом контексте «элита» не рассматривается нами как социально-управленческий слой политических деятелей и высших чиновников, для обозначения которого за рубежом используется термин «высшие государственные служащие». В российском законодательстве понятие «служащий» рассматривается узко, как чиновник, чьи функции определяются исполнением ранее принятых решений.

Формирование морального состояния российского общества осуществляется под воздействием ведущего субъекта общественного развития – господствующей элиты, институтов церкви, семьи, образования и влияния возрастных, национальных, профессиональных групп, корпоративных структур. Все большую силу воздействия на духовную жизнь общества оказывает «цифровой субъект»: интернет, социальные сети, мессенджеры, блоги, новые медиа и т.д.

Следует констатировать, что управляющая элита не сумела наладить контроль над ресурсами духовного производства, по сути, устранилась от формирования общественной морали. Российское общество, в течение последних трех десятилетий характеризуется «испарением моральности» (Э. Гидденс). Это означает, что общество постоянно испытывает моральные девиации и дефицит нравственных ориентиров, ценностей и образцов поведения. В поведении отчетливо проявляется двойная мораль. На фоне патриотических чувств, десятки тысяч добровольцев обратились в военкоматы за время ограниченной мобилизации, но в обществе, по-прежнему, считается нормальным уклонение, «бегство» от службы в армии. В исследованиях морали отмечается общее снижение проявления положительных нравственных характеристик личности: альтруизма, взаимопомощи, честности и рост алчности, грубости, эгоизма и др.

Управляющая элита допустила неустойчивое состояние «вертикали управления», выраженное в росте недоверия населения к деятельности органов управления. Доверие населения к власти является важнейшим моральным фактором, определяющим национальную состоятельность общества и означающее готовность поддержать власть в ее начинаниях. В российском обществе радиус доверия оказался узок. Социологические исследования, проведенные А. Тихоновым, фиксируют рост степени недоверия населения к политической элите. Это объясняется разными причинами: особенностями формирования социальных статусных позиций элиты в постперестроечный период, объемом легитимных прав её властных полномочий, специфическими условиями взаимодействия разноуровневых элит, упущениями в организационных процедурах и бюрократическом стиле управления. Среди причин, объясняющих моральную девальвацию элиты, особую роль играет превалирование частных интересов и использование ресурсов управления в личных целях [2].

Общественная мораль постулирует наиболее общие правила, символизирующие устремление человека к духовным идеалам, направленных на регулирование взаимоотношений людей. Этический принцип, отраженный в аксиологических трактатах как «золотое правило», требует от человека не поступать по отношению к другим так, как он не хотел бы, чтобы они поступали по отношению к нему. Жизнь в обществе связана с объективными процессами органической и механической солидарности людей (Э. Дюркгейм), входе которой формируются и развиваются правила общежития и регуляторы специфической деятельности людей. «Правила игры» бытия кристаллизуются в этические принципы, которые закрепляются в моральных, этических кодексах, прописывающие основные правила нравственного поведения для определенного профессионального сообщества.

Для управленческой элиты определяющим этическим принципом, характеризующий суть её деятельности, является принцип «служения». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля раскрывается богатый смысл родовых понятий: «служить», «служба», «служенье». Они означают: «...быть пригодным, ... нужным, надобным, ... Деятельность, жизнь для других, ...полезное дело, ... Долг каждого, служенье на общую пользу» [3, с. 224]. Для ратного человека он связан с принципом «жертвенности», готовность отдать жизнь «За Веру, Царя и Отечество!», «За Родину, за Победу!», «За Донбасс!». Для предпринимателя служение выражается в следовании принципу «социальной ответственности» за свое полезное дело, приносящее ценность себе и являющейся причиной «богатства народов» (Адам Смит). Для политической элиты её моральным принципом служит предназначение «служение народу, государству, Отечеству».

Какими мотивами руководствуется человек, выбирая «служение» в системе государственного управления и почему нарушаются прописные правила морали?

В определенной степени ответ на этот вопрос даёт Джеймс Перри, автор исследований в области методики измерений «мотивации к государственной службе» (public service motivation). Ученый определил четыре основных фактора, которые измеряют и объясняют наличие мотивации «служения» к государственной службе. К ним относятся:

«1. Интерес к разработке публичной политики...

2. Приверженность общественному интересу/гражданский долг...

3. Сочувствие...

4. Жертвенность...» [4, с. 218–219].

Альтруизм, бескорыстие управляющей элиты является хрупкой конструкцией, «подвидом» внутренней мотивации поведения, которая может «вытесняться» или «замещаться» под воздействием внешних стимулов (власти, денег, престижа, влияния и т.д.). В целом, это не противоречит традициям экономической, социологической теориям, моделирующих поведение бюрократа, стремящегося к личной выгоде, или представителя «штаба управления», реализующего отношения господства. Эмпирика социальных данных и судебной практики добавляют общую картину падения нравственных ориентиров служения элиты. Однако сохранить в поведении личности установку на интересы общества, представляется возможным. Исследования в этой области дают обнадеживающий результат.

Механизм поведения управляющей элиты является особым гибридным типом смешанной внешней и внутренней мотивации и содержит в себе различия и противоречия духовных элементов.

- Общественная мораль, право, с профессиональной этикой управляющих в своей доктрине выступает лишь как внешний мотив, на которую элита (не) последовательно ориентируется.
- Добровольное (не) принятие альтруистического мотива «служения» управляющих происходит в силу внутреннего восприятия на основе составляющего ценностно-мотивационного комплекса личности. В данном случае ценности являются для государственного деятеля воплощением его нравственного идеала служения.
- Если внутренние мотивы поведения, составляющие ценностно-мотивационный комплекс личности, увязанные с нравственными качествами субъекта, не совпадают с формализованными этическими принципами, то это ведет к оппортунизму в поведении, к нравственным противоречиям личного и общественного.

Преодоление противоречий между нравственным поведением личности и общественной моралью является востребованным направлением в исследовании этики управленческой элиты российского общества. Этому посвящены работы А. Оболенского [5], А. Соловьева [6] и др. В социально-гуманитарных науках, решение этических проблем, рассматривается через представления о «ценностях», которые служат ориентиром и мотивируют поведение субъектов к достижению поставленных целей и, в обобщенной форме, воплощены в идеологии, определяющей доктринальный вектор общественного развития.

Управляющая элита, является главным субъектом управления государством. В её задачи входит: 1. Консолидировать общество на основе своего идейно-ценностного продукта. Государственная идеологическая платформа для современной России активно формируется на основе трансляции обществу идеологических концептов научного сообщества, выступлений, Посланий Президента РФ Федеральному Собранию и др. 2. Проявлять высокий уровень руководства в организационно-практических действиях, альтруистическую мотивацию «служения народу, Отечеству». Если институциональная недостаточность в управленческом процессе может решаться элитой путем административного реформирования, то моральная недостаточность преодолевается на основе осознанного выбора пути к самообновлению. Подробнее остановимся на реализации этой задачи.

В публикации А. Даугавет, А. Дуки, Д. Тев была рассмотрена предрасположенность российской региональной элиты к новому на основе их социально-демографических характеристик. Степень влияния этого фактора определил средний потенциал готовности региональной управляющей элиты к изменению. Пополнение властной элиты путем плутократизации за счет доминирования внутренних источников профессионализации, способствует проявлению тенденции к её гомогенизации, что автоматически не приводит к эффективности их деятельности, готовности к ориентации на новые нравственные практики [7].

Тем не менее, в последние годы происходят положительные процессы в кадровом составе управляющей элиты. В ходе вторичного анализа на основе комплексирования научной информации, статистических, конкретно-социологических данных, интервью, фокусированного на губернаторскую элиту Дальнего Востока, проявились определенные тенденции к изменениям в «человеческом капитале» управляющей элиты. Обратим внимание на следующие из них.

1. За последние 10 лет, начиная с 2012 года, когда в России были восстановлены прямые губернаторские

выборы, и до 2022 года в отставку ушло 127 глав регионов, по разным основаниям. В том числе из-за «утраты доверия». Средний возраст губернаторов на момент отставки составлял 57,2 года.

2. Состав когорты «губернаторы» омолаживается. По нашим подсчетам средний возраст 11 губернаторов Дальнего Востока в 2022 году составил 50,8 лет. Возраст почти половины из них (5 человек) был от 41 до 48 лет.

3. На пост губернатора выдвигается, как правило, представитель не из местной элиты, а путем назначения из «центра принятия решений». Это обеспечивает свободу, независимость действий губернатора от влияния местной легислатуры.

4. Наличие периода от назначения, в качестве «исполняющего обязанностей», до участия выборах в регионе, дает возможность исполняющему обязанности губернатору раскрыть свои организаторские способности, компетенции в административно-хозяйственной деятельности, морально-нравственные качества и завоевать доверие среди населения.

5. Определен перспективный путь совершенствования управленческой вертикали власти – это фактор эффективного лидера, в том числе с учетом концепта «трансформационного лидерства». Он означает переход лидеров и их последователей к более высокому уровню морали и мотивации. Обладая проницательностью и харизмой, такие лидеры способны вдохновлять окружающих на изменение своих ожиданий и мотиваций ради движения к более высоким целям. Соответственно, вектор развития региональных территорий ставится в зависимость не только от социально-демографических характеристик, профессиональных, но и личных качеств руководителя. Исследование в локальных сообществах, проведенного в два этапа в 2011–2015 гг. и 2018–2020 годах подтвердило востребованность в лидерах [8]. Потенциал влияния лидера и эффективность его деятельности во многом обусловлены наличием профессиональной и мотивированной группы последователей – команды единомышленников, поддерживающих лидера и обеспечивающих реализацию его политики.

6. Вопросы воспитания, обучения, назначения, сопровождения лидера привели к перестройке системы подготовки кадрового резерва управленческой элиты. Обучение элиты можно считать модернистским проектом российского государства, которое обеспечивает индивидуальный подход к комплексному развитию профессиональных компетенций и лидерских качеств. Оно связано с совершенствованием деятельности РАНХиГС и его филиалов; с действующей с 2010 года правительственной федеральной программы подготовки и переподготовки резерва управленческих кадров на высшем, базовом, перспективном, проектном уровнях. Новой формой обучения стал масштабный конкурс для управленцев на базе президентской платформы «Лидеры России», который открыл прямую перспективу для его победителей попадания в управленческую элиту. Получают распространение целевые образовательные проекты. Например, с 2022 года действует проект «Арктический вызов» по привлечению, отбору и оценке кадров для управленческих команд Арктической зоны.

7. Проект по введению в политику губернаторов нового поколения, начавшись в 2016 году, не теряет темпа. В ценностных профилях губернаторов преобладают традиционные ценности, установки на сотрудничество, необходимость изменений в обществе. Каждый из губернаторов адаптирует свою роль к формальным требованиям и к собственному видению политического пространства, пониманию своей миссии, политическим идеалам, ориентирам и ценностям.

Показателен пример исполняющего обязанности губернатора Хабаровского края Михаила Дегтярёва, начавшего свою деятельность в условиях кризиса политической власти, митингов – протеста населения г. Хабаровска и сумевшего переломить ситуацию, одержав победу на губернаторских выборах в сентябре 2021 году, набрав 56,8% голосов. Подобное «чудо» вполне объяснимо.

Во-первых, население Хабаровского края испытывало потребность, в первую очередь, в определённых нравственных и деловых качествах управляющей элиты. По данным приводимым М. Ермолиным, население Хабаровского края характеризовало собирательный образ руководителя региона следующими чертами:

«Это честный..., с опытом руководящей работы..., умеющий привлечь ресурсы в регион..., образованный..., коренной житель Дальнего Востока... Он интеллигентен..., молод..., был предпринимателем... Лидером региона не должен быть человек, который заботится о личном благополучии..., является плохим хозяйственником..., взяточником..., коррупционером..., не имеющий опыт практической работы..., обладающий слабыми деловыми качествами..., бюрократ..., ограниченный человек... и имеющий вредные привычки...» [9, с. 111].

Во-вторых, в реалиях общественно-политической жизни региона исполняющий обязанности губернатора продемонстрировал свои деловые и личностные качества, которые обеспечили ему доверие большинства населения края. В подтверждение этому приведем смысл выражений в высказываниях экспертов о М. Дегтяреве после его выборов на должность губернатора 19 сентября 2021 года:

«Объехал весь край... супер пластичный человек, умеет вписываться в те рамки, которые от него требуют обстоятельства... идет на открытый диалог с гражданами... прошел за этот год в крае суровую школу, которую не каждый выдержит... 14 месяцев в качестве руководителя Хабаровского края хватило на такие перемены, которых регион ждал последние лет десять. ... вернул веру словами и делами в то, что настоящее и будущее у Хабаровского края есть... имеем перспективного губернатора, сложившегося управленца, думающего на несколько лет вперед лидера. Человек справился со сложными пробелами» [10].

В-третьих, губернатор Хабаровского края – это лидер новой генерации управляющей элиты, для которого этический принцип «служения народу» составляет смысл его деятельности. Высказывания М. Дегтярева, характеризуют сложившие идейно-ценностные установки и нравственные позиции его личности:

«Всегда с искренним интересом и любовью отношусь к делу, которым занимаюсь. Всегда думаю о людях, об избирателях. Чтобы была польза для граждан, страны или региона... Мы работаем для народа и служим Родине. Любовь к России, к Хабаровскому краю – то, что нас объединяет. Важны конкретные дела. И люди испытывают большую надежду, благодарят за уже сделанное»; «... почтительно отношусь к истории края... Хорошо изучил ее... Уважаю наших первооткрывателей от Москвитина до Пяркова... Надо не забывать прошлое, ценить его...»;

«... я плохо отношусь к людям с двойным дном, которые зарабатывают в России, а потом за рубежом халят нашу страну. Это и есть беспринципность. Все, кто хочет быть вместе с народом, они здесь. Считаю, это очистительный водораздел для страны... Места ушедших займут те, кто настроен развивать Россию, защищать ее, вкладывая сюда деньги. Это мое глубокое убеждение. Понимаете, я отношусь к той части молодой элиты, кото-

рая с начала карьеры смотрела на свою страну и только на нее. Тем, кому мы не нравимся, придется смириться: будущее ... за нашим поколением. У меня все здесь: родители, семья... Мои устремления, цели и задачи тут, на Родине. В данный момент конкретно в Хабаровске» [11].

В заключение следует отметить, что, хотя инерционность в общественных процессах действует, но смена элит убыстряется, приходит новое поколение, поднимающее регионы, отстаивающее независимость страны, для которых главным принципом жизни является служение народу, Родине.

Литература

1. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 3. – С. 97–103.
2. Тихонов А.В. Реформирование работы органов власти и управления как неотложная национальная проблема // Научный результат. Социология и управление. – 2017. – Т. 3. – № 4. – С. 70–106. DOI 10.18413/2408-9338-2017-3-4-70-106
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. Р-V. – М.: Рус. яз., 1980. – 683 с.
4. Калгин А.С. Источники и последствия наличия мотивации к государственной службе (PUBLIC SERVICE MOTIVATION): обзор исследовательской области // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 2. – С. 215–239.
5. Оболонский А.В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни. – М.: Мысль, 2016. – 429 с.
6. Соловьев А.И. Сетевая этика правящего класса в системе государственного управления // Власть и элиты. – 2014. – Т. 1. – С. 41–55.
7. Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал // Власть и элиты. – 2016. – Т. 3. – С. 121–186. DOI 10.31119/pe.2016.3.5
8. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Лидерство в локальных сообществах: в ком сегодня нуждается муниципальная власть в России // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 2. – С. 157–170. DOI 10.17976/jpps/2021.02.11
9. Ермолин М.А. Региональные элиты Хабаровского края в восприятии населения (результат эмпирического анализа) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 3. – С. 111–115.
10. Молотов М., Федулов И. «Это будущий политик федерального уровня»: профессор РАНХиГС о победе Михаила Дегтярева на выборах // Комсомольская правда. 2021. 20 сент. URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/28332/4477555/> (дата обращения: 20.09.2021).
11. Ванденко А. Губернатор Хабаровского края – в спецпроекте ТАСС «Первые лица регионов»: интервью. URL: <https://tass.ru/region-officials/14841901> (дата обращения: 09.06.2022).

MORAL ASPECTS OF “SERVICE” AMONG RUSSIAN GOVERNING ELITE

Chelenkova I.Y.

Legislative Assembly of the Leningrad Region

We consider the issue of the governing elite responsibility for the moral state of Russian society. The basic concepts and classification of types of elites are clarified, the readiness of the governing elite to work on the basis of the ethical principle of “service” and al-

truistic motivation is analyzed, the leading directions for updating the personnel potential of the gubernatorial corps are shown.

Keywords: mixed type of elite, governing elite, service, ethical principle of “serving the people, the country”, altruistic motivation, renewal of the governing elite.

References

1. Gaman-Golutvina O.V. Defining the basic notions of the elites theory. Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies, 2000, no. 3, pp. 97–103. (In Russian).
2. Tikhonov A.V. The reform of authorities and management as an urgent national problem. Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie = Research Result. Sociology and Management, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 70–106. (In Russian). DOI 10.18413/2408–9338–2017–3–4–70–106
3. Dal V. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. Vol. 4. P.-V. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1980, 683 p. (In Russian).
4. Kalgin A.S. Antecedents and outcomes of public service motivation: a review of the research field. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public Administration Issues, 2020, no. 2, pp. 215–239. (In Russian).
5. Obolonsky A.V. Ethics of the Public Sphere and the Realities of Political Life. Moscow, Mysl Publ., 2016, 429 p. (In Russian).
6. Soloviev A.I. Network ethics of ruling class in system of governance. Vlast' i elity, 2014, vol. 1, pp. 41–55. (In Russian).
7. Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. The regional power groups: main socio-structural characteristics and innovation potential. Vlast' i elity, 2016, vol. 3, pp.121–186. (In Russian). DOI 10.31119/pe.2016.3.5
8. Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Leadership in local communities: who is needed in the municipal government in Russia. Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies, 2021, no. 2, pp. 157–170. (In Russian). DOI 10.17976/jpps/2021.02.11
9. Ermolin M.A. Regional elites of the Khabarovsk Territory in the perception of the population (the result of empirical analysis) // Historical and socio-educational thought. 2015, vol. 7, no. 3, pp. 111–115. (In Russian).
10. Molotov M., Fedulov I. “This is a future politician of the federal level”: RANEPА professor on Mikhail Degtyarev's victory in the elections. Komsomolskaya Pravda, 2021, 20 Sept. (In Russian). URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/28332/4477555/> (accessed: 20.09.2021).
11. Vandenko A. Governor of the Khabarovsk Territory – in the TASS special project “First Persons of the regions”: interview. (In Russian). URL: <https://tass.ru/region-officials/14841901> (accessed: 09.06.2022).

Тенденции усиления гендерной асимметрии в сфере научных исследованиях технических наук

Снежко Вера Леонидовна,

докт.тех.наук, профессор, профессор кафедры систем автоматизированного проектирования и инженерных расчетов, ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»
E-mail: vlsnejko@rgau-msha.ru

Щедрина Елена Владимировна,

канд.пед.наук, доцент, доцент кафедры систем автоматизированного проектирования и инженерных расчетов, ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»
E-mail: shchedrina@rgau-msha.ru

Паливец Максим Сергеевич,

канд.тех.наук, доцент, доцент кафедры систем автоматизированного проектирования и инженерных расчетов, ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»,
E-mail: paliivets@rgau-msha.ru

В статье представлен ретроспективный анализ исследований за динамикой и структурой научных работ периода 1992–2001гг, а также гендерного состава соискателей, которые представляли к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора технических наук по каждой из научных специальностей «Гидротехническое строительство» и «Гидравлика и инженерная гидрология» группы научных специальностей «Строительство и архитектура». Особое внимание авторы уделяют проблеме гендерной асимметрии современного общества, которая проявляется в нарушении соразмерности в социальных взаимных отношениях между мужчинами и женщинами в разнообразных сферах, в том числе в образовательном и научном пространствах, что подтверждается значительным дисбалансом российских научных школ, обусловленным гендерным признаком. Проведенный временной анализ структуры кандидатских диссертаций, поданных к защите по гидротехническому строительству свидетельствует о преобладании женщин в периоды (1994, 1998, 2007, 2010), а защита докторских диссертаций женщиной по гидротехническому строительству, гидравлике и инженерной гидрологии явление крайне редкое.

Ключевые слова: научная деятельность, кадры высшей квалификации, аспиранты, докторанты, диссертации, гендер, строительство.

Введение. Согласно официальным данным службы государственной статистики Российской Федерации в 2021 году научными исследованиями и разработками в области технических наук занималось 199585 человек, из которых только 11% сотрудников имели ученую степень. Исследованиями в области естественных наук занималось 49% сотрудников с ученой степенью, медицинских 62%, сельскохозяйственных 53%, общественных 63% и гуманитарных 67%. Доля докторов наук в числе сотрудников, имеющих ученую степень, составляла для технических областей исследований 18%, для естественных 26%, для медицинских 36%, для сельскохозяйственных 23%, для общественных 24% и 28% для гуманитарных областей исследований.

Общая численность исследователей в Российской Федерации в 2021 году составляла 340142 человека, из них доля исследователей в области технических наук была максимальной – 59%. Но по сравнению с другими областями в технических науках минимальное количество сотрудников имели ученые степени и минимальное количество из них были докторами наук. Это связано не только со спецификой и сложностью технических наук, но и с более глобальными проблемами потери уровня инженерного образования, снижением привлекательности работы в области научно-технических исследований [1, 2, 3]. Неоднозначно сказывались на защитах диссертаций реформы, проводимые Высшей Аттестационной Комиссией начиная с 2006 года [4]. Исследование статистики защиты докторских диссертаций в разрезе реформ Высшей Аттестационной Комиссии приведено в работе [5]. Тенденция ежегодного снижения числа присуждаемых ученых степеней и анализ причин кризисного состояния национальной системы подготовки научных кадров отмечена в работе [6]. Анализ динамики защит диссертаций по отраслям науки за 2005–2015 гг. приведен в работе [7].

Строительство является одной из динамично развивающихся отраслей народного хозяйства. В области технических наук группа научных специальностей 05.23.00 «Строительство и архитектура» по старой номенклатуре включала 14 научных специальностей. В феврале 2021 года Приказом Минобрнауки России № 118 была утверждена новая номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. Согласно Приказу в области технических наук в группе научных специальностей 2.1 «Строительство и архитектура» число научных специальностей увеличилось до 16 специальностей. В Таблице 1 приведено сопоставление научных специальностей по старой и новой номенклатуре.

Таблица 1. Изменения в номенклатуре научных специальностей

По старой номенклатуре	По новой номенклатуре
05.23.01 Строительные конструкции, здания и сооружения (технические)	2.1.1 Строительные конструкции, здания и сооружения (технические)
05.23.02 Основания и фундаменты, подземные сооружения (технические)	2.1.2 Основания и фундаменты, подземные сооружения (технические)

По старой номенклатуре	По новой номенклатуре
05.23.03 Теплоснабжение, вентиляция, кондиционирование воздуха, газоснабжение и освещение (технические)	2.1.3 Теплоснабжение, вентиляция, кондиционирование воздуха, газоснабжение и освещение (технические)
05.23.04 Водоснабжение, канализация, строительные системы охраны водных ресурсов (технические)	2.1.4 Водоснабжение, канализация, строительные системы охраны водных ресурсов (технические)
05.23.05 Строительные материалы и изделия (технические)	2.1.5 Строительные материалы и изделия (технические)
05.23.07 Гидротехническое строительство (технические)	2.1.6 Гидротехническое строительство, гидравлика и инженерная гидрология (технические)
05.23.16 Гидравлика и инженерная гидрология (технические)	
05.23.08 Технология и организация строительства (технические)	2.1.7 Технология и организация строительства (технические)
05.23.11 Проектирование и строительство дорог, метрополитенов, аэродромов, мостов и транспортных тоннелей (технические)	2.1.8 Проектирование и строительство дорог, метрополитенов, аэродромов, мостов и транспортных тоннелей (технические)
05.23.17 Строительная механика (технические)	2.1.9 Строительная механика (технические)
05.23.19 Экологическая безопасность строительства и городского хозяйства (технические)	2.1.10 Экологическая безопасность строительства и городского хозяйства (технические)
05.23.20 Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия (архитектура, искусствоведение)	2.1.11 05.23.20 Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия (архитектура, искусствоведение, технические)
05.23.21 Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (архитектура)	2.1.12 Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (архитектура, технические)
05.23.22 Градостроительство, планировка сельских населенных пунктов (технические, архитектура)	2.1.13 Градостроительство, планировка сельских населенных пунктов (технические, архитектура)
–	2.1.14 Управление жизненным циклом объектов строительства (технические, физико-математические)
–	2.1.15 Безопасность объектов строительства, отрасль (технические)
–	2.1.16 Охрана труда в строительстве отрасль (технические)

Изменения затронули четыре научных специальности. У двух специальностей добавилась отрасль науки – технические, которой не было в предыдущем перечне. Перечень дополнился тремя новыми научными специальностями, в одной из них появилась такая отрасль

наук как физико-математические науки, которой ранее не было ни в одной из научных специальностей по строительству. Единственными из объединенных вместе научных специальностей стали Гидротехническое строительство» и «Гидравлика и инженерная гидрология».

Исторически сложившаяся проблема социального неравенства мужчин и женщин является основой гендерной асимметрии современного общества, которая проявляется в нарушении соразмерности в их социальных взаимоотношениях в разнообразных сферах, в том числе в образовательном и научном пространствах, что подтверждается значительным дисбалансом российских научных школ, обусловленным гендерным признаком. Большой интерес представляет проделанная исследовательская работа «Гендерная асимметрия в российской системе высшего образования и ее социальные последствия» автора концепции гендерной социологии как частной социологической теории, руководителя научной школы «Гендерная и экономическая социология» Г.Г. Силласте, в которой очень подробно изучен вопрос гендерной асимметрии в науке и предложены модели трудового поведения ученых, различающиеся мотивацией научной деятельности [8].

Социально-экономический аспект гендерной асимметрии обусловлен тем, что равные инвестиции в человеческий капитал для женщин и мужчин не приводят к одинаковому экономическому и социальному статусу в большинстве случаев. Особенно это ощутимо в академической среде, так как затраты на образование, развитие творческих способностей, формирование качественной многоступенчатой подготовки не дают желаемого результата, соизмеримого между мужчинами и женщинами [9]. Научная карьера женщин обычно требует больших трудовых и временных затрат, по сравнению с коллегами-мужчинами. Не редки случаи отказов в научном признании, поощрении, и как следствие продвижении по карьерной лестнице. Достижение гендерного баланса остается открытым полем для исследований в теоретическом, методологическом и практическом плане.

Профессиональные траектории женщин в инженерной сфере реализуются по двум направлениям, либо женщины работают на производстве, либо уходят в науку, но при этом в каждом случае на их пути возникает множество препятствий, часть из которых создается искусственно [10].

Цель исследования: выполнить анализ динамики и структуры работ, а также гендерного состава соискателей, представивших к защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора технических наук по каждой из научных специальностей «Гидротехническое строительство» и «Гидравлика и инженерная гидрология» за период 1992–2021 годы.

Материал и методы

Материалом исследований стали размещенные в Государственной библиотеке имени Ленина авторефераты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук с 1992 по 2018 годы, а также авторефераты диссертаций, размещенные на сайте Высшей аттестационной комиссии с 2014 по 2021 год. Всего подано к защите 572 диссертаций, из них 375 по специальности «Гидротехническое строительство» и 197 диссертаций по специальности «Гидравлика и инженерная гидрология». Динамика подачи по годам приведена на рисунке 1. За 30 лет количество подаваемых в советы диссертаций по гидротехническому строительству превышает количество диссертаций, подаваемых по гидравлике и инженер-

ной гидрологии. Это связано как со спецификой научной специальности, так и с меньшим количеством диссертационных советов по данному направлению. Сравнение

динамики соискателей по выбранным научным специальностям с данными, приведенными в исследовании [7] для технических наук в целом повторяет общую тенденцию.

Рис. 1. Ежегодное число подаваемых к защите диссертаций

В 1992–1994 годах к защите подавались диссертации, подготовка которых была начата еще до распада Советского Союза. В диссертациях этих лет достаточно много соискателей из бывших союзных республик. Принятие «Положения о присуждении ученых степеней» в 2006 году повлекло за собой повышение требований к соискателю и вводом списка журналов, в которых должны были публиковаться результаты исследований. К 2009 году сказался эффект нового «Положения о диссертационном совете», принятого двумя годами ранее. В это время закрылся ряд диссертационных советов по строительству, в которых не обеспечивалось требуемое количество докторов наук. Однако, после выхода «Положения о диссертационном совете» 2011 года, число представленных к защите диссертаций по гидротехническому строи-

тельству растет, в то время как аналогичный показатель по научной специальности «Гидравлика и инженерная гидрология» продолжает снижаться. В Положении вводились требования к публикациям членов диссертационного совета за последние три года. Анализ журналов из списка ВАК за этот период времени показал, что при достаточном количестве изданий по строительству изданий, публикующих исследования по гидравлике и инженерной гидрологии было на порядок меньше. Это могло быть одной из причин спада.

Общие сведения о поданных к защите диссертациях приведены в Таблице 2.

Ежегодное число поданных к защите кандидатских и докторских диссертаций за анализируемый период времени приведено на рисунке 2.

Таблица 2. Сведения о поданных к защите диссертациях за 1992–2021 гг.

Научная специальность	всего	кандидатские	докторские	докторские диссертации мужчины	докторские диссертации женщины	кандидатские диссертации мужчины	кандидатские диссертации женщины
гидротехническое строительство	375	279	96	92	4	199	80
гидравлика и инженерная гидрология	197	158	39	36	3	104	54
ИТОГО	572	437	135	128	7	303	134

а)

Рис. 2. Динамика поданных к защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора технических наук: а – гидротехническое строительство; б – гидравлика и инженерная гидрология

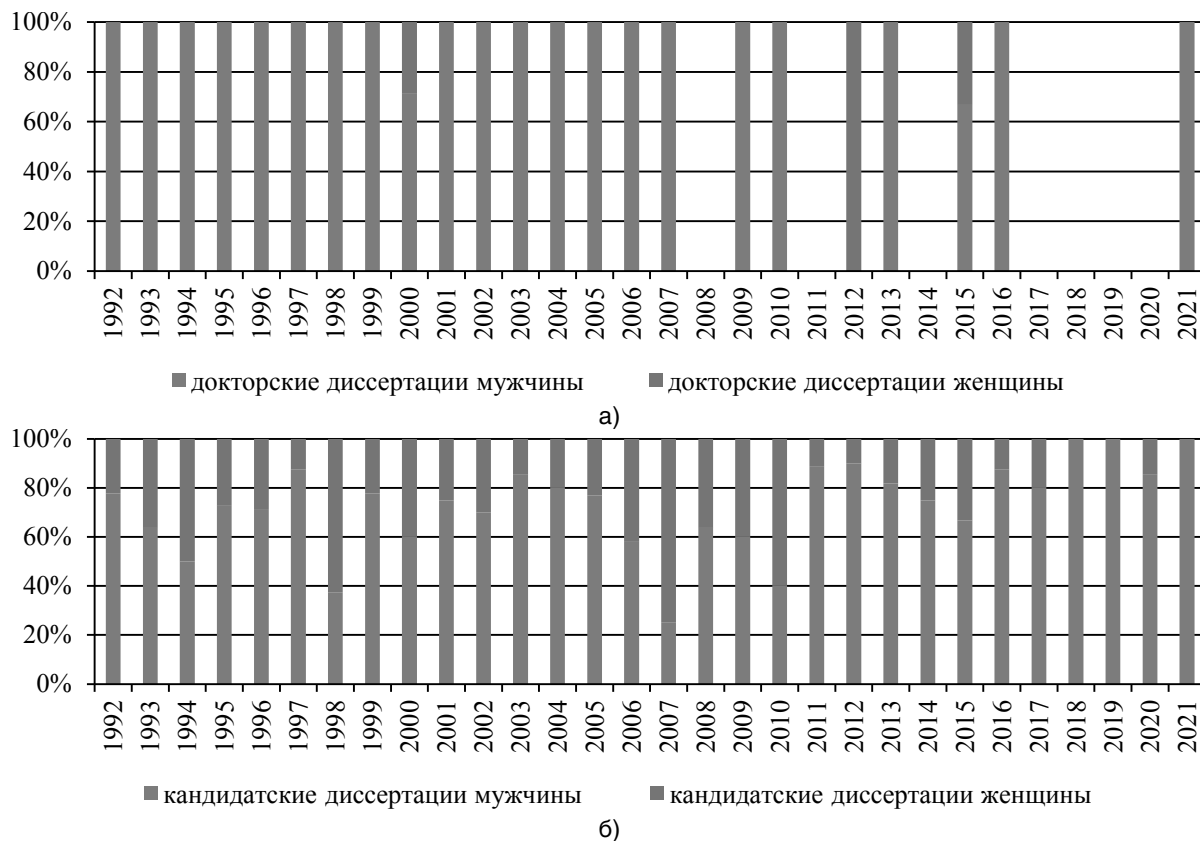
Число кандидатских диссертаций традиционно превышало число докторских: по гидротехническому строительству ежегодное отношение доходило до 12, по гидравлике и инженерной гидрологии до 16. Всего за 30 лет доля докторских диссертаций составила 34% по гидротехническому строительству и 25% по гидравлике и инженерной гидрологии.

Доля женщин, подавших к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, составила 40% по первой научной специальности и 52% по второй. Как видим, гендерная асимметрия выражена незначительно только по гидротехническому строительству. Кроме гендерных стереотипов на пути к заветной степени кандидата или доктора наук, женщине мешают и объективные трудности, связанные с семейными обязанностями воспитанием детей [11]. Защита кандидатской диссертации многими соискательницами происходит в возрасте 25–30 лет, как правило, в этом возрасте не все женщины вступают в брак, либо откладывают рождение детей до достижения определенных успехов в карьере. Этим может быть одной из причин практического отсутствия

гендерной асимметрии в числе поданных к защите кандидатских диссертаций.

Анализ представленных к защите докторских диссертаций выявил резкую гендерную асимметрию: доля женщин, подавших к защите диссертации составила всего 4% по гидротехническому строительству и 8% по гидравлике и инженерной гидрологии. В исследованиях Е.В. Кеммет рассмотрен вопрос гендерной асимметрии в профессиональном сообществе инженеров, а также разнообразные предрассудки и барьеры, препятствующие вхождению женщин в области STEM (наука, технология, инженерия, математика), как за рубежом, так и в нашей стране. По словам автора «гендерная асимметрия сохраняется и в направлениях обучения STEM: женщины больше представлены в биологических науках, науках об окружающей среде, медицине, а в инженерных и в вычислительных областях в значительной степени преобладают мужчины» [12].

Ежегодная структура представленных к защите диссертаций соискателями мужчинами и соискателями женщинами по каждой из научных специальностей приведена на рисунке 3.

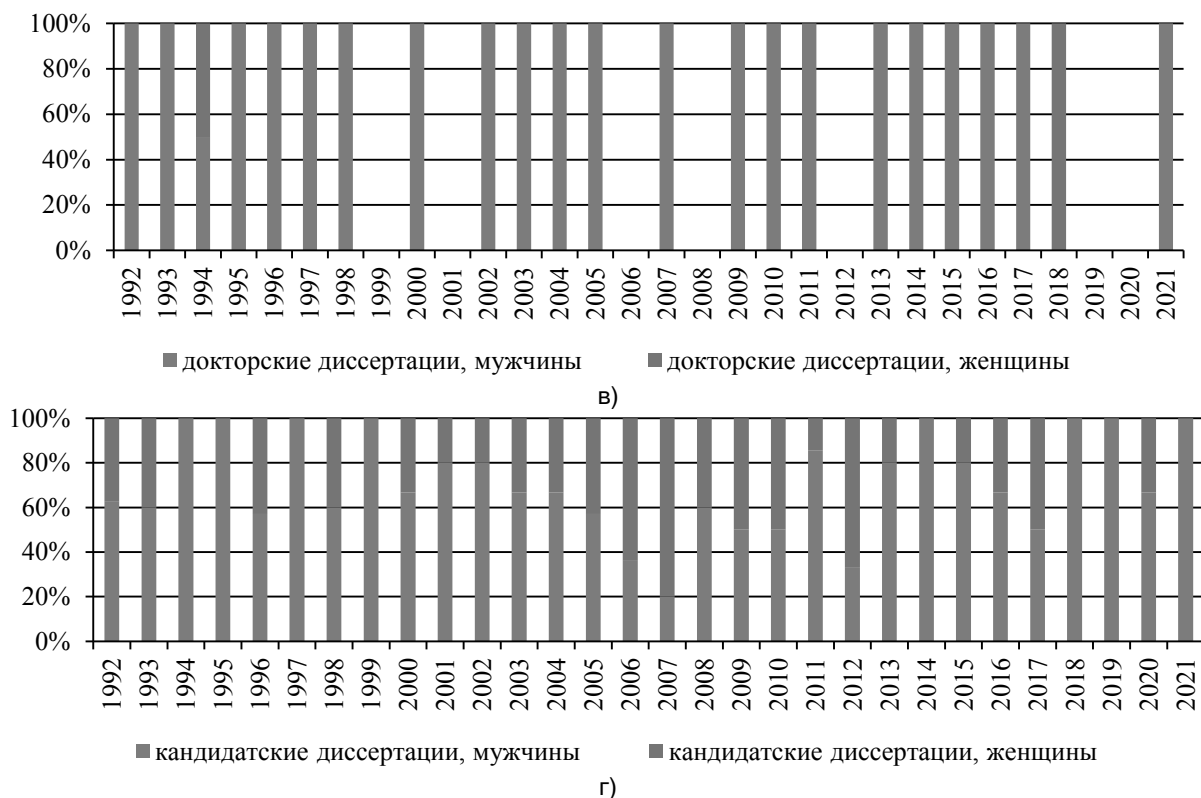

Рис. 3. Структура поданных к защите диссертаций на соискание ученой степени: а – гидротехническое строительство, докторские диссертации; б – гидротехническое строительство, кандидатские диссертации; в – гидравлика и инженерная гидрология, докторские диссертации; г – гидравлика и инженерная гидрология, кандидатские диссертации

Интересным оказался временной анализ структуры кандидатских диссертаций, поданных к защите по гидротехническому строительству. В наиболее кризисные периоды (1994, 1998, 2007, 2010) преобладала доля женщин, что может быть объяснено уходом части мужчин из сферы научных исследований в производство.

Временной анализ докторских диссертаций по каждой из рассмотренных научных специальностей позволяет сделать вывод о том, что защита женщиной докторской диссертации явление крайне редкое. Раз в десять лет женщины подают к защите докторские диссертации по гидротехническому строительству и в среднем раз в 15 лет по гидравлике и инженерной гидрологии.

Выводы

На временном интервале 30 лет число поданных к защите кандидатских диссертаций в 2,9 раз превысило число докторских диссертаций по научной специальности «Гидротехническое строительство» и в 4,1 раз по специальности «Гидравлика и инженерная гидрология». Ежегодная динамика поданных к защите диссертаций согласуется с данными исследований, выполненными ранее другими авторами при анализе технических научных специальностей.

По гидротехническому строительству было защищено в 1,9 раз больше диссертаций, чем по гидравлике и инженерной гидрологии. Отношение числа мужчин к числу женщин соискателей ученой степени по каждой из научных специальностей оказалось примерно одинаковым и равным 2,6 и 2,5 раз соответственно.

Доля женщин, подавших к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук, по первой научной специальности составила 40% и 52% по второй. О незначительной гендерной асимметрии можно говорить только по гидротехническому строитель-

ству. Крайне выражена гендерная асимметрия по числу защит докторских диссертаций женщинами: их доля составляет 4,2% и 7,7% соответственно.

Объединение научных специальностей в одну представляется обоснованным и связанным не только со снижением общего числа поданных к защите диссертаций, но и с сокращением работ по гидравлике и инженерной гидрологии за последние 10 лет.

Литература

1. Терентьев Е. А., Рыбаков Н.В., Бедный Б.И. Зачем сегодня идут в аспирантуру. Типологизация мотивов российских аспирантов // Вопросы образования. – 2020. – № 1. – С. 40–69. DOI 10.17323/1814-9545-2020-1-40-69.
2. Михалкина Е. В., Скачкова Л.С., Герасимова О.Я. Академическая или неакадемическая карьера: какой выбор делают аспиранты федеральных университетов? // Terra Economicus. – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 148–173. DOI 10.236 83/2073-66062019-17-4-148-173.
3. Шматко Н. А., Волкова Г.Л. Мобильность и карьерные перспективы исследователей на рынке труда // Высшее образование в России. – 2017. – № 1. – С. 35–46.
4. Ключарев Г. А., Савенков А.И., Бакланов П.А. Кадры российской науки: проблемы и методы их решения // Социологические исследования. – 2016. – № 9. – С. 117–125.
5. Донецкая С.С. Статистика защит докторских диссертаций: изменения после реформы ВАК. Высшее образование в России. – 2017. – № 4. – С. 26–37.
6. Бедный Б.И., Воронин Г.Л., Миронос А.А., Рыбаков Н.В. Барьеры на пути к ученым степеням: проблемы постаспирантского периода // Универси-

тетское управление: практика и анализ. – 2021. – Т. 25. – № 1. – С. 35–48.

7. Губа К. С., Соколов М.М., Соколова Н.А. Динамика диссертационной индустрии в России: 2005–2015 гг. Изменил ли новый институциональный трафарет академическое поведение? // Экономическая социология. – 2020. – Т. 21, № 3. – С. 13–46. DOI 10.17323/1726–3247–2020–3–13–46.
8. Гендерная асимметрия в российской системе высшего образования и возможные социальные последствия условиях перехода к рыночной экономике. Часть 1 – Методология и методика социологического исследования (отв. редактор Г.Г. Силласте). В соавторстве: Силласте Г.Г., Дудина О.М., Сухарева – Попова З.С., Варбузов А.В., Опрышко И.Г. – М., ФА, 2002.
9. Лошакова Ю.П. Гендерное неравенство на российском рынке труда // Восьмые Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции 15–16 ноября 2013 года / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2013.
10. Мясина Е.П., Уварова В.И. Карьера российской женщины инженера: особенности и проблемы // Профессиональная карьера женщин и вызовы времени: Междунар. научно-практическая интернет-конференция (1–31 мая 2007 г.). Орел: ОрелГТУ, 2007. – С. 65–77.
11. Силласте Г.Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы / Г.Г. Силласте // Социолог. исследование. – 2004. – № 9. – С. 77–86.
12. Кеммет Е.В. Гендерная асимметрия в профессиональном сообществе инженеров. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2017. – № 1 (45). – С. 140–145.

TRENDS IN INCREASING GENDER ASYMMETRY IN THE FIELD OF SCIENTIFIC RESEARCH IN TECHNICAL SCIENCES

Snezhko V.L., Shchedrina E.V., Paliivets M.S.

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

The article presents a retrospective analysis of research on the dynamics and structure of scientific works of the period 1992–2001, as well as the gender composition of applicants who submitted for the defense of a dissertation for the degree of candidate and doctor of technical sciences in each of the scientific specialties “Hydraulic engineering” and “Hydraulics and engineering hydrology” group of scientific specialties “Construction and architecture”. The authors pay special attention to the problem of gender asymmetry in modern society, which manifests itself in the violation of proportionality in social mutual relations between men and women in various fields, in-

cluding in the educational and scientific fields, which is confirmed by a significant imbalance in Russian scientific schools, due to gender. The conducted temporal analysis of the structure of Ph.D.

Keywords: scientific activity, highly qualified personnel, graduate students, doctoral dissertation students, gender, construction.

References

1. Terentyev E. A., Rybakov N.V., Poor B.I. Why are they going to graduate school today. Typology of motives of Russian graduate students//Education issues. – 2020. – № 1. – S. 40–69. DOI 10.17323/1814–9545–2020–1–40–69.
2. Mikhalkina E. V., Skachkova L.S., Gerasimova O. Ya. Academic or non-academic career: what choice do graduate students of federal universities make?//Terra Economicus. – 2019. – Т. 17, NO. 4. – S. 148–173. DOI 10.236 83/2073–66062019–17–4–148–173.
3. Shmatko N. A., Volkova G.L. Mobility and career prospects of researchers in the labor market//Higher education in Russia. – 2017. – № 1. – S. 35–46.
4. Klyucharev G. A., Savenkov A.I., Baklanov P.A. Personnel of Russian science: problems and methods of solving them//Sociological research. – 2016. – № 9. – S. 117–125.
5. Donetsk S.S. Statistics on the defense of doctoral dissertations: changes after the reform of the Higher Attestation Commission. Higher education in Russia. – 2017. – № 4. – S. 26–37.
6. Poor B.I., Voronin G.L., Mironos A.A., Rybakov N.V. Barriers to academic degrees: problems of the post-aspirant period//University administration: practice and analysis. – 2021. – Т. 25. – № 1. – S. 35–48.
7. Guba K. S., Sokolov M.M., Sokolova N.A. Dynamics of the dissertation industry in Russia: 2005–2015. Did the new institutional stencil change academic behavior?//Economic sociology. – 2020. – Т. 21, NO. 3. – S. 13–46. DOI 10.17323/1726–3247–2020–3–13–46.
8. Gender asymmetry in the Russian higher education system and possible social consequences of the transition to a market economy. Part 1 – Methodology and methodology of sociological research (ed. Editor G.G. Sillaste). Co-authored by: Sillaste G.G., Dudina O.M., Sukhareva – Popova Z.S., Varbuzov A.V., Opryshko I.G. – M., FA, 2002.
9. Loshakova Yu.P. Gender inequality in the Russian labor market//Eighth Kovalev readings. Materials of the scientific and practical conference on November 15–16, 2013/Otv. editor: Yu.V. Asochakov. St. Petersburg: Scythia Print, 2013.
10. Myasina E.P., Uvarova V.I. Career of a Russian woman engineer: features and problems//Professional career of women and challenges of the time: International. scientific and practical Internet conference (May 1–31, 2007). Eagle: OryolGTU, 2007. – S. 65–77.
11. Sillaste G.G. Gender sociology: state, contradictions, perspectives/G. G. Sillaste//Sociologist. studies. – 2004. – № 9. – S. 77–86.
12. Kemmet E.V. Gender asymmetry in the professional engineering community. Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. – 2017. – № 1 (45). – С. 140–145.

Социально-философский анализ места модернизационных проектов России XIX столетия в феномене самоуправления

Арефьев Михаил Анатольевич,

д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный аграрный университет»
E-mail: Ant-data@mail.ru

Клешнева Любовь Ильинична,

к.ф.н., ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет»
E-mail: uliunuchna@mail.ru

В настоящей работе рассмотрен вопрос о месте модернизационных проектов России XIX столетия в феномене самоуправления. Модернизационные процессы начались после отмены крепостного права, но их предыстория началась ранее. Взаимодействие общества способствовало изменению систему самоуправления. Модернизационные проекты коснулись разных сфер жизни – общественной, образовательной, культурной, экономической и других. Самоуправление является важной стороной процесса самоорганизации и охватывает жизнь общественных структур. Исторический опыт нашей страны важен при определении форм политического самоуправления в российском обществе. Именно реформы того времени в своем единстве определяют формирование индустриального общества в нашей стране.

Ключевые слова: модернизационные проекты, александровские реформы, российская самоорганизация, крестьянское и посадское самоуправление.

Социальная модернизация выступает исследовательской задачей философии в самых различных аспектах (социальном, политико-экономическом, культурологическом и т.д.). Они являются одним из аспектов концепции индустриализации, а именно как «модель семантических и аксиологических трансформаций сознания и культуры в контексте становления индустриального общества... Ранними аналогами концепции модернизации явились идеи о содержательной трансформации социокультурной сферы... (Э. Дюркгейм, К. Маркс, Ф. Теннис, И. Кули, Г. Мейн)». [12] Другими словами, под модернизацией традиционно понимается переход от общества аграрного, сельскохозяйственно-ориентировочного к обществу индустриальному (нетрадиционному с точки зрения культурных трансформаций), как в сфере социально-экономической, так и в области массового сознания.

При философском осмыслении феномен модернизации чаще всего трактуется как одна из закономерностей исторического процесса в целом. Процесса динамического по-своему характеру и социально направленному. При этом внимание уделяется аккумулятивному характеру социального развития. Феномен модернизации как историческая закономерность развития общества может быть рассмотрен в различных аспектах. Общим для этих позиций (социальной, экономической и культурной) является то, что развитие идет по линии прогресса. Предметом данной работы является история модернизации России как одной из мировых экономик, державы и российского общества с социально-философских позиций. Она началась со структурной реформы 1861 года, которая привела к революционному перевороту во всей жизни страны. Реформы в целостном единстве (крестьянская, административная, правовая и др.) дали толчок для формирования индустриального общества в стране. Как отметил Б.М. Барков: «Политика преобразований, которую проводил император, прочно закрепила за Александром II определение «царь-освободитель» [3].

Отмена крепостничества или аграрная реформа – это не только простор для развития самостоятельного крестьянского производства, но и коренные изменения в быте, сознании и культуре крестьянского (сельского) населения. А Россия того времени – страна аграрная, с подавляющим крестьянским населением. Она до реформ 1860-х годов – страна крепостническая как явный атавизм феодального прошлого. Основной фактор отмены крепостного права состоял в насущной потребности ускоренного социального развития. Однако имел место и фактор борьбы крестьянского населения против отжившей крепостнической системы. Профессор П.И. Смирнов пишет о предреформационном времени: «Начиная с царствования императора Александра I (как и следствие указа Петра III «О золотой вольности дворянства», вошедшего в силу при Екатерине II), в России все заметнее проявляются черты «напряженной»

служебно-домашней цивилизации. Связано это с тем, что российское дворянство, освободившись от тягот обязательной службы, сохранило за собой все привилегии. В силу сословного эгоизма оно предало интересы русского народа, превратив крестьян в рабов» [17]. Отметим, что сам процесс крепостной зависимости в российском обществе сформировался гораздо раньше, в эпоху последних Юриковичей и Бориса Годунова. [6]

Вместе с тем в истории российского крепостничества были и некоторые особенности во владении земель и людьми на Севере страны и в Сибири, которые сохраняли свободное крестьянство. Русский Север – это особая страница в многовековой истории нашей Родины. [1] В целом же по России, особенно её центральной части, крестьяне делились на основные группы: частновладельческие, дворцовые, монастырские и государственные, то есть являлись приписанными либо к частному владению, либо к владению императорскому, монастырскому и государственному. Государственность Российской державы в целом была помещичье-дворянской, сословной или по словам Смирнова «бюрократическим дворянским государством», а особенно это проявилось в сфере политики. Разночинная интеллигенция и крестьянство к управлению государством не были допущены. Все это превращалось в дореформенный период в тормоз для буржуазного развития России. [10] Отчасти эти проблемы были решены в ходе реформ А. Столыпина, после Первой русской революции 1905–1907 годов, но решены не кардинально, а это в свою очередь сформировало предпосылки Второй русской революции (февраль 1917 года).

Ряд отечественных авторов: А.С. Ахиезер [2], В.Г. Хорос [19], И.В. Побережников [14] и другие модернизацию трактуют как любое ускорение в прогрессивном развитии общества. Теоретически это не вызывает вопросов. Однако достаточно общее, без фактической конкретизации толкование модернизации, считаем мы, выводит за рамки исследования практические данные, охватывающие не только сферу социально-экономическую, но и сферу культурную (образование населения, трансформации в общественном сознании людей, изменения ментального характера и т.д.). Социально-экономическая модернизация ведет не только к изменению структуры общества, появлению новых сословий или общественных классов, к формированию новых основ производственных отношений. Она самым прямым образом сказывается и на духовной культуре социума, меняет культурные предпочтения людей, сказывается на структуре мышления и т.д.

Понятие модернизации в современной трактовке может трактоваться и должно рассматриваться как осовременивание, формирование новых социокультурных реалий, свойственных именно для современного общества и трансформациям его культуры. Модернизация в указанном смысле являет собой процесс всеобщего характера в рамках определенного государства и в определенных исторически сложившихся обстоятельствах развития социума. Именно так она протекала в России, хотя начиналась с фактора общественно-личностного как отмена крепостного права в стране. Хотя её предыстория лежит в веке XVIII – Петровские реформы в военном деле, образовании, экономике и административном управлении, в Губернском делении государства. Управленческий дворянский бюрократизм того времени не мог справиться с расширяющимися задачами государственного управления и провинциального местного управления без участия в них наличных общественных сил. Но такое участие могло стать действительным только при условии формирования местного и всесословного самоуправления, а оно могло создаваться только при ус-

лови коренного преобразования всех государственно-общественных отношений того времени. В первую очередь речь должна была бы вестись о государственной децентрализации.

При императоре Николае I правительство, испуганное революционными движениями в Западной Европе, боялось каких-либо социальных перемен, справедливо опасаясь, что они могут отозваться революцией в России. Поэтому оно ставило своей задачей возможно более усилить централизованную власть. А значит – довести до абсурда роль чиновничества и не допускать распространения либеральных идей. Николаевское время прошло для страны и её руководства под знаком боязни «декабризма» [20]. Касалось это и сферы культуры, в частности, образовательных усилий. Показательным в этом плане высказывание министра просвещения того времени: «польза философии не доказана, а вред от неё возможен» [13]. Итог – изъятие из учебных программ на несколько лет преподавание курса философии. А к чему это привело – к общему падению методологической культуры в научных исследованиях.

Когда началась Крымская война, то всё неустройство русской жизни в её абсолютизации центризма и социальной организации проявилось во всей силе. В первые годы царствования Александра II необходимость социальных изменений была уже очевидна. Это находило своё отражение в публицистическом творчестве. Журнал революционного демократа А.И. Герцена «Колокол» пусть и нелегальный, издававшийся в Лондоне, где одной из сквозных тем была история вечаевого управления в Великом Новгороде, то есть идея политического самоуправления, получил в России достаточно широкое распространение. Журнальные публикации пусть и косвенно, но оказывали свое влияние на российскую внутреннюю политику. Герцен колебался между либерализмом и крестьянским демократизмом, но тяготел больше к либерализму. В своем письме Александру II в 1855 году он писал: «Дайте землю крестьянам, она и так им принадлежит. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братьев – эти страшные следы презрения к человеку» [7]. Герцен в своих публикациях без устали обличал произвол чиновников-бюрократов. Деятельность революционных демократов оказала определенное влияние на принятие и ход крестьянской реформы 1861 года, как позже философия русских консерваторов оказала свое воздействие на практику контрреформ императора Александра III. [9]

С экономической точки зрения в периоде реформ 1860-х годов можно отметить такие изменения как, во-первых, переход на наемный труд и отработочный труд крестьян в помещичьих хозяйствах; во-вторых, сохранение помещичьей собственности на землю и малоземелье крестьян; в-третьих, периодические спады и подъёмы в производстве и экстенсивное развитие сельского хозяйства. [16] Александровские реформы, несмотря на их половинчатость, тем не менее вызвали ускоренный темп развития экономики страны и окончательное складывание единого всероссийского рынка. Он, однако, характеризовался низкой товарностью крестьянского хозяйства, поскольку крайне низкая урожайность не давала возможностей для продажи сельскохозяйственных продуктов. Для сегодняшней России характерна некоторая идеализация того исторического времени – Александровской и Николаевской (Николай II) эпох. А ведь периодически в то время возникало явление локального голода – голода не в рамках страны, но отдельных губерний. Известно, что Л.Н. Толстой как великий русский писатель и общественный деятель уча-

ствовал в деятельности нескольких комиссий по преодолению такого локального голода в центральной России среди крестьян.

Посткрымский период потребовал от Российского государства решение двойственных задач: с одной стороны, это требование мобилизационных функций государства, отсюда установка на центральную власть, регулируемую всю общественную систему (от сельской и посадской общин до создания служилого сословия, номенклатуры). С другой стороны, потребность в расширении самостоятельности населения, поощрение форм российской самоорганизации. Однако это столкнулось с особенностью социальной системы александровских времен, а именно отчужденностью государственной реформаторской инициативы и организации от участия в этих модернизационных процессах широких народных масс. Отсюда следовал характер проведения реформ – они шли «сверху» и вне экономических интересов крестьянства. Современные исследователи отечественных проектов модернизации отмечают, что в России наиболее интересны так называемые системные реформы. Е.Б. Беспятова пишет: «Системные реформы – это такие реформы, которые приводят к качественным изменениям во всех сферах общественной жизни. К такому типу реформ можно отнести реформы Ивана IV (принятие нового Судебника 1550 г.; земская реформа; «Уложение о службе»; оформление приказной бюрократической системы; принятие общерусского кодекса церковного права), Петра I (реорганизация системы управления государством; создание отраслевых органов управления; регламентация всех сфер общественной жизни, отмена патриаршества, военные реформы), Александра II (крестьянская реформа, земская реформа, судебная реформа, венная реформа, реформы образования и цензуры). Говоря о российских системных реформах, необходимо делать поправку на приверженность политической системы принципу неограниченной абсолютной монархии. [4]

В российском обществе, общественном сознании того времени постепенно укрепляется мысль, что предметом государственной политики должна служить не только внешняя безопасность и целостность государства, но и внутреннее благосостояние населения, русского народа в целом. Прежнее равнодушие к внутреннему распорядку народного быта сменяется идеей о самостоятельности общества. [5] В читающем обществе, да и в правительственных структурах появляется интерес к механизмам общественной самоорганизации, в том числе и самоуправлению в различных его формах (кооперативное движение, организация промысловых артелей, местное самоуправление на земском уровне и т.д.). Философия самоуправления интересует не только оппозиционную мысль, но постепенно входит в управленческие решения.

Напомним, что в XX столетии проблема самоорганизации получила свое разрешение в рамках постнеклассической науки в форме синергетики. Синергетика – (от греч. Synergetikos – совместный, согласованный, действующий) – это разновидность синтетического научного знания, где главная мысль состоит в идеологии самоорганизации элементов различных природных и социальных структур. В таких системах появляется согласование элементов, а за счет этого растет степень упорядоченности. Уменьшение энтропии или неупорядоченности происходит за счет процесса самоорганизации. Формирование синергетического знания начинается в сфере научно-физического знания, но достаточно быстро синергетическая парадигма нашла свое применение в биологии, а затем стала широко использовать-

ся в социогуманитарном знании (академик В.С. Степин). О возможности использования принципов и категорий синергетики применительно к социогуманитарному знанию в свое время указывал один из её основоположников – Илья Пригожин. Он пишет: «Идея нестабильности не только в каком-то смысле теоретически потеснила детерминизм, она, кроме того, позволила включить в поле зрения естествознания человеческую деятельность, дав, таким образом, возможность более полно включить человека в природу. Соответственно, нестабильность, непредсказуемость и, в конечном счете, время как существенная переменная стали играть теперь немаловажную роль в преодолении той разобщенности, которая... существовала между социальными исследованиями и науками о природе» [15].

Связи естествознания и социогуманитарных наук, по Пригожину, состоят в том, что понятия синергетики: самоорганизация, упорядоченность, система, энтропия и другие, имеют общенаучный, философский смысл. Одним из отечественных исследователей, например, проблемы самоорганизации рода как одного из феноменов самоорганизации человека является социальный философ А.С. Казеннов. Для него самоорганизация в социальной жизни современной России есть главный способ решения проблем постсоветской эпохи. Он пишет, что в условиях системного кризиса «общественной жизни и существования научного сообщества тема выхода из кризиса, преодоления острых социальных противоречий, поиска новой самоорганизации общества, эффективного взаимодействия общества и государства, местного (муниципального) управления и производственного самоуправления... приобретает исключительно важное значение. Но она требует углубления в антропологическую, генерационную основу жизни общества, в фундаментальные связи человека, общества и государства». [8]

Синергетика состоялась как форма научного знания благодаря учению о самоорганизации. Для синергетики философия самоорганизации есть выражение ее сущности. Г. Хакен пишет: «Полезно иметь какое-нибудь подходящее определение самоорганизации. Мы называем систему самоорганизующейся, если она без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную и функциональную структуру. Под специфическим воздействием мы понимаем такое, которое навязывает системе структура или функционирование. В случае же самоорганизации система испытывает неспецифическое воздействие». [18] В отношении российского общества второй половины XIX века, времен александровских реформ, таким «неспецифическим воздействием» конечно же стало освобождение русского крестьянства от крепостной зависимости, что стало толчком к появлению не только рынка товаров, но и к появлению рынка труда. Возникли возможности формирования пролетариата или рабочего класса как ведущего в буржуазном обществе по классовой схеме К. Маркса [11]. Для России этого времени периода наступило время формирования буржуазных общественных отношений. Это стало началом русского варианта индустриальной модернизации. А в отношении культуры – это время появления такого отечественного феномена как культура русского Серебряного века.

В качестве вывода отметим, что, во-первых, планы общественного переустройства, модернизации различных сторон жизни социума должны учитывать исторический опыт предшествующих поколений. Модернизация как процесс строится на постижении закономерностей развития общества и в этом состоит её философское осмысление. Проекты модернизации обязаны учитывать

социальные запросы времени, соответствовать системе сложившихся и устоявшихся социальных и культурных ценностей. Именно поэтому оказались столь несостоятельны реформы 90-х годов в России.

Во-вторых, во второй половине XIX столетия отечественной истории значимым феноменом исторического опыта стало осознания роли и значения элементов русской общественной самоорганизации. Сельская (крестьянская) община, посадническое самоуправление, артельная производящая организация, кооперативное движение – все эти формы отечественной самоорганизации стали востребованы именно вследствие александровских реформ. Сегодня исторический опыт российской общественной самоорганизации методологически осмысливается на базе синергетического знания. Зародившись в недрах естествознания синергетика к началу XXI века стала парадигмой современного анализа исторических и текущих социокультурных трансформаций.

Литература

1. Арефьев, М.А. Русская культурология: политико-правовые и социально-экономические аспекты / М.А. Арефьев, А.Г. Давыденкова, Т.И. Козлова. Монография. – Санкт-Петербург-Пушкин, 2016. – 216 с.
2. Ахиезер, А.С. Социально-культурные проблемы развития России / А.С. Ахиезер. – Москва, 1992. – 82 с.
3. Барков, Б.М. Российские реформаторы XIX-начала XX века / Б.М. Барков. – Москва: Юрид. ин-т МВД РФ, 2001. – 29 с.
4. Беспятова, Е.Б. Специфика Российского реформаторского процесса (методологические проблемы исследования) / Е.Б. Беспятова / Гуманитарные науки и гуманитарное образование. вып.2. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 104–109.
5. Борисова, А.В. Александровская эпоха и русское крестьянство / А.В. Борисова // Материалы научно-практической конференции. Наука: прошлое, настоящее, будущее. Уфа. 15 августа 2015 года. С. 34–35.
6. Горявин, А.Н., Емельянова, Т.В., Клешнева, Л.И. Города-государства Древней Руси как основные управленческие структуры / А.Н. Горявин, Т.В. Емельянова, Л.И. Клешнева / Актуальные вопросы гуманитарных и социально-экономических процессов. Выпуск 1. – Санкт-Петербург, Пушкин, 2011. – С. 76–88.
7. Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне: Кн. 1–2. Кн. 1: С прил. портрета Павла I, опублик. в Лондоне в 1799 г / [Предисл. А.И. Герцена]. – 1859. – XVI, 165 с.
8. Казеннов, А.С. Самоорганизация рода как антропологическая основа разрешения социальных противоречий: автореф... докт. филос. наук (спец. 09.00.13) / А.С. Казеннов. – Санкт-Петербург, 2004. – 34 с.
9. Камнев, В.М., Осипов, И.Д. Политическая философия русского консерватизма: Учеб. пособие / В.М. Камнев, И.Д. Осипов. – Санкт-Петербург, 2017. – 250 с.
10. Колганов, А.И. Исторический опыт модернизации в России и наше время. / А.И. Колганов. Электронный ресурс: sabirov.ucoz.ru. дата обращения: 25.10.2022.
11. Маркс, К. Капитал / К. Маркс Том первый. – Москва, 2001. – 564 с.

12. Можейко, М.А. Модернизации концепция / М.А. Можейко / Новейший философский словарь. – Минск, 2003. – С. 639–640.
13. Никитенко, А.В., Записки и дневник (1826–1877) / А.В. Никитенко. Т. 1. – Санкт-Петербург, 1893. – С. 513.
14. Побережников, И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И.В. Побережников. – Москва, 2006. – 240 с.
15. Пригожин, И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. 1991. – № 6. – С. 45–51.
16. Разманова, Н.А. Институциональные преобразования системы управления финансами в пореформенной России / Н.А. Разманова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. – № 3. – С. 65–73.
17. Смирнов, П.И. Слово о России: Беседы о российской цивилизации / П.И. Смирнов. – Санкт-Петербург: Химиздат, 2004. – 321 с.
18. Хакен, Г. Информация и самоорганизация / Г. Хакен. – Москва: Мир, 1991. – 240 с.
19. Хорос, В.Г. О причинах российской революции / В.Г. Хорос // Полис. Политические исследования. 2010. – № 5. – С. 161–175.
20. Цамутали, А.Н., Белоусов, М.С. 190-летие восстания декабристов / А.Н. Цамутали, М.С. Белоусов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2015. – № 4. – С. 5–16.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PLACE OF MODERNIZATION PROJECTS IN RUSSIA OF THE XIX CENTURY IN THE PHENOMENON OF SELF-GOVERNMENT

Arefiev M.A., Kleshneva L.I.

St. Petersburg State Agrarian University

In this paper, the question of the place of modernization projects of Russia of the XIX century in the phenomenon of self-government is considered. Modernization processes began after the abolition of serfdom, but their prehistory began earlier. The interaction of the society contributed to the change of the system of self-government. Modernization projects have touched upon various spheres of life – social, educational, cultural, economic and others. Self-government is an important aspect of the process of self-organization and covers the life of public structures. The historical experience of our country is important in determining the forms of political self-government in Russian society. It is the reforms of that time in their unity that determine the formation of an industrial society in our country.

Keywords: modernization projects, Alexander reforms, Russian self-organization, peasant and village self-government.

References

1. Arefyev, M.A. Russian cultural studies: political, legal and socio-economic aspects / M.A. Arefyev, A.G. Davydenkova, T.I. Kozlova. Monograph. – St. Petersburg-Pushkin, 2016. – 216 p.
2. Akhiezer, A.S. Socio-cultural problems of the development of Russia / A.S. Akhiezer. – Moscow, 1992. – 82 p.
3. Barkov, B.M. Russian reformers of the XIX-early XX century / B.M. Barkov. – Moscow: Yurid. in-t of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2001. – 29 p.
4. Bespyatova, E.B. Specifics of the Russian reform process (methodological problems of research) / E.B. Bespyatova / Humanities and humanities education. Issue 2. – St. Petersburg, 2005. – pp.104–109.
5. Borisova, A.V. The Alexandrov Epoch and the Russian peasantry / A.V. Borisova // Materials of the scientific and practical conference. Science: past, present, future. Ufa. August 15, 2015. pp.34–35.

6. Garyavin, A.N., Emelyanova, T.V., Kleshneva, L.I. City-states of Ancient Russia as the main administrative structures / A.N. Garyavin, T.V. Emelyanova, L.I. Kleshneva / Topical issues of humanitarian and socio-economic processes. Issue 1. – St. Petersburg, Pushkin, 2011. – pp.76–88.
7. Historical collection of the Free Russian Printing House in London: Books 1–2. Book 1: With adj. portraits of Paul I, published. in London in 1799 / [Preface by A.I. Herzen]. – 1859. – XVI, 165 p.
8. Kazennov, A.S. Self-organization of the genus as an anthropological basis for resolving social contradictions: abstract... doct. philos.Sciences (spec. 09.00.13) / A.S. Kazennov. – St. Petersburg, 2004. – 34 p.
9. Kamnev, V.M., Osipov, I.D. Political philosophy of Russian conservatism: Textbook / V.M. Kamnev, I.D. Osipov. – St. Petersburg, 2017. – 250 p.
10. Kolganov, A.I. Historical experience of modernization in Russia and our time. / A.I. Kolganov. Electronic resource: sabirov.ucoz.ru. date of application: 10/25/2022.
11. Marx, K. Kapital / K. Marx Volume One. – Moscow, 2001. – 564 p.
12. Mozheyko, M.A. Modernization concept / M.A. Mozheyko / The newest philosophical dictionary. – Minsk, 2003. – p.639–640.
13. Nikitenko, A.V., Notes and diary (1826–1877) / A.V. Nikitenko. Vol.1. – St. Petersburg, 1893. – p.513.
14. Berezhnikov, I.V. Transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems modernization / I.V. Berezhnikov. – Moscow, 2006. – 240 p.
15. Prigozhin, I. Philosophy of instability / I. Prigozhin // Questions of philosophy. 1991. – No. 6. – pp.45–51.
16. Razmanova, N.A. Institutional transformations of the financial management system in post-reform Russia / N.A. Razmanova // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2011. – No.3. – pp.65–73.
17. Smirnov, P.I. The Word about Russia: Conversations about Russian civilization / P.I. Smirnov. – St. Petersburg: Himizdat, 2004. – 321 p.
18. Haken, G. Information and self-organization / G. Haken. – Moscow: Mir, 1991. – 240 p.
19. Khoros, V.G. On the causes of the Russian Revolution / V.G. Khoros // Polis. Political studies. 2010. – No. 5. – pp. 161–175.
20. Tsamutali, A.N., Belousov, M.S. 190th anniversary of the Decembrist uprising / A.N. Tsamutali, M.S. Belousov // Bulletin of St. Petersburg University. – 2015. – No. 4. – p.5–16.

Обоснование связи теоретической и практической составляющих принципа патриотизма: экзистенциальный подход

Чашина Жанна Вячеславовна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО НИ «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
E-mail: chashina.j@yandex.ru

Мочалов Евгений Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО НИ «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
E-mail: mochalov_ev@mail.ru

Кевбрин Борис Федорович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-экономических дисциплин Саранского кооперативного института Российского университета кооперации
E-mail: bkevbrim@rucoop.ru

Основная цель исследуемой в статье проблемы – обоснование в рамках экзистенциального подхода связи теоретической и практической составляющих принципа патриотизма. Рассмотренные в статье вопросы, безусловно, являются чрезвычайно важными для понимания нравственной сущности патриотизма. Авторы рассматривают идею патриотизма как основополагающую в системе традиционных общественных ценностей России. Наиболее значимым в анализе данных вопросов является духовно-нравственный потенциал, накопленный за всю историю существования нашего государства. Именно общероссийский патриотизм позволяет обеспечить единство ценностных ориентаций государства на основе интеграции существующих социальных групп. Особое внимание в работе уделяется социально-философским и нравственным императивам патриотизма, анализу нравственных принципов данного явления. Выдвигается версия рассмотрения патриотизма как безусловное исполнение долга. В связи с высказанным положением долг рассматривается как нравственная категория. Утверждая, что принцип патриотизма является одним из основных в историко-культурном коде России, авторы акцентируют внимание на проявлениях и видах патриотизма.

Ключевые слова: Россия, цивилизация, патриотизм, нравственные ценности, долг, исторически-культурный код.

Современная международная обстановка, да и напряжённость внутри самой России требуют определить идеологические ориентиры, способные объединить народ, гармонизировать и стабилизировать государство. Пришло время после тридцатилетних реформ понять историческую драму и найти путь будущего соответствующего интересам российского народа. Чтобы встать на рельсы цивилизации, необходимо сформировать гражданскую политическую нацию, которая будет отражать не только самоопределение русского народа, но и гражданина любой национальности, общим для которых будет защита Отчизны и ее благоустройство. Сегодня, когда западная цивилизация в силу научно-технической деятельности, претендует на господство, Россия может и должна противостоять ей.

Источником исторического развития является культурно-исторический код. И этот код формируется на основе мировоззренческих принципов. Все сферы социума должны находиться в гармонии с нравственными требованиями, отказ от которых приводит к потере. Искусственная идеология как показывает история всегда терпит крах.

Ориентиром поведения человека служат нравственные ценности. Они не являются прагматическими, эти нормативы функционируют, воздействуя именно на волю субъекта, воплощая их необходимость в практической деятельности человека. Следовательно, нравственные ценности воспринимаются как выполнение человеком долга.

Экзистенциальная функция моральных норм связана с их императивной функцией, а императив есть закон, требование.

В истории человечества на разных её этапах выдвигались различные ценности в основании нравственного закона: правило талиона утверждало справедливость, золотое правило нравственности – равенство, заповедь любви-милосердие, утилитаризм-пользу, категорический императив – исполнение моральных обязанностей. Ценность становится нравственной только в том случае, если она для человека становится императивом, иными словами, обязательства исходящие из той или иной ценности являются и ее достижением, и средствами ее достижения.

Моральные ценности безусловны, т.е. выполнять их следует всегда, они универсальные и безличны.

В философии существует два решения вопроса о соотношении сущего и должного (блага и долга). Первое решение исходит из эвдемонистической теории. Второе, из деонтологической, так как человек от природы не совершенен, то он не может самостоятельно избежать зла и для обуздания его страстей необходим нравственный закон. Задачей последнего является преодоление человеком обстоятельств посредством внешнего принуждения. Противоречие обязанностей и желаний и есть экзистенциальный модус морали.

Универсальность и всеобщность являются существенными чертами моральных обязательств. Универсальность или всеобщность ценностей отражают не только факт общераспространенности человеческих форм поведения, но и их беспристрастности, надситуативности.

Таким образом, все эти характеристики морально-долго, определяют как форму, так и его содержание.

В истории следование чувству долга нередко воспринималось как итог воспитательной и идеологической работы. Так, по мнению А.И. Герцена, моралисты требуют не только покорности и вещественного выполнения того, что называют долгом, но и того чтобы внутри себя человек внешний долг осознал, даже и против своих желаний, как безусловную истину [2].

Мнение, что долг может осознаваться человеком как принуждение неверно. Так, внешняя принудительность законодательства осуществляется органами правопорядка, судебной и исполняющей системами наказания. Напротив, императивность нравственных норм не влечёт под собой каких-либо организационных или физических ограничений. Но недопустимо формализовать сущность долга и сводить его только к рекомендациям. В отличие от законодательства, которое основано на внешнем принуждении, санкции в сфере морали несут идеальный характер, по причине осознанного, свободного и автономного выбора человека моральных норм. Право есть моральный минимум. Следовательно, императив долга самоценен.

В исполнении долга бескорыстность выражает независимость от внешних норм и правил. Автономность проявляется в отсутствии принуждения. Но отсутствие внешнего принуждения вовсе не означает что принуждение отсутствует вообще – это утверждение себя-нравственного вопреки себе-эгоистичному.

В морали как и в праве взаимодействуют личные и общественные интересы, их цель гармонизировать эти интересы. Но предназначение морали в разрешении того, что утверждается идеалом, и тем, что этот идеал отвергает.

Одним из мировоззренческих принципов является патриотизм. Личность, обладающая этим мировоззрением, осознает важность культурных традиций и ощущения принадлежности и единения со своим народом.

Выделяют различные виды патриотизма. Государственный ассоциирует патриотизм с благополучием своей Родины. Важнейшими ценностями для него являются субъектность и территориальная целостность страны. Национально-этнический патриотизм направлен на национальную культуру и традиции. Региональная форма олицетворяет привязанность к месту рождения человека. Гражданский вид патриотизма проявляется в желании гражданина в благополучии собственной страны. Выделяют и мнимую или ложную форму патриотизма. Этот вид патриотизма свойствен членам общества склонных к нетерпимости и ненависти к другим нациям.

Наряду с различными видами патриотизма существуют и множество подходов в исследовании этого принципа.

Первый, определяет патриотизм как систему взаимоотношений государства и социальных субъектов. Объектом выступает Отечество. Субъект-социальные образования. Связующим звеном является программа действий субъекта ориентированная на условия, обеспечивающие выживание.

Второй, представляет патриотизм как феномен общественного сознания, сформировавшийся в процессе истории и культуры нации как идея единства народа и его гордости за свое Отечество.

Третий, исследует патриотизм с исторической точки зрения, характеризуя прошлый, настоящий, будущий патриотизм.

Четвертый-социокультурный, считается наиболее применяемый. Данный подход патриотизм рассматривает как духовную ценность, выступающей ориентиром социальных общностей. Компонентами патриотизма

в этом подходе выступают: эмоциональный (чувства), интеллектуальный (знания, убеждения), интенциональный (идеалы, принципы), конативный (деятельный).

Русский философ Н.А. Бердяев рассматривает патриотизм в рамках аксиологического подхода. Первичность любви к отечеству несомненна для Бердяева, т.к. не требует обоснований, а сама представляет собой великую ценность. Любовь к отчизне у философа проявляется в бескорыстном служении России, а критерием народного духа выступает долг служения[1].

Другой русский философ И.А. Ильин патриотизм трактует как духовно-творческий акт самоопределения личности и нации [3]. Его концепция показывает многомерность патриотизма. Выделяя основные признаки патриотизма: долг, честь, философ утверждает их биологическую природу. Специфика патриотизма, по И.А. Ильину, есть проявление творчества и свободного осознания, как духовной функции самоопределения человека.

На наш взгляд, патриотизм как мировоззренческий принцип необходимо рассмотреть в рамках экзистенциального подхода. По сути, патриотизм есть универсалия, т.е. общее понятие. В отношении универсалий существует два подхода, сложившихся ещё в Средневековье: номинализм и реализм. С точки зрения реализма, патриотизм существует как сущность. Согласно концепции номинализма, патриотизм некое общее понятие вторичное по отношению к единичным вещам. Попытаемся примирить обе позиции. Что есть принцип? Кратко, принцип – совокупность норм регулирующих определенную сферу. Так как нормы выступают единичными, конкретными эталонами действия, то и их совокупность есть проявление конкретного существующего в действительности. Следовательно, принцип патриотизма есть экзистенция, реализующаяся в бытии.

В словарях содержание принципа патриотизма трактуется как любовь, привязанность к Отчизне. Но любовь заповедовать нельзя. Патриотизм есть нравственная обязанность гражданина, а следовательно принцип патриотизма должен осознаваться гражданами как безусловное должествование.

Долг не существует как нечто само по себе. Долг есть необходимость выполнению эмпирических требований. Такие понятия как долг и обязанность воспринимаются как синонимы. А мораль есть система обязанностей, которые выражаются в форме должествования выполняемые индивидом, который вступает в отношения с другими субъектами.

Вопрос национальной идеологии стоит сегодня как никогда остро. Современное поколение лишено сегодня системы координат. Невозможно дать ответы на геополитические вызовы, если не определиться с культурно-историческим кодом. Таким ориентиром должен стать нравственный мировоззренческий принцип патриотизма, понимаемый как долг перед Родиной, необходимость исполнения которого является обязанностью гражданина.

Само по себе проявление патриотизма в социуме не произойдёт, для его формирования нужна целенаправленная деятельность на всех уровнях: государственном, общественном, нормативно-правовом, духовно-нравственном, воспитательном, образовательном, чтобы обеспечить осознание личностью патриотизма как принципа должествования, как части культуры гражданина, побуждающего его к поступкам на пользу своей Родине и сплочение общества в единое целое.

Литература

1. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. – СПб.: РХГИ, 1998. – 432 с.

2. Герцен А.И. Капризы и раздумья. III. Новые вариации на старые темы. Статья первая / Сочинения: В двух томах. – М.: Мысль, 1985. Т. 1. – 592 с.
3. Ильин И.А. Путь к очевидности. – Мюнхен, 1957. – 165 с.

SUBSTANTIATION OF THE CONNECTION BETWEEN THE THEORETICAL AND PRACTICAL COMPONENTS OF THE PRINCIPLE OF PATRIOTISM: AN EXISTENTIAL APPROACH

Chashina Zh.V., Mochalov E.V., Kevbrin B.F.

National Research Ogarev Mordovia State University; Saransk Cooperative Institute of the Russian University of Cooperation

The main purpose of the problem investigated in the article is to substantiate the connection between the theoretical and practical components of the principle of patriotism within the existential approach. The issues discussed in the article are, of course, extremely important for understanding of the moral essence of patriotism. The authors consider the idea of patriotism as fundamental in the system of traditional social values of Russia. The most significant in the analysis of these issues is the spiritual and moral potential accumulated

over the entire history of our state. It is all-Russian patriotism that makes it possible to ensure the unity of the value orientations of the state on the basis of the integration of existing social groups. Special attention is paid to the socio-philosophical and moral imperatives of patriotism, the analysis of the moral principles of this phenomenon. A version of the consideration of patriotism as an unconditional fulfillment of duty is put forward. In connection with the stated position, duty is considered as a moral category. Arguing that the principle of patriotism is one of the main ones in the historical and cultural code of Russia, the authors focus their attention on the manifestations and types of patriotism.

Keywords: Russia, civilization, patriotism, moral values, duty, historical and cultural code.

References

1. Berdyaev N.A. Spiritual foundations of the Russian Revolution. – St. Petersburg: RCHI, 1998. – 432 p.
2. Herzen A.I. Whims and reflections. III. New variations on old themes. The first article / Essays: In two volumes. – M.: Thought, 1985. Vol. 1. – 592 p.
3. Ilyin I.A. The path to evidence. – Munich, 1957. – 165 p.

Генезис и эволюция категории «фейковые новости»

Соколов Алексей Вячеславович,

аспирант, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: Sokol096@mail.ru

В статье рассматривается значение и этимология термин «fake news» его история и применение в современном мире. Современная реальность непосредственно связана с фейковыми новостями, как с инструментами информационной войны. Многочисленные исследования проведенные за последние годы указывают на то, что аудитория каналов массовой коммуникации Телевидения, Интернета не защищена от воздействия «fake news». Издательства специально создающие фейки в развлекательных целях в огромном потоке информации не всегда идентифицируемы для журналистов. Ретрансляция фейковой информации происходит для повышения охвата аудитории и создание «сенсационности» материала. Все источники поступающей информации необходимо перепроверять, в связи с тем, что «fake news» присутствует во все средствах массовой информации. Развитие медиаграмотности необходимо для снижения воздействия «фейковых новостей».

Ключевые слова: «fake news», «фейковые новости», медиаграмотность, Средства массовой информации, инструменты информационной войны, маркировка «fake news», технология определения «фейковых новостей», источники «фейков», поиск первоисточника в мессенджерах.

Fake от английского слово подделка, стало часто употребляться в повседневном лексиконе людей. Ситуацию, сложившуюся в современной реальности, можно охарактеризовать, мягко говоря, как напряженную, если говорить как есть, то в мире ведется информационная война, где с одной стороны представлена Российская Федерация и ее немногочисленные союзники, с другой стороны мировые державы в лице США, Великобритании, Германии, и другие страны, входящие в НАТО. Военные действия на Украине, начавшиеся в 2014 году послужили тому, что сейчас в 2022 году мы видим, как информационная война и ее один главных инструментов fake news влияет на массовое сознание. Для чего нужна медиаграмотность и как отличить фейковую новость, чтобы не быть дезинформированным?

Цифровизация общества достигла глобальных масштабов, в связи с этим средства массовой информации стали играть одну из решающих ролей во влиянии на массовое сознание. Этимология слова «фейк» от английского слова подделка, обозначает поддельное, сфабрикованное, специально созданное, чтобы выдать это за настоящее, достоверное, реальное с целью ввести в заблуждение [1]. Обсуждение термина «fake news» состоялось в 2018 году в Комиссии Общественной палаты РФ, при обсуждении выработалась данная версия определения «fake news»: «под жаргонным термином «фейк-ньюз» понимать общепринятое определение – это информационная мистификация или намеренное распространение дезинформации в социальных медиа и традиционных СМИ с целью введения в заблуждение, для того чтобы получить финансовую или политическую выгоду» [2]. В 2017 году составители «Collins English Dictionary» объявили фразой года словосочетание «fake news», частота употребления фразы выросла на 365%. [3]

В августе 2022 года Левада-Центр опубликовал результаты исследования, как россияне относятся к принятому закону о фейках в Средствах массовой информации, доверяют ли они полученной информации в контексте проводимой Специальной военной операции в Украине. Формулировки исследования были составлены совместно с интернет-изданием «Спектр». [4] 79% россиян, которые можно охарактеризовать как большинство поддерживают принятие закона об уголовной ответственности за распространение «фейков», а государственные СМИ остаются источником информации с наибольшим кредитом доверия. Одновременно, полностью доверяет государственным источникам информации около 31% опрошенных. Уровень доверия дифференцируется в зависимости от возраста и политических взглядов.

Новостная интернет медиа-компания BuzzFeed провела исследование в 2016 году и согласно опросу международной исследовательской компании «Ipsos» для BuzzFeed и сделала выводы, что фейковые заголовки новостей обманывали американских взрослых в 75% случаев. [5] После президентских выборов США в 2016 году исследование в журнале «Экономические перспективы» было опубликовано исследование, показавшее, что 62% процента людей старше 18 лет мониторят новости в социальных сетях. Наиболее популярные «фейковые новости» были распространены в социальной сети Facebook, в данный момент запрещенной на территории РФ, мно-

гие пользователи, даже предполагая, что новость является фейковой, все равно верят в нее.[6]

«Fake news»/«фейковые новости» как явление существуют с давних времен, считается, что самый первый фейк датирован 1776 годом, в статье во французской «Земледельческой газете» рассказывалось об способе ловли диких уток при помощи, отмоченных в специальном отваре желудей. Это была одна из многочисленных версий, после которого «фейки» в СМИ называют «газетными утками».

Источники информации могут быть различными это могут быть государственные СМИ, частные СМИ, социальные сети, мессенджеры – ни один из них нельзя считать достоверным источником информации, необходимо подвергать полученные новости тщательной проверке. Сообщения в прессе печатной и электронной, также должны подвергаться проверке, из-за того, что сами журналисты в силу человеческого фактора/намеренно публикуют «фейковые новости». Пример данной ситуации: исходный материал взят с сайта ИА «Панорама»: «Чубайс предложил ограничить бесплатное школьное образование тремя классами».[7] Данный фейк был опубликован интернет-ресурсами, в том числе «Московским комсомольцем».[8] Заголовок в МК: «Чубайс предложил ввести бесплатное образование только до третьего класса». «Московский комсомолец» в своей публикации использовал материалы ИА «Ореанда-новости», а данный портал, в свою очередь, заимствовал этот материал с сайта ИА «Панорама». Если читатель достаточно грамотен, что перепроверить данную новость, он мог обратить внимание на трансформацию текста, «Московский комсомолец» лексика стало «сниженной» Артем Кожедуб автор статьи написал короткий и осуждающий материал, где акцент с того что сейчас в стране молодежь имеет слишком много «развращающих» возможностей учиться бесплатно», написано в официально-деловом стиле вперемешку с публицистической лексикой (за исключением «цитаты» Чубайса, имеющей яркую разговорную окраску). Смещается акцент со «слишком много возможностей учиться бесплатно» на «нынешняя молодежь слишком развращена». Сама публикация в источнике ИА Панорама (источник специально выпускает «фейковые новости») написана в нейтральном стиле, в материале «Московского комсомольца» наоборот используются наиболее резкие высказывания Чубайса для того, чтобы в отрыве от контекста они выглядели более достоверно. Фактическая основа: конференция с подобным названием никогда не проводилась ни в Екатеринбурге, ни вообще в России. Цели создания: если целью оригинального материала ИА Панорама стала пародия на Чубайса, его мнения и высказывания, то главные цели «новости» «Московского Комсомольца» – стимулирование интереса к автору или платформе и увеличение охвата аудитории, создание сенсационности материала. [9]

Государственные СМИ имеют различные каналы коммуникации это может быть и телевидение, и официальные аккаунты в социальных сетях. В представлении среднестатистического пользователя сети государственные СМИ освещают деятельность госорганов, но государственные органы власти могут использовать свои каналы коммуникации, как инструмент пропаганды для достижения политических целей. Ложью средств массовой информации можно считать не только «фейковые новости», но и замалчивание и не упоминания событий негативных для имиджа государства.

Частные СМИ могут противопоставлять себя государственным СМИ, но из-за наличия инвестора/владельца также не претендуют на объективность, отражая выгодную для спонсора, данного СМИ точку зрения.

Информация всегда нуждается в перепроверке и подтверждении. Понятие медиаграмотности развернуто указывает Википедия: Медиаграмотность– совокупность навыков и умений, которые позволяют людям анализировать, оценивать и создавать сообщения в разных видах медиа, жанрах и формах.[10] Медиаграмотность нужна для того, чтобы понимать цепочку: «кто, как и для чего?» создает, размещает и рассылает новость, установить первоисточник, определить владельца/инвестора СМИ, в чем его выгода от публикаций в СМИ. Медиаграмотного потребителя информации тяжелее всего ввести в заблуждение и манипулировать его сознанием.

Социальные сети и мессенджеры являются одним из основных источников «fake news», поскольку тяжело установить первоисточник. Влияние источника сообщения является важным, поскольку сообщения в мессенджерах могут отправлять близкие родственники, не имея умысла ввести в заблуждение, но чаще всего такие новостные сообщения не проверяются самим источником.

Использование фейковых аккаунтов и ботов в социальных сетях, актуально для современной ситуации в условиях информационной войны, происходящей на волнах в Интернет-пространстве. Различие между ботом и фейковым аккаунтом, бот является автоматически сгенерированным пользователем, фейковые аккаунты управляются реальными людьми. Использование фейковых аккаунтов реальными людьми, в связи с «работой» реального человека имеет больше шансов ввести аудиторию в заблуждение. В цепочке, где человек получает и распространяет информацию, владелец фейкового аккаунта специально ее искажает, тем самым продолжая движение «fake news» по новостной артерии. Создание постов политической направленности, в поддержку или наоборот против действий власти, направленные на убеждение аудитории социальной сети, являются красным флагом для пользователей, особенно, когда у нескольких блогеров или аккаунтов в социальных сетях схожие речевые обороты и схожая риторика. Примером может являться, когда Стронники мобилизации, поддерживающие СВО в Украине запустили флешмоб #Безпаники. Блогеры в социальной сети «ВКонтакте» публиковали однотипные посты, якобы объясняющие, что 300 тысяч резервистов – это всего лишь 1% от мобилизационного ресурса. И сравнивают людей с мармеладками и картошкой фри. Последующее высмеивание в интернет-пространстве посты блогеров не только высмеяли в сети, но и превратили в мем. Люди обыгрывают моменты с 1%, мармеладками и картошкой фри. А оригинальный текст про мармеладки уже стал копипастой (текстом-шаблоном, на основе которого создается новый текст, пересылаемый дальше) и, которую пародируют. В связи с этим не все флешмобы в Интернет-пространстве можно назвать удачными. Блогеры, могут оказаться не только фейком, но за деньги давать заведомо ложную информацию.

Использование троллинговых ферм, в современной реальности является инструментом ведения информационной войны. Ботофермы программируются на определенное задание, чаще всего связанное с формированием определенных мнений, дискредитаций оппонентов и трансляцию дезинформации различной формы. Ботоферма представляет из себя компьютер с установленным специализированным программным обеспечением. Данный софт позволяет в режиме онлайн принимать и переадресовывать все смс в автоматическом режиме в социальную сеть и т.д.

Вырабатывание навыка анализа информации и не сразу верить всем, новостям является одним из важнейшим для противодействия фейкам. Сообщения, по-

лучаемые адресантом в течение дня могут быть из различных источников: Телевидение, мессенджеры, социальные сети. Сообщения из социальных сетей и мессенджеров, необходимо несколько раз перепроверять из-за сложности установки первоисточника сообщения, подозрительные аккаунты в социальных сетях с малым количеством «друзей», личной информации и личных фотографий также должны настораживать пользователя, читающего сообщения/комментарии от данного пользователя. В мессенджерах особенно в Whatsapp, скрыт пользователь, создавший сообщение, соответственно, когда его пересылают, другие пользователи не видят, кто автор первого сообщения. Первоначального автора сообщения не видно, в связи с этим авторство могут приписать кому угодно. При пожаре в торговом центре «Зимняя вишня» в Кемерово погибло 60 человек, но из-за двух аудиосообщений и одной фотографии, пересылаемой в мессенджерах количество погибших, исчислялось от 350 до 600. «По мобильным приложениям разошлись два звуковых файла, на одном из которых мужчина, а на другом – женщина рассказывают своим друзьям историю про горы сгоревших трупов. Никаких имен и должностей не звучит, все анонимно. Ссылались на то, что сообщения от знакомых своих знакомых, которые, работают в секретных службах и под страхом увольнения не могут говорить с прессой». Указание ложного источника информации является движущей силой «фейков», как уже было сказано в статье с невозможностью установить первоисточник.

Кажется, что «фейки»/«fake news» влияют на массовое сознание в негативном ключе: «информационный мусор», заполонивший информационное пространство может воздействовать на сознание пользователей сети Интернет, телевидения. Из-за количества контента/новостей/информации в эпоху диджитализации человеку сложно постоянно фильтровать поступающую информацию. Для этого необходимо уделять время для того, чтобы разобраться и распознать «fake news». Сфокусировать внимание необходимо на данных маркерах и определенных действиях для верификации/фактчекинга/проверки на истинность новости. Сформулировав следующие вопросы и проанализировав ответы на них, можно понять насколько новость правдива.

1. Проверить источник откуда новость?
2. Вызывает ли материал эмоции и кажется ли это подозрительным?
3. Прочитать новость дальше заголовка.
4. Проверить дату публикации материала.[11]

Проверка источника информации является основополагающим и главным действием для проверки новости. Откуда получена информация, на кого ссылается автор новости? В социальных сетях, мессенджерах в частности в Telegram нужно обращать внимание на источник сообщения. Название канала и количество его подписчиков не всегда дают точную оценку для читателя, поскольку ведение каналов в большинстве случаев является анонимным, понять кто стоит за авторством канала доверять такому типу источников на 100% не стоит. На просторах мессенджера Telegram встречаются информационные каналы с внушительным объемом аудитории. Важно понимать, что СМИ представленные в различных социальных сетях, обычно имеют отличительный знак, проведенной верификации – чаще всего это «галочка в голубом обрамлении». В связи с этим миллионные аудитории каналов/аккаунтов имеют понимание что перед ними официальный источник СМИ в социальной сети/мессенджере. Присутствие иностранных агентов в Интернет-пространстве также помечается в связи с законодательством РФ [12]: «Иностранном агентом может

быть признано российское или иностранное юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, общественное объединение, действующее без образования юридического лица, иное объединение лиц, иностранная структура без образования юридического лица, а также физическое лицо независимо от его гражданства или при отсутствии такового (далее – лица)». [13] Данный факт, позволяет пользователю самому принимать решение об источнике информации, он может не доверять иностранным агентам, а может рассматривать как противоположную государственным СМИ точку зрения. Некачественные источники – это новостные каналы с малым числом подписчиков или специально созданные сатирические издания такие, как ИА Панорама в России, OnionNews в США, могут вводить в заблуждение пользователей социальных сетей и аудиторию СМИ, но выработанный опыт и дальнейшие действия по идентификации fake news помогут решить данную проблему.

Материал, вызывающий резкие эмоции, написанный в публицистическом стиле и подача материала эмоционально, также является маркером, что материал нацелен вывести аудиторию из равновесия, что уже является подозрительным.

После того как прочитан заголовок, необходимо прочитать всю новость полностью и проанализировать насколько заголовок соответствует содержанию статьи. Важно понять от кого ведется повествование в материале, поскольку формат, когда у эксперта в определенной области спрашивают прогноз о дальнейшей ситуации, можно перепутать прогноз с реальной ситуацией, неверно интерпретировав слова эксперта. После того, как материал отфильтрован по 3 параметрам: источник, эмоциональность и подача материала, полностью прочитан материал, необходимо обратить внимание на дату публикации материала, ситуации, когда прошлые интервью политиков и их заявления спустя годы приводили к неправильному восприятию новостей в реальности. Чтение различных источников информации позволяет с одной стороны установить мнение о проблеме, основываясь на нескольких, зачастую противоположных точках зрения, но также ведут к тому, что уровень доверия к источникам у ищущего информацию будет падать, если он примет одну из точек зрения, как единственно верную.

Подводя итоги статьи сформулировать выводы. Fake news встречаются повседневно и повсеместно, защититься от их воздействия возможно, но для этого необходимо проделать работу. Фальсификации, связанные с новостями, могут быть намеренными, чтобы воздействовать на аудиторию с определенной целью, издательства, занимающиеся намеренным производством фейков для развлечения, как отмечают И.Б. Архангельская и А.С. Архангельская, с одной стороны, следует отличать фейки, созданные именно для получения каких-либо выгод, от тех, которые имеют открыто сатирический или развлекательный характер. Но, с другой стороны, даже в последнем случае они могут нанести вред, искажая картину мира в сознании реципиентов, если их публикация не сопровождается прямым указанием на их недостоверность.[14] Не всегда по заголовку можно определить перед нами «fake news» или нет. Инструментами производства и доведения фейков до масс являются фейковые аккаунты/блоги в социальных сетях, ботофермы, использующие специальное программное обеспечение, блогеры, производящие оплаченный контент, каналы в социальных сетях также могут быть созданы для создания и трансляции fake news. Медиаграмотность – навык, вырабатываемый за счет усилий и опыта, может помочь отфильтровать новостной поток, но защи-

титель от «фейковых новостей». Определение источника, определение стиля повествования и эмоциональности сообщения, анализ всего материала, а не только заголовка, определение реальной даты публикации – данные действия в совокупности помогают определить настоящая или сфальсифицированная новость представлена перед потребителем контента. Невозможно полностью отгородить потребителя от новостей, но возможно сформировать осознанное потребление новостного контента для понимания, какой контент представлен перед потребителем.

Литература

1. Шагалова Е. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. – Litres, 2022.
2. В Общественной палате РФ обсудили распространение фейковой информации // РАЕК [эл. ресурс]: <https://raec.ru/live/branch/10393/> (дата обращения: 29.10.2022)
3. Прошина, М.В. Fake news как новый тренд в политических коммуникациях / М.В. Прошина. – Текст: непосредственный // Дискурс-Пи. – 2019. – № 3 (36). – С. 164–171. – DOI: 10.24411/1817–9568–2019–10311
4. Белоконев С. Ю., Левина Е.В. ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ К ВЛАСТИ //Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – № 1. – С. 93–103
5. Silverman C., Singer-Vine J. (2016). Most Americans who see fake news believe it, new survey says // BuzzFeed News
6. Allcott H., Gentzkow M. (2017). Social media and fake news in the 2016 election // Journal of Economic Perspectives. Vol. 31. № 2. P. 211–236
7. Гонтермахер Б. Чубайс предложил ограничить бесплатное школьное образование тремя классами. Панорама. 2019. URL: <https://panorama.pub/19561-chubajspredlozhil-ogranichit.html> (дата обращения 26.10.2022)
8. Кожедубов А. Чубайс предложил ввести бесплатное образование только до третьего класса. Московский комсомолец. 2019. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/08/13/chubays-predlozhil-vvesti-besplatnoe-obrazovanie-tolko-do-tretego-klassa.html> (дата обращения 26.10.2022)
9. Фотиева И.В. FAKE NEWS В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ, ФУНКЦИИ, МЕХАНИЗМЫ ТРАНСЛЯЦИИ // МНКО. 2022. № 2 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fake-news-v-sovremennom-rossijskom-mediaprostranstve-tseli-sozdaniya-funksii-mehanizmy-translyatsii> (дата обращения: 27.10.2022).
10. Khidirova M. WORLD EXPERIENCE IN IMPROVING THE LEVEL OF MEDIA LITERACY //Science and innovation. – 2022. – Т. 1. – № 6. – С. 404–408.
11. Fake news: как распознать и проверить?» Youtube-канал Высшей школы экономики. Дата публикации 20.12.2020 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Si5HZk3j79w> (дата обращения:25.10.2022)
12. Стручковская Ю. С. СМИ-ИНОАГЕНТ: ОТЛИЧИЯ ТРАКТОВКИ СТАТУСА В РОССИИ И США //Журналистика в глобальном мире. – 2022. – С. 407–410.
13. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием.
14. Архангельская И.Б., Архангельская А.С. Фейк-нюс в доцифровую и цифровую эпохи. Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020; № 3 (37): с. 95–104

GENESIS AND EVOLUTION OF THE «FAKE NEWS» CATEGORY

Sokolov A.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article uses the meaning of this term “fake news”, its history and application in the wider world. Modern reality is directly manifested by fake news, as with the tools of an open war. Numerous studies conducted in recent years indicate that the audience of security gateways Television, the Internet are not protected from the impact of “fake news”. Publishing houses that deliberately create fakes for entertainment purposes in a huge flow of information are not always identifiable to journalists. Retransmission of fake information occurs to visit the exhibition and create a “sensational” material. All sources of incoming information must be checked, due to the fact that “fake news” is found in all media. The development of media literacy is necessary for the appearance of “fake news”.

Keywords: “fake news”, “fake news”, media literacy, mass media, information warfare tools, labeling “fake news”, technology for identifying “fake news”, sources of “fake news”, search for the primary source in instant messengers.

References

1. Shagalova E. The latest explanatory dictionary of the Russian language of the XXI century. – Litres, 2022.
2. Dissemination of fake information was discussed in the Civic Chamber of the Russian Federation // RAEC [el. resource]: <https://raec.ru/live/branch/10393/> (date of access: 10/29/2022)
3. Proshina, M.V. Fake news as a new trend in political communications / M.V. Proshina. – Text: direct // Discourse-Pi. – 2019. – No. 3 (36). – S. 164–171. – DOI: 10.24411/1817–9568–2019–10311
4. Belokonev S. Yu., Levina E.V. INFORMATION-ANALYTICAL TECHNOLOGIES OF STUDYING THE LEVEL OF TRUST IN AUTHORITIES // Citizen. Elections. Power. – 2022. – no. 1. – S. 93–103
5. Silverman C., Singer-Vine J. (2016). Most Americans who see fake news believe it, new survey says // BuzzFeed News
6. Allcott H., Gentzkow M. (2017). Social media and fake news in the 2016 election // Journal of Economic Perspectives. Vol. 31. no. 2. P. 211–236
7. Gontermakher B. Chubais proposed to limit free school education to three classes. Panorama. 2019. URL: <https://panorama.pub/19561-chubajspredlozhil-ogranichit.html> (Accessed 10/26/2022)
8. Kozhedubov A. Chubais proposed to introduce free education only up to the third grade. Moscow’s comsomolets. 2019. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/08/13/chubays-predlozhil-vvesti-besplatnoe-obrazovanie-tolko-do-tretego-klassa.html> (accessed 26.10.2022)
9. Fotieva I.V. FAKE NEWS IN MODERN RUSSIAN MEDIA SPACE: OBJECTIVES OF CREATION, FUNCTIONS, MECHANISMS OF BROADCASTING // MNCO. 2022. No. 2 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fake-news-v-sovremennom-rossijskom-mediaprostranstve-tseli-sozdaniya-funksii-mehanizmy-translyatsii> (Date of access: 10/27/2022).
10. Khidirova M. WORLD EXPERIENCE IN IMPROVING THE LEVEL OF MEDIA LITERACY //Science and innovation. – 2022. – Vol. 1. – No. B6. – S. 404–408.
11. Fake news: how to recognize and verify? Youtube channel of the Higher School of Economics. Publication date 12/20/2020 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Si5HZk3j79w> (accessed 10/25/2022)
12. Struchkovskaya Yu.S. Media-Foreign Agent: DIFFERENCES IN THE INTERPRETATION OF STATUS IN RUSSIA AND THE USA //Journalism in the global world. – 2022. – S. 407–410.
13. Federal Law of July 14, 2022 N 255-FZ “On control over the activities of persons under foreign influence.
14. Arkhangel'skaya I.B., Arkhangel'skaya A.S. Fake news in the pre-digital and digital eras. Sign: problematic field of media education. 2020; No. 3 (37): с. 95–104

Идеалы служения Отечеству и культура потребления как альтернативные социокультурные установки

Тумин Александр Юрьевич,

к.ю.н., старший преподаватель кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: tumin-msk@mail.ru

В условиях интенсификации социальных рисков большое значение приобретает исследование социально-сберегающих факторов, способствующих стабилизации ситуации в обществе перед лицом внешних и внутренних угроз. В этом контексте большое значение приобретает патриотическое сознание, способствующее интеграции усилий членов общества и повышению их сплоченности. В статье рассматривается культурная обусловленность патриотизма и оценивается роль культуры потребления как парадигмы, препятствующей развитию патриотизма в гражданской среде. Анализируются различия между идеями служения Отечеству и потребления с точки зрения соотношения индивидуальных и общественных интересов и их ценностного восприятия субъектом. Рассматриваются основные формы патриотизма, выделяемые по критерию места интересов Отечества в системе приоритетов социального субъекта. Обосновывается, что культура потребления основывается на социальной установке, противоречащей подчинению личных ресурсов и возможностей субъекта общественным интересам.

Ключевые слова: культура, общество, патриотизм, служение Отечеству, культура потребления.

Введение

Современное российское общество пребывает на стадии активной трансформации, что связано как с необходимостью адекватного противодействия внешним деструктивным факторам, так и с потребностью в стабилизации социальной структуры в условиях наличия ряда рискогенных факторов, присутствующих внутри общества. Многие авторы обращают внимание на наличие кризисных тенденций в ряде важнейших сфер общественной жизни: образование [1], социальное воспроизводство [6], здравоохранение [5], социально-правовая сфера [3]. При этом само по себе возрастание социальной динамики, связанное с обширными общественными трансформациями, несет в себе риски, связанные с неготовностью общества к происходящим в нем изменениям. Данный принцип, рассмотренный еще Э. Дюркгеймом [2], сохраняет свою актуальность и по сей день, более того – именно сейчас его понимание особенно важно для своевременного выявления (в том числе, связанного с прогнозированием) возникающих социальных рисков.

Исходя из сказанного выше, общество нуждается для сохранения своей стабильности в значительном количестве ресурсов, направляемых на преодоление возникающих факторов риска, и одновременно с этим – в наличии уравнивающих деструктивные процессы социально-сберегающих факторов. При этом сказанное справедливо как для макроуровня общественных институтов, так и для микроуровня частных общественных отношений, в особенности если учесть то, что состояние основных институциональных сфер складывается из активностей отдельных людей. В этом контексте целесообразно обратить внимание на принцип, который в свое время выразил Р. Мертон: состояние основных общественных институтов обусловлено социальной активностью людей, включенных в них. В свою очередь, характеристики единичных социальных акторов обусловлены внешней обстановкой (которая во многом ситуативна) и культурными факторами (которые имеют общий для участников общественных отношений характер) [4]. Отсюда проистекает вывод о том, что одним из важнейших факторов преодоления существующих социальных рисков, или, напротив, их усугубления, является состояние культуры, определяющее ценностные ориентации членов общества, их социальные приоритеты и, рассматривая более широко – жизненные стратегии. Наконец, именно культурная определенность членов общества задает набор приемлемых для них моделей социальной активности. В этом контексте на уровне настоящей статьи мы ориентированы на подробное рассмотрение двух принципиально отличных друг от друга социокультурных установок, выраженных в ориентации на общественные интересы и в ориентации на максимальную реализацию личных потребностей и интересов: культуру, воспитывающую идеалы служения Отечеству, как высшую форму патриотизма, и культуру потребления.

На первый взгляд, рассмотрение принципов служения Отечеству как проявления определенной культурной традиции может быть воспринято как неправомерное в силу того, что патриотические установки могут

существовать в различных обществах, в которых имеет место различная культурная ситуация. Однако здесь следует обратить внимание на то, что развитое патриотическое сознание является результатом воздействия на мировоззрение субъекта культурных факторов, что связано с принятием в качестве приоритетных ценностных ориентаций интересов социальной системы, в которую включен человек. И в данном случае закономерным является вывод о том, что, в зависимости от характеристик культуры, могут иметь место предпосылки как к формированию развитого патриотического сознания, так и к формированию противопоставления интересов социального субъекта и общества в целом. При этом, одним из ключевых критериев оценки культурной ситуации на предмет оказываемого ею воздействия на мировоззрение субъекта является то, каким образом на уровне представленной в культуре социальной картины мира трактуется соотношение общественных и личных интересов.

Актуальность исследования связана с тем, что в настоящее время, с одной стороны, уже не вызывает сомнения значимость формирования патриотического сознания, с другой – данный вопрос рассматривается, преимущественно, с точки зрения анализа институциональных факторов развития патриотизма (состояние политической системы, влияние образовательных процессов на развитие патриотизма, воздействие средств массовой информации). В свою очередь, в рамках настоящей статьи предлагается теоретический подход, который не только позволяет рассмотреть в содержательном плане основные культурные предпосылки развития патриотического сознания, но и, в том числе, определить тенденции в культуре, которые мешают развитию патриотических установок в гражданской среде. Все это в совокупности позволяет более широко рассмотреть доступные возможности по повышению уровня патриотизма в обществе, вплоть до развития его высшей формы, проявляющейся в установке на служение Отечеству.

Методология исследования

В рамках работы активно применяются общенаучные методы анализа, сравнения, абстрагирования и дедукции, что связано с необходимостью определения ключевых аспектов культуры потребления и общественно-ориентированной культуры. Также на отдельных этапах исследования применяются элементы структурно-функционалистского подхода, способствующие осмыслению ключевых мировоззренческих установок, определяющих направленность социальной активности членов общества.

Результаты

Исходным пунктом в определении содержания культуры, стимулирующей развитие патриотизма и, напротив, культурной традиции, препятствующей развитию патриотического сознания является определение сущности патриотизма как социально-мировоззренческой установки. Патриотизм предполагает значимость для социального субъекта его Отечества как серьезного социально-ценностного ориентира. Это означает, с одной стороны, что социальный субъект воспринимает себя в качестве части народа своей страны, с другой – воспринимает значимость национальных интересов и необходимость их реализации. Одним из ключевых моментов в данном случае является момент социальной самоидентификации через гражданскую принадлежность. Как отмечает Р. Мертон, то, каким образом идентифицирует себя

социальный субъект, напрямую определяет то, каким социальным целям и интересам он готов содействовать в первую очередь. Самоидентификация через гражданскую принадлежность означает, в данном контексте то, что для социального субъекта интересы его страны приоритетны.

Особенность социальной самоидентификации состоит в том, что объект идентификационной деятельности характеризуется, преимущественно, положительно и имеет четко выраженную ценность для социального субъекта. Именно поэтому, когда мы говорим о патриотизме, мы рассматриваем не только момент деятельной установки на реализацию интересов Отечества, но и любовь к Родине, признание ее высокой значимости, национальную гордость и иные сходные установки. В частности, с этим связано то, что одним из элементов патриотического воспитания детей является демонстрация заслуг и достижений выдающихся соотечественников, что способствует формированию чувства национальной гордости.

Анализируя социокультурную обусловленность патриотизма, следует отметить, что одним из ключевых аспектов в данном случае является наличие коллективных ценностей и развитого осознания социальной включенности человека. Вместе с тем, одним из немаловажных моментов становится то, каким образом человек воспринимает свою роль в общественной жизни и каким способом он склонен осуществлять самореализацию в обществе. Именно момент места личных интересов в системе социальных приоритетов личности и является тем аспектом, который определяет выраженность патриотических установок. А это, в свою очередь, в значительной степени зависит от того, насколько отчетливо в сознании субъекта представлен образ Отечества и насколько близкими для социального субъекта являются национальные интересы. Последнее во многом восходит к уже рассмотренному нами выше принципу социальной самоидентификации, конкретно – к тому ее условию, которое связано с признанием значимости и ценности собственной страны как социально-культурной общности, в которую включен конкретный человек. Отсюда мы можем заключить о том, что знаковую роль в формировании патриотических установок играет уровень представленности национальной культуры в общей системе культуры, к которой приобщается субъект, причем ключевую роль здесь играет совокупность социальных ценностей и жизненных ориентиров, транслируемых на уровне культурной среды.

Рассматривая в данном контексте специфику российской культуры, следует отметить, что она на протяжении многих веков содержит в себе четко выраженную ориентацию на приоритет коллективных ценностей, которые имеют доминирующее значение по отношению к индивидуальным социальным интересам. Данная традиция сформировалась во многом под влиянием православной культуры, и, в дальнейшем, на этапе истории, связанном с возникновением и существованием советского общества, трансформировалась в содержательном плане, однако сохранила свою направленность на реализацию коллективных ценностей. Вместе с тем, следует отметить, что наличие коллективных ценностей и общесоциальных установок еще не гарантирует высоких проявлений патриотизма в силу того, что данные ценности могут присутствовать, однако не являться максимально приоритетными в общей системе ценностей субъекта. В силу этих причин можно выделить несколько различных форм патриотизма по критерию соотношения индивидуальных и общественных приоритетов в системе социального мировоззрения субъекта:

– пассивный патриотизм, связанный с заинтересованностью социального субъекта в том, чтобы его страна и народ жили благополучно, которая не имеет подкрепления на уровне его действий в силу того, что их детерминируют более значимые для него ценностные ориентации и приоритеты;

– умеренный патриотизм, в рамках которого социальный субъект проявляет готовность к содействию интересам своего государства до тех пор, пока это не противоречит его личным интересам или интересам приоритетной для него группы. В данном случае уже наличествуют деятельные установки, однако они реализуются в ограниченном наборе ситуаций;

– служение Отечеству, как высшая форма развития патриотического сознания, что предполагает наличие максимальной приоритетности реализации интересов Отечества, которому подчинена деятельная активность субъекта, доступные ему ресурсы и возможности.

Показательно то, что все три случая по ряду критериев могут оцениваться как проявления патриотизма, однако в случае пассивного патриотизма имеет место перенос ответственности за благополучие своей страны на других людей, что может проявляться, в том числе, в критическом отношении к реализуемой государственной политике, негативной оценке деятельности других людей и т.д.

Рассмотрим подробнее специфику культуры потребления и ее отношение к патриотическому сознанию. Сама по себе культура потребления изначально сформировалась как совокупность социально-экономических установок, детерминирующих покупательскую активность членов общества, однако, в дальнейшем она существенно трансформировалась, охватив существенную долю социальных установок и ориентиров членов общества. Ключевым моментом в данном случае является то, что культура потребления стала определять механизмы социальной самоидентификации через введение критериев социальной состоятельности (успешности) субъекта через то, насколько интенсивно он осуществляет потребление материальных ценностей. При этом сам по себе принцип потребления определил специфическое отношение к ряду институтов и сфер общественной жизни, как структур, предоставляющих товары и услуги определенного рода.

Ключевым моментом в культуре потребления является то, что она задает для социального субъекта ориентиры самореализации в обществе, связанные с акцентом на реализации его собственных потребностей. Успешность человека, степень его социальной состоятельности выражается в том, насколько много социальных ценностей он способен потреблять, и в данном случае имеет значение, прежде всего, не то, каким способом человек приобретает доступные ему ресурсы, а то, насколько много этих ресурсов он может извлекать из общества. Это определяет то, что ядром культуры потребления является стремление подчинения общественной системы собственным, личным интересам. Таким образом, мы наблюдаем принципиально отличный по отношению к патриотическому мировоззрению вариант формирования социальных установок и приоритетов, связанный с попыткой подчинения общественных ресурсов собственным нуждам, в то время как патриотизм (и, в особенности, такая его форма, как служение Отечеству) предполагает использование личных ресурсов во благо локального общества. При этом, если рассматривать такой аспект, как характер гражданского самосознания, следует отметить, что и здесь культура потребления во многом противоречит патриотизму, поскольку потребительское отношение к государству как «источнику

услуг» предполагает неравновесное отношение к нему, связанное со стремлением получить от государства как можно больше благ, с минимумом затрат (деятельных, материальных) со стороны субъекта.

Заключение

Культура потребления представляет собой социокультурную парадигму, определяющую разворот социальной активности субъекта в сторону интенсивной реализации его личных потребностей, а также использование общественных ресурсов в личных целях, для успешной реализации основной потребительской установки. В силу этих причин, культура потребления не способствует формированию у социального субъекта конструктивной ориентации на реализацию общественных интересов, напротив – зачастую стремление потреблять еще больше в условиях ограниченного количества доступных ресурсов толкает человека на преступную деятельность, примером чего может выступить коррупция или организованная преступная деятельность. Ключевым здесь моментом является то, что культура потребления предполагает акцентуацию внимания субъекта на личных интересах и определяет в качестве основных траекторий его социальной активности самореализацию через потребление благ, на что тратится львиная доля личных ресурсов и возможностей субъекта. Если рассматривать в данном контексте вопрос о возможности патриотических проявлений в среде носителей культуры потребления, наиболее вероятным вариантом является пассивное проявление патриотизма, в рамках которого социальный субъект перекладывает ответственность за благополучие своего государства на других людей. В свою очередь, идеалы служения Отечеству коренным образом противоречат ценностям потребления как в содержательном плане, так и в плане иницируемых векторов социальной активности субъекта, поскольку речь идет о подчинении личных ресурсов и возможности интересам локального общества, а не наоборот (как это имеет место на уровне потребительских установок).

Литература

1. Дудник С. И., Марков Б.В. Кризис образования в цифровую эпоху // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2020. – № 2. – С. 214–226.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. Текст. /Э. Дюркгейм. Пер. с фр. с сокр.: Под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
3. Купцов В.А. Характеристика основных причин и условий, способствующих росту преступности в обществе // Вестник РУК. – 2015. – № 3 (21). – С. 108–110.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
5. Улумбекова Г.Э. Программа неотложных мер в здравоохранении РФ для выхода из системного кризиса // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. – 2020. – № 1 (19). – С. 4–16.
6. Ячменева А.П., Лисицына Т.Б. Демографический кризис в России // Культура. Духовность. Общество. – 2014. – № 13. – С. 6–9.

IDEALS OF SERVICE TO THE FATHERLAND AND CONSUMER CULTURE AS ALTERNATIVE SOCIO-CULTURAL ATTITUDES

Tumin A.Y.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot

In the conditions of intensification of social risks, the study of social-saving factors contributing to the stabilization of the situation in society in the face of external and internal threats is of great importance. In this context, patriotic consciousness is of great importance, contributing to the integration of the efforts of members of society and increasing their cohesion. The article examines the cultural conditionality of patriotism and evaluates the role of consumer culture as a paradigm that hinders the development of patriotism in the civilian environment. The differences between the ideas of service to the Fatherland and consumption are analyzed from the point of view of the correlation of individual and public interests and their value perception by the subject. The main forms of patriotism are considered, distinguished by the criterion of the place of the interests of the Fatherland in the system of priorities of a social subject. It is proved that the culture of consumption is based on a social attitude that contradicts the subordination of personal resources and capabilities of the subject to public interests.

Keywords: culture, society, patriotism, service to the Fatherland, consumer culture.

References

1. Dudnik S. I., Markov B.V. The crisis of education in the digital age // Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and conflictology. – 2020. – No.2. – pp. 214–226.
2. Durkheim E. Suicide: A sociological etude. – M.: Mysl, 1994. – 399 p.
3. Kuptsov V.A. Characteristics of the main causes and conditions contributing to the growth of crime in society. Vestnik RUC. – 2015. – № 3 (21). – pp. 108–110.
4. Merton R. Social theory and social structure. – M.: ACT, 2006. – 873 p.
5. Ulumbekova G.E. Program of urgent measures in healthcare of the Russian Federation to overcome the systemic crisis // ORGZDRAV: News. Opinions. Training. Herald of the VOSE. – 2020. – No. 1 (19). – pp. 4–16.
6. Yachmeneva A.P., Lisitsyna T.B. Demographic crisis in Russia // Culture. Spirituality. Society. – 2014. – No. 13. – pp. 6–9.

Философия поступка М.М. Бахтина в контексте современности

Емелькина Ирина Владимировна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО НИ «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
E-mail: zagirina71@yandex.ru

Мочалов Евгений Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО НИ «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
E-mail: mochalov_ev@mail.ru

Грыжанкова Марина Юрьевна,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО НИ «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
E-mail: grymarina@rambler.ru

Статья посвящена анализу учения М.М. Бахтина о поступке, изложенного в его работе «К философии поступка». Особое внимание обращается на этические аспекты и на методологию исследования сложной, но остающейся актуальной проблемы индивидуального поступка. В статье отмечается, что М.М. Бахтин был не единственным российским философом, кто рассматривал данную проблему. Дополнительную актуальность статье придает тот факт, что «философия поступка» Бахтина разрабатывалась в ранний период его творчества. Его труд «К философии поступка» был подготовлен определенной социокультурной ситуацией. При анализе поступка Бахтин основывается на конкретном человеке, которого отличает прежде всего ответственность, а только затем рациональность. В нашем исследовании определяется значимость «философии поступка» М.М. Бахтина для современности, ценность которой не только в онтологичности бахтинской этики, но и в этизации категории «ответственного акта»; показана актуальность, незавершенность темы поступка для философии и этики; обоснована необходимость постоянного обращения к изучению «философии поступка» М.М. Бахтина.

Ключевые слова: онтологичность, поступок, ответственность, событие, бытие, содержание, долженствование.

Введение

Современный мир, в котором сосуществуют люди с различными ценностными и морально-психологическими установками нуждается в конструктивном диалоге. Особо остро встает проблема налаживания взаимопонимания в быстро меняющемся пространстве: мир сообщает новые импульсы развития социокультурной коммуникации.

В условиях кризиса личностной идентификации, кризиса человека и поступка напряженно встает вопрос создания новой парадигмы человеческого бытия. И концепция Бахтина в этом смысле уникальна, поскольку, во-первых, вопрос о бытии им решается с точки зрения укорененности в русской философии. Во-вторых, его система онтологии ориентирована на конкретного человека. Причины кризиса человека Бахтин видел в неумении вести диалог, выстраивать отношения; в закрытости и проблематичности сознания современного человека. Поэтому в современной действительности всем нам необходимо обратиться к собственному сознанию и его возможностям в плане реализации нравственного дискурса. Отдельные специалисты утверждают, что образ жизни современного человека в силу определенных причин затрудняет акты сознания. С точки зрения экзистенциализма и персонализма поступок прорастает в реальности как объект становления и основания бытия человека, реализующего через поступок ответственность и свободу выбора, прежде всего в собственном сознании.

Следует согласиться с мнением экспертов в области бахтинологии, что познавательный потенциал наследия Бахтина еще не раскрыт в полной мере. В последнее десятилетие интерес к его творчеству значительно возрос. Об этом же свидетельствуют уже имеющиеся научные изыскания: в области онтологии можно отметить исследования В.А. Махлина, В.А. Конева. Этические аспекты теории поступка представлены в трудах В.А. Махлина, Р.И. Александровой, О.В. Брейкина. Философские идеи рассмотрены В. Кулаковым, Н.К. Бонецкой и А.А. Грыжаловым. Целостное освещение или комплексное исследование антропологических аспектов трудов Бахтина дано В.Л. Махлиным, В.С. Библером, Е.А. Богатыревым, Н.К. Бонецкой, С.Г. Бочаровым, Е.В. Волковой, Л.А. Микешинной.

Методы

В процессе подготовки статьи авторы опирались на мнения отечественных и зарубежных ученых – исследователей – бахтинистов, взгляды которых анализировались, сопоставлялись и обобщались. В качестве организационного метода выступил сравнительный подход. Полученные результаты интерпретировались при помощи методов: анализа, синтеза, сравнения. Экспертная оценка сводилась к роли метода обыденных интерпретаций. Интерпретация результатов проводилась с помощью структурного подхода. Применены принципы системного и комплексного подходов.

Михаил Михайлович Бахтин – философ, культуролог, гуманитарий XX века – один из мыслителей, интерес к идеям которого не ослабевает, а усиливается в силу того, что им затрагивались фундаментальнейшие вопросы бытия.

Несмотря на его популярность в России и на Западе, творчество по-разному оценивается и интерпретируется бахтиноведами в силу разных причин: попытки исследовать изолированно те или иные аспекты, в силу того, что отдельные проблемы рассматриваются как вырванные из контекста [4, с. 1].

Сегодня в условиях существенных парадигмальных изменений, когда в области философии и культуры ставится задача формирования основ «новой антропологии», «нового мышления». Общество испытывает необходимость в воспитании высоконравственной ответственной личности. Этим обусловлено обращение к «онтологизированной философии человека» Бахтина, которая отличается нестандартностью в интерпретации философии поступка как «поступающего», «причастного бытия».

Одна из работ Бахтина «К философии поступка» пользуется особой популярностью: её глубина и актуальность позволяют предположить, что мировоззренческое и эпистемологическое значение работы невозможно исчерпать. Современному человеку необходимо как можно чаще обращаться к её содержанию, учитывая, что специалисты именуют её не иначе как шедевром [3, с. 71].

Проблема индивидуального поступка, его этической составляющей в жизни конкретного человека, единственного и единого – это ключевые аспекты его труда «К философии поступка», определяющие его значимость. В работе подвергается рассмотрению и интерпретируется переживаемый мир человека. Ключевым её тезисом становится мысль о том, что жизнь человека может быть осознана как «событие», а не «бытиеданность». Поэтому можно сказать, что одной из задач Бахтина в этой работе было описание жизни человека и событийных аспектов его бытия (события-бытия). Феноменология мира поступка, по мнению Бахтина, способствует вскрытию и описанию онтологической структуры «бытия-события». «Бытие-событие» это ответственный поступок, в представлении философа. Понятие «поступок» – один из основополагающих терминов Бахтина среди других, таких как: «причастность бытию», «участное мышление», «ответственность», «событие-бытия»; способствующих созданию «события-бытия» в мире и подчеркивающих специфику бытия и поступка в бытии.

Философия, учение о человеке Бахтина – это система беспристрастного мира культуры и неповторимой личности, связывающая личность с миром, интерпретирующей собственный поступок в конкретной ситуации. Бахтин пишет: «Каждая мысль моя с её содержанием есть мой индивидуально ответственный поступок, из которого складывается моя единственная жизнь, моё сплошное поступление» [3, с. 8].

Посредством понятия «поступок» Бахтин акцентирует внимание на его нравственном содержании через понятие «долженствование». Бахтин убежден, что признание абстрактной нравственной нормы возможно только при условии ответственности за бытие. Только ответственность становится побуждающим условием к действию. Бахтиным используется понятие «единства двусторонней ответственности: и за своё содержание (специальная ответственность) и за своё бытие (нравственная)» [2, с. 8].

О единственности размышляли и рассуждают многие мыслители, но контекст этих рассуждений различен. Например, М. Штирнер тоже вел речь о сознании себя Единственным в обществе, где единственный часть общества, но он не общество. В результате сложилась направленность на формирование закоренелого, нетерпи-

мого и радикального эгоиста, настроенного против всего человеческого и человечности. Неудивительно, что западное общество сегодня охвачено индивидуализмом, отголоски которого мы наблюдаем и в своем российском обществе в виде распространения и утверждения эгоизма, более того, широкомасштабного эгоцентризма, очень опасного своей деструктивной направленностью. Но ещё более он серьезен тем, что многие сегодня поддаются действию культа эгоизма и утрачивают контроль над собой. Отдельные исследователи ведут речь об «эпидемии эгоизма», справиться с которой отдельному человеку самостоятельно уже сейчас и в перспективе будет проблематично.

Бахтин, объединивший конфликтом жизнь и культуру, подвел нас к мысли, что с точки зрения философии бытие это проявление позиции личности. Это ценностная позиция индивидуальной нравственной ответственности личности, выражающаяся в «абсолютном-себя-исключении». Он концентрировал внимание на активном, деятельном начале субъекта: им выделена конституирующая основа поступка – отношение «я-другой». Вхождение человека в мир культуры, придание ему событийной определенности, предусматривает проявление деятельного начала субъекта.

Бахтин размышлял о персонально ориентированном образе жизни, единственности личности, но это не предполагало его одиночества или его сосредоточенности на себе, эгоистического способа жизни. По сути, он через другие темы выходит на проблему эгоизма, чрезвычайно актуальную для нашего времени.

Нельзя не согласиться с тем, что любой в обществе, находится в постоянном взаимодействии с самим собой, другими людьми. И здесь ключевую роль играет проявление наклонностей человека. Бахтин полагает, что эгоисту вообще неизвестно что такое любовь. По Бахтина, личностное «я» обретает конкретность «для другого» и в «другом». Причем в категории другого постигаются как пространственные, так и временные данности в мире. В категории другого постигается все, в том числе ценности и оценки: «Ценности бытия качественно определенной личности присущи только другому» [3, с. 180].

Через диалогизм Бахтин проводит идею изначальной бытийной связанности с другим, выражающуюся в полной ответственности за них. И сегодня тема ответственности – тема, которая как никогда важна для нашего общества. Длительное время у нас в процессе общественного развития сковывалась инициатива, активность, самостоятельность, вырабатывалась пассивность. Поэтому очевидно, если даже человек будет осознавать свою роль в процессе взаимоотношений, это станет фактором формирования активной, деятельной и ценностной направленности личности.

Бытие как событие в социальной укорененности бытия человека Бахтин трактовал как концептуальное ядро онтологической антропологии. Его концепции, идеи предопределили развитие общегуманитарной мысли конца XX – начала XXI века.

Каждый философ своеобразен. Уникальность Бахтина состояла не только в том, что он стремился построить «лучшую нравственную философию», но и стоически сохранял себя в области «долженствования» в жизни непростой, требующей невероятных усилий в каждый ответственный момент. Он, как святые учил философии поступка через свой образ жизни и действий.

Христос для Бахтина – «величайший символ активности», который «...жив и действителен в мире событий именно как отошедший из мира, его не-существованием в мире мы живы и причастны ему, укрепляемы» [2, с. 19]. Он для нас пример ответственного «акта-поступ-

ка», в котором «максимально активно» и полностью осуществлена «единственность его места в бытии» [2, с. 19]. «Мир, откуда ушел Христос, – пишет философ, – уже не будет тем миром, где его никогда не было, он принципиально иной» [3, с. 19].

Необходимость мыслить себя «здесь и сейчас» как ответственного и совершающего то или иное действие исходит из того, что ответственность за наши действия предусматривает осознанность. Если этого не происходит, поступок будет формальностью.

Результаты исследования

Проанализировав идеи Бахтина, мы можем резюмировать следующее: онтология или философия поступка Бахтина созвучна взглядам на бытие человека в современной культуре. Философское сознание сегодня, как и в период возникновения идей Бахтина, пронизано антропологической проблематикой: жизнь, мир человека являются фокусом интереса гуманистических наук.

Работа Бахтина «К философии поступка» актуальна и современна: она ориентирована на прояснение и обретение, весьма значимых «ответственных» форм мышления и практических навыков в условиях кардинальной модификации социального порядка.

Современные философы обращают внимание на то, что сегодня время особой ответственности, пришла пора восстанавливать утраченные представления и навыки нравственного ответственного поведения. Идеи Бахтинского «гуманитарного мышления» имеют непосредственное отношение к практическим нравственным действиям (в бахтинской онтологии речь идет о «поступающем» «причастном бытии»). В его исследованиях представлены новые инструменты для «обоснования культуры», позволяющие через мир жизни, мир человеческого действия, события, поступка преодолеть кризис и открыть большие возможности для человека. Философия поступка вбирает в себя индивидуальную и социальную составляющие в их сложности и противоречивости, отражает «архитектонику» человеческого бытия. Бахтин как философ создал свою онтологию и философию поступка. Как человек, собственной жизнью явил пример осуществления своей единственности в бытии. Он не перестает возбуждать внимание российских и западных ученых в области разных наук.

Заключение

Современное состояние моральности в обществе определяется специалистами как «постэтика». Оно возникло в результате деконструкции моральных ценностей. В этих условиях необходима интериоризация, которая возможна лишь на глубинном личностном уровне бытия через формирование персональной осознанности и ответственности человека за содержание норм и воплощение этого содержания в бытии. Благодаря этому человек приобретает целостность бытия. По Бахтину, человек – это персона, «живая ответственная личность», обладающая «участным сознанием». Только через «участное сознание» он может определить себя как человек нравственный, дифференцирующий нравственное и безнравственное и закрепляющий нравственное в бытии. Освоение нравственного опыта не может произойти автоматически и спонтанно: оно требует осознанных усилий, «участного мышления». Человек «участно мыслящий» не отступает от своего поступка, от продукта.

Онтология или «философия поступка» Бахтина основывается на поступке человека, исходным пунктом кото-

рого является «долженствование», а его источником – «участное сознание».

Таким образом, значимость проблематики, затрагиваемой в контексте «философии поступка» Бахтиным усилилась в нашем социуме в результате реформирования. В процессе чего наше общество вступило в период утраты целого ряда идеалов и ценностей, проявления равнодушия, мировоззренческой индифферентности. Данная проблематика имеет архиважное значение для последующего развития нашего российской действительности, формирования граждан Российской Федерации. Едва ли её можно решить без широкого социально-философского обсуждения, привлечения специалистов из различных областей обществоведения, лишь только совместными усилиями ученых, общества и каждого отдельного человека. Отдельный человек и его «Я» – это центр поступка, исходя из которого, и по отношению к которому мир приобретает единственность и ценностную окрашенность. Особая роль среди наук в этом принадлежит социальной философии, она дает установки и ориентиры, является отправной точкой для других наук. Не случайно Бахтин замечает, что в конфликте между жизнью и культурой место философии на стороне жизни, а интерпретация бытия в культуре как продолжении индивидуальной ответственности нравственной позиции личности.

Литература

1. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура. URL: http://classica.rhga.ru/upload/iblock/f9f/26_Averincev.pdf (дата обращения 06.12.2022).
2. Бахтин М.М. Собр. соч. В 7 т. Т. 1. // Бахтин М.М. К философии поступка. – М.: Русские словари, 2003. – С. 7–68.
3. Матвеев П.Е. Философия поступка М.М. Бахтина (опыт этической интерпретации) // Этическая мысль. – 2016. – Т. 16. – № 2. – С. 70–83.
4. Орлова А.В. Проблема ценности и оценки в философии М.М. Бахтина. – М.: МПГУ, 2003. – 20 с.
5. Штинер М. Единственный и его собственность. – М.: Рипол – классик, 2021. – 460 с.
6. Юхименко, С.А. Поступок как осуществление экзистенции 09.00.13 «Религиоведение, философская антропология, философия культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / С.А. Юхименко, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет». – Санкт-Петербург, 2013. – 22 с.

PHILOSOPHY OF M.M. BAKHTIN'S ACT IN THE CONTEXT OF MODERNITY

Emelkina I.V., Mochalov E.V., Gryzhankova M. Yu.
National Research Ogarev Mordovia State University

The article is devoted to the analysis of M.M. Bakhtin's study about the act, set out in his work «Towards the Philosophy of the Action». Particular attention is paid to the ethical aspects and methodology of the study of a complex, but still relevant problem of individual action. The article notes that M.M. Bakhtin was not the only Russian philosopher who considered this problem. Additional relevance to the article is given by the fact that Bakhtin's «philosophy of action» was developed in the early period of his work. His work «Towards the Philosophy of the Action» was prepared by a certain socio-cultural situation. When analyzing an act, Bakhtin is based on a specific of a person, who is distinguished primarily by responsibility, and only then by rationality. In our study, the significance of M.M. Bakhtin's «philosophy of action» for modernity is determined, the value of which is not only in the ontology of Bakhtin ethics, but also in the ethicization of the category of «responsible act»; the relevance, incompleteness of the problem of action for philosophy and ethics is

shown; the need for constant reference to the study of M.M. Bakhtin's «philosophy of action» is substantiated.

Keywords: ontology, action, responsibility, event, being, content, obligation.

References

1. Averintsev S.S. Bakhtin, laughter, Christian culture URL: http://classica.rhga.ru/upload/iblock/f9f/26_Averinzev.pdf (accessed: 06.12.2022).
2. Bakhtin M.M. Bakhtin M.M. Collected works In 7 vols. Vol.1. // Bakhtin M.M. To the philosophy of action. – M.: Russian dictionaries, 2003. – P. 7–68.
3. .Matveev P.E. Philosophy of M.M. Bakhtin (the experience of ethical interpretation) // Ethical Thought. – 2016. – V.16. –No. 2. – P. 70–83.
4. Orlova A.V. The problem of value and evaluation in the philosophy of M.M. Bakhtin – M.: MSPU, 2003. – 20 p.
5. Shtiner M. The only one and his property. – M.: Ripol – classic, 2021. – 460 p.
6. Yukhimenko, S.A. An act as an implementation of existence/ 09.00.13 «Religious studies, philosophical anthropology, philosophy of culture»: abstract of the dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences / S.A. Yukhimenko, St. Petersburg State University. – St. Petersburg, 2013. – 22 p.

Жертвенность как свидетельство реальности существования в философии Габриэля Марселя

Гусейнов Фарид Ибрагимович,

к.ф.н., доцент Высшей школы Социально-гуманитарных наук, доцент кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доцент кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана
E-mail: metafizika@mail.ru

Статья посвящена выявлению сущности Я и реальности существования высших ценностей человека посредством жертвы в философии французского мыслителя-экзистенциалиста Габриэля Марселя. Исследование построено как компаративный анализ нескольких моделей жертвенности, описанных русским философом С.Н. Булгаковым как героизм и подвижничество, и Г. Марселем. При всей разнице эпох создания привлекаемых для исследования работ и их национально-культурных традиций указанные авторы в основном сходятся в своих выводах.

Ключевые слова: Габриэль Марсель, Сергей Булгаков, жертва, героизм, подвижничество, Я, существование, жизнь, смерть, любовь, диспонибельность.

Французский философ Габриэль Марсель (1889–1973), один из основоположников экзистенциализма, неоднократно говорил, что главный философский вопрос для него – что такое «я емь», все остальные вопросы имеют производный характер. Действительно, и для большинства философов центральной проблемой размышлений оказывается проблема существования и сущности Я, природы человека. Однако Г. Марсель, принципиально избегая создания строгой системы категорий, которая, с его точки зрения, убивает мысль и саму жизнь (как лжет слово в попытке ухватить сущность экзистенции – подобно исчезающей Эвридике, когда оглянулся Орфей в любимом марселевском мифе), постоянно возобновляет подход к решению этой проблемы, так сказать, мозаичным способом, то с одной стороны, то с другой, то с третьей, отчего может создаваться впечатление, что он ходит кругами. В некоторой степени это так и есть, но, как и в методологии Н.А. Бердяева и иных русских философов Серебряного века, с работами которых Марсель был знаком лично или, как можно предполагать на достаточном основании, в устном пересказе, каждый такой «круг», каждый фрагмент «мозаики» приводит философа к все более ясному пониманию, что такое Я и что такое «существовать».

Представляется плодотворным сравнить размышления Марселя о жертвенности и жертвоприношении как выявлении смысла жизни, сущности Я и существования, с одной стороны, и идеи русского философа С.Н. Булгакова (1871–1944), оказавшегося в эмиграции с 1922 г., с 1925 г. жившего в Париже и ставшего одним из основателей Православного богословского института (Свято-Сергиевский православный богословский институт), с его трактовкой героизма и подвижничества – с другой стороны. Для компаративного исследования предлагается часть текста «Метафизического дневника (1938–1943)» Марселя [4] и статья «Героизм и подвижничество» Булгакова [1]. Конечно, статья Булгакова связана не столько с онтологическими вопросами, как у Марселя, сколько с социальными и нравственными, однако посредством сравнения модуса существования интеллигента и подвижника в его смысловой, внутренней ипостаси тема обретает именно онтологический масштаб.

Жертвенность русской интеллигенции contra христианский подвиг: Сергей Булгаков

Одной из ярких черт русской интеллигенции и, в сущности, одной из ее конституирующих черт, как указывает Булгаков в своей статье, ставшей широко известной после публикации в сб. «Вехи» в 1909 г., является героизм – способность и стремление жертвовать своим комфортом, материальным благосостоянием, включая и саму свою жизнь, в борьбе за счастье народа против самодержавной власти. Эта деятельность виделась как миссия интеллигенции, и ее история действительно знала

много известных и неизвестных имен, пожертвовавших своим благополучием ради народного блага. При этом интеллигенция в отношении народа испытывала двойственные чувства. С одной стороны, это было чувство вины перед народом за собственную более обеспеченную жизнь, с другой – надменность, снобизм, учительство, чувство превосходства, или, как пишет Булгаков, «духовный аристократизм». В то время практически вся интеллигенция отошла от церкви или в поисках новой религиозности, или обратившись в атеизм. И это было действительно похоже на обращение – в интеллигентском атеизме больше всего поражал его догматизм, как пишет Булгаков, легкомыслие, безответственный отказ от глубокого продумывания религиозной темы. Место Богочеловека заступил человекобог, который призван своими делами повернуть ход истории, «исправив» ее как испорченный механизм. Человека формирует среда, как верует интеллигенция, и если исправить среду, люди тоже переменятся в лучшую сторону. И в роли таких человекобогов, призванных все это совершить, интеллигенты видели себя. Основной догмат религии человекобожества, восходящий к эпохе Просвещения, – «вера в естественное совершенство человека, в бесконечный прогресс, осуществляемый силами человека, но, вместе с тем, механическое его понимание» [1]. Человек в себе видит собственного спасителя. Это – героизм самообожения. И вот уже юноша встает на героические котурны, не успев дать себе отчет в собственном душевном устройении, не потрудившись проработать рефлексию свою деятельность и не заботясь о моральной и интеллектуальной гигиене, презирая призыв к внутреннему самосовершенствованию. Героический интеллигент все чаще игнорирует роль скромного работника, ему требуется спасти мир или, по крайней мере, весь русский народ. Он одержим этой идеей, он – ее фанатик.

При этом каждый герой имеет свою программу спасения, к которой он относится как к настоящему *credo*, которое следует принять, не меняя в нем ни буквы. Партийные раздоры не на жизнь, а на смерть, тут неизбежны. И хотя героизм интеллигенции имеет характер крайнего самоутверждения личности, сама личность тут остается не развита и враждебна другим личностям, и в этом состоит, по мнению Булгакова, главная слабость такого человеческого типа.

Христианский же героизм – подвижничество – может чисто внешне быть сходным с интеллигентским героизмом, но по внутреннему смыслу ему прямо противоположен. Поскольку высшей силой тут признается Бог, постольку личность сразу же освобождается от героических притязаний. Она просто занимается своим прямым делом, выполняя собственные обязанности в условиях строжайшей самодисциплины послушника, хотя речь может идти вовсе не о монастырских людях, не о монахах, а о самых что ни на есть мирянах. В этом случае невозможна никакая гордыня и фальшивое самоощущение спасителя человечества.

По мере углубления знаний настоящий ученый все острее чувствует свое невежество. То же происходит и с художником: подлинно творческая личность всегда испытывает чувство неудовлетворенности результатами своей работы, и чем талантливее художник, тем глубже муки творчества. То же может быть сказано и о нравственном развитии, и о философском. Если признаются абсолютные ценности, то самообожение и гордыня человека невозможны. И в этом смысле подвижничество всегда связано со смирением, которое нередко плохо понимают – как пассивность. У интеллигентов-героев отсутствует понятие и чувство греха, а есть представление о том, что человек по природе добр, но его «среда

заела», поэтому, освободив его от внешних оков, заботы о его культуре особенной проявлять не нужно. Из такого героя, в отличие от подвижника, не выходит самостоятельной, дисциплинированной, работоспособной и устойчивой личности.

Подвижник борется со своеволием и духовной ленью. «Христианский герой, или подвижник, ... не ставя себе задач Провидения и не связывая, стало быть, со своим, да и чьим бы то ни было индивидуальным усилием судьбы истории и человечества, в своей деятельности, видит прежде всего исполнение своего долга пред Богом, божьей заповеди, к нему обращенной. Ее он обязан исполнять с наибольшей полнотой, а равно, проявить возможную энергию и самоотверженность при отыскании того, что составляет его дело и обязанность» [1]. Он совершает дело не во имя свое, но во имя Божие. «Если для героизма характерны вспышки, искание великих деяний, то здесь, напротив, нормой является ровность течения, “мерность”, выдержка, неослабная самодисциплина, терпение и выносливость» [1]. Подвижник руководствуется не своими интересами, а совестью и долгом. Он связан с прошлым, с историей узами родства, он принимает его. А «гуманистический прогресс есть презрение к отцам, отвращение к своему прошлому и его полное осуждение, историческая и нередко даже просто личная неблагодарность, узаконение духовной распри отцов и детей. Герой творит историю по своему плану, он как бы начинает из себя историю, рассматривая существующее как материал или пассивный объект для воздействующего» [1].

«Задача героизма – внешнее спасение человечества (точнее, будущей части его) своими силами, по своему плану, “во имя свое”, герой – тот, кто в наибольшей степени осуществляет свою идею, хотя бы ломая ради нее жизнь, это – человекобог, – подводит итог Булгаков. – Задача христианского подвижничества – превратить свою жизнь в незримое самоотречение, послушание, исполнять свой труд со всем напряжением, самодисциплиной, самообладанием, но видеть и в ней и в себе самом лишь орудие Промысла. Христианский святой – тот, кто в наибольшей мере свою личную волю и всю свою эмпирическую личность непрерывным и неослабным подвигом преобразовал до возможно полного проникновения волею Божией. Образ полноты этого проникновения – Богочеловек...» [1]. Интеллигентский героизм заимствовал у христианства некоторые основные ценности: идею о равноценности людей, достоинства человека, равенства и братства, – но теперь попирает их в своей аксиологии и практике. А меж тем, согласно притче, лишь погибнув в земле, зерно даст новую жизнь другим.

Таким образом, по Булгакову, у интеллигенции героизм – это отношение субъекта к пассивному объекту (народу, другим личностям, истории в целом), дистанцированное и невключенное, как это и бывает в случае объект-субъектных отношений, в центре этого отношения стоит Я-субъект, и в этой оптике другие – мои средства, я же самообожаюсь, я – человекобог. В марсельской терминологии такая жертвенность есть проявление господства абстрактного духа, характерного для эпохи Модерна и столь ему ненавистного, абстрактной идеи, в угоду которой приносится собственно человек, а сам феномен близок к фанатизму, он разделяет людей¹.

¹ Исследование фанатизированного сознания осуществлено Марселем в работах «Быть и иметь» (1935), «Опыт конкретной философии» (впервые издана в 1940 г. под названием «От отказа к призыву»), «Люди против человеческого» (1951) и проанализировано автором настоящего очерка в отдельной статье [3].

Жертвенность как высшая форма любви и явления Я: Габриэль Марсель

Французский философ отмечает двойственность того, что называют «моя жизнь» – это или последовательность событий между двумя датами, рождения и смерти, – и тут можно лишь сожалеть о том, что событий было мало, но прошлое не суммируется, жизнь не суммируется; или то, что могло быть отдано, что можно пожертвовать – и тогда возникает идея смысла.

В этом втором отношении моя жизнь всегда ангажирована в или устремлена к. Остается принципиальный вопрос, во что ангажирована и к чему устремлена моя жизнь. На него легко отвечать, говорит Марсель, если человек занят творческой деятельностью, признанной людьми необходимой. Такая ангажированность имеет два варианта осуществления: ежедневная упорная работа или творческие вспышки, серии таких вспышек. Однако «в обоих случаях мы не отделены от отчаяния более надежно, чем тонюсенькой пленкой, поскольку наша собственная жизнь переживается как бесполезная, нереальная или *отсутствующая*» [4, с. 48]¹. Вот это переживание пустоты жизни как жизни отсутствующей, несуществующей зафиксировано мыслителем очень точно. А полнота связана с посвященностью – когда жизнь чему-то посвящена. Но тогда становится возможным и дарение своей жизни. Диспонибельность, радикально важная марселевская категория, которую затруднительно кратко передать в словах русского языка и которая чаще всего переводится как открытость, благодать, расположенность, имеет свою высшую форму в любви в широком смысле слова. И тогда «отказ отдать свою жизнь в крайних, чрезвычайных обстоятельствах означает не сохранить ее, а покалечить. Дело здесь обстоит так, как если бы жертвоприношение было самим свершением жизни, как если бы потеря ее была в данном случае средством ее спасения» [4, с. 48].

Чувство и переживание «я готов отдать жизнь, чтобы...» подлежит строгому анализу, указывает Марсель. Выясняется, что жизнь в данном случае – не собственность, не вещь, которую можно отдать, чтобы получить другую вещь или сохранить, а субъект: жизнь посвящает себя. Однако важно помнить, что когда акт самопожертвования подвергается саморефлексии, он искажается; тут нужна подлинно философская, т.е. вторичная рефлексия: в первичной рефлексии, доступной каждому человеку, мир в восприятии расчленяется, во вторичной рефлексии создается синтезированная картина.

Еще одна важная категория марселевской философии – верность. Своей верностью высшим ценностям, готовностью принести жертву ради них удостоверяется их реальность, она свидетельствуется жертвой.

Эта высшая ценность, ради которой я могу пойти на смерть, «предстает предо мной как абсолютно реальная, причем реальность ее меряется жертвоприношением, на которое я соглашаюсь ради того, чтобы она была спасена. Таким образом, жертвоприношение становится свидетельством, приносимым мною ради этой реальности, рассматриваемой как независимая от меня; таков мой способ ее засвидетельствовать. Тем самым смерть обретает смысл или свой смысл потому, что она помыслена как абсолютная, и, с другой стороны, одновременно отрицается в пользу реальности, которую она не может умалить, – пишет Марсель. – В самом истоке абсолютного жертвоприношения мы находим не только “Я умираю”, но и “Ты, ты не умрешь”, или еще “потому,

что я умираю, ты будешь спасен”, или даже, более точно, “моя смерть даст тебе возможность жить”» [4, с. 49]. Диалектика Я и Ты, таким образом, одновременно наделяет смыслом жизнь и смерть и дарует новую жизнь, отменяя смерть. Тут также, как и у Булгакова, нетрудно увидеть аллюзии на библейскую притчу о зерне, павшем в землю и своей смертью давшем новую жизнь. Жизнь как реальность порождается смертью, а смерть преодолевается жизнью; «смертию смерть поправ». В широком смысле это справедливо не только для христиан, но и вообще для всех людей – Марсель в этом случае воздерживается от прямых указаний на Св. Писание.

Примечательно, что по мотивам этих мыслей и слов Марселя «Сказать человеку “Я тебя люблю”, значит сказать “Ты никогда не умрешь”» создан короткометражный фильм «Вы не умрете, пока будет длиться ваш разговор» [2].

Могут сказать, пишет Марсель, что это лишь субъективно избранная связь с ценностью, и только: «Патриотизм не доказывает реальности родины» [4, с. 50]. Но патриотизм свидетельствует о Родине как высшей ценности, ценности, которая дороже жизни. Всякий героизм утверждает ценности, которые дороже жизни. Здесь есть целый узел проблем, отмечает Марсель, но «вне всякого сомнения, героический поступок стремится создать или утвердить в бытии именно то, с чем он связывает себя (сравнить с мучениками в истории Церкви)» [4, с. 50]. И если бы такое Я было просто режиссером спектакля, с уничтожением последнего уничтожались бы и такие ценности, а жертва оказалась бы бессмысленной. При том, что это intersубъективная связь, множество таких свидетельств всякий раз говорит о реальности Родины. Гарантией реальности дела предания своей самости уничтожению является абсолютная серьезность смерти. Тут важно одно обстоятельство: «моя смерть не может рассматриваться мною как событие. Она является событием лишь для других, будучи *его* смертью, не моей. Если я ее, свою смерть, предвосхищаю, считая себя в состоянии ее предвосхитить, то это возможно лишь постольку, поскольку в своем воображении я совпадаю с другим, для кого она будет “его смертью”» [4, с. 51].

Если же сознание считает себя центром перспективы, то героизм и мученичество как утверждения бытия той ценности, которая выше моей жизни, бессмысленны, ибо с уничтожением моей жизни эта ценность не живет, а уничтожается. Основание радикального эгоизма – переживание собственной жизни как абсолюта: это мои страдания и радости субстанциально реальные, а радости и страдания других как бы не существуют, или существуют как фантом. Таким образом, только открытость и любовь, когда неясны или вовсе исчезают границы между мной и моей высшей ценностью, между мной и любимым существом, между мной и Родиной (если речь идет о патриотизме), а это происходит в любви – вот в чем обретается «я емь», и «я емь» является людям. Именно это имеет в виду Г. Марсель, избирая для своей пьесы «Человек праведный» эпиграф: «Явись людям и себе тем, кто ты есть».

Выводы

В философских размышлениях Г. Марселя жертвенность вплоть до отдания жизни – это отношение Я-Ты, имеющее intersубъективный характер, где сняты границы внешнего и внутреннего, это конкретное живое отношение, поэтому являет собой высшую степень человечности и любви, объединяет людей, выявляя их сущность себе и другим людям. И в этих выводах вполне сходятся

¹ Все выделения внутри цитат принадлежат автору цитируемого текста.

французский философ-экзистенциалист Марсель и русский философ Серебряного века С.Н. Булгаков с его различением героизма и подвижничества. Жертвенность, к которой призваны люди, согласно Марселю, по своему смыслу в основном совпадает с феноменом подвижничества в описании Булгакова.

Литература

1. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции). [Электронный ресурс] URL: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html> (дата обращения: 19.07.2022).
2. Вы не умрёте, пока будет длиться ваш разговор. [Электронный ресурс] URL: <https://youtu.be/IDo4zWixReA> (дата обращения: 22.07.2022).
3. Гусейнов Ф.И. Фанатизм как тип ментальности в трудах Габриэля Марселя и Карен Армстронг // Вестник РУДН. Серия философия. – 2022. – Т. 26. – № 3. – С. 697–712.
4. Марсель Габриэль. Присутствие и бессмертие. Избранные работы. – Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – 327 с.

SACRIFICE AS EVIDENCE OF THE REALITY OF EXISTENCE IN THE PHILOSOPHY OF GABRIEL MARCEL

Guseynov F.I.

Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics, Bauman Moscow State Technical University

The article deals with the identification of the essence of the Self and the reality of the existence of higher human values through sacrifice in the philosophy of the French existentialist thinker Gabriel Marcel. The study is constructed as a comparative analysis of several models of sacrifice described by the Russian philosopher S.N. Bulgakov as heroism and asceticism, and G. Marcel. With all the difference in the epochs of creation of the works involved for research and their national and cultural traditions, these authors mostly agree in their conclusions.

Keywords: Gabriel Marcel, Sergey Bulgakov, sacrifice, heroism, asceticism, I, existence, life, death, love, disponibility.

References

1. Bulgakov S.N. Heroism and asceticism (From reflections on the religious nature of the Russian intelligentsia). URL: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html>
2. You will not die as long as your conversation lasts. URL: <https://youtu.be/IDo4zWixReA>
3. Guseynov F.I. Fanaticism as a type of mentality in the works of Gabriel Marcel and Karen Armstrong // Bulletin of the RUDN. Philosophy series. – 2022. – Vol. 26. – No. 3. – pp. 697–712.
4. Marcel Gabriel. Presence and immortality. Selected works. – Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2007. – 327 p.

К вопросу логики познания и сущности микромира

Раджабов Осман Раджабович,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и истории ДагГАУ им. М.М. Джамбулатова
E-mail: filek08@rambler.ru

Гусейханов Магомедбаг Кагирович,

д. физ.-мат.н., профессор кафедры общей физики ДГУ

Автор выясняет роль и значение логических форм и методов познания в раскрытии сущности микромира. Обозначены и анализированы основные тенденции познавательного процесса, а также количественные и качественные особенности, сложности многообразия исследования микрообъектов.

Ключевые слова: познание, логические методы, сущность, микромир, диалектика.

Рассматривая процесс познания, можно отметить, что тенденция идет от явления и сущности, где первоначально это различие еще не может быть выявлено. Поэтому в начале познания оба значения понятия явление и сущность, по существу, совпадают. Выделенная мышлением определенность выступает как некоторая целостность в единстве ее внутренней и внешней сторон, т.е. как явление действительности, и вместе с тем как внешняя, являющаяся стороны этого единства, так как процесс познания не может проникнуть сразу внутрь явления и выяснить его сущность.

Как известно, познавательный процесс имеет две стороны – чувственное и рациональное познание. Обе стороны выясняют разные закономерности изучаемого объекта: внешнюю и внутреннюю и могут рассматриваться как ступени движения познания от явления, доступного органам чувств и отражающегося в формах чувственного познания, к сущности, для познания которой необходимо деятельность рационального мышления, внутренние, существенные, необходимые связи и стороны изучаемого объекта. Явление представлено, как один из моментов раскрытия сущности. Сущность сначала выступает как видимость, затем она является и далее проявляет себя в единстве со своим явлением, выявляя себя как объективная реальность.

Явление-это выражение сущности, оно выражает внешние стороны, связи и свойства изучаемого объекта и дается нам непосредственно чувственным познанием. Сущность же есть совокупность внутренних закономерностей, определяющая все существование и характер развития изучаемого объекта, которая постигается логическими методами и формами познания.

В научном познании знание о явлениях формируется на уровне с помощью эмпирических методов познания, сущность исследуется на теоретическом уровне с помощью теоретических методов. Процесс познания протекает от внешнего к внутреннему, т.е. от явления к сущности иначе как движение научного познания от эмпирического к теоретическому. Эмпирический и теоретический уровни познания различаются приемами и методами познания, с помощью которых достигаются достоверные знания.

На эмпирическом уровне исследование объекта опирается на такие методы, как: наблюдение, описание, измерение, сравнение, эксперимент и другие способы, методы познания; а с их помощью осуществляют фиксация, систематизация, обобщение опытных данных, статистическая обработка. Для исследования объектов на теоретическом уровне используются такие методы, как: анализ, синтез, индукция и дедукция, логическое и историческое, аналогия и моделирование, идеализация и формализация, классификация, математизация, с помощью которых формируются законы науки, научные гипотезы и научные теории, благодаря чего выясняют сущность и закономерности изучаемого объекта. Чтобы добраться до сущности, познать диалектику сущности и явления следует анализировать проявления их, и идти в процессе познания от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и так до бесконечности, так как мир тоже многообразен и бесконечен и поэтому процесс познания носит бесконечный характер как в микромире, так макро- и мегомире.

Возрастание роли теоретических методов познания создавало у метафизически мыслящих ученых иллюзию возможности познания микромира лишь логическими способами, вне практики научного исследования и деятельности людей. При проникновении в глубь материи процесс познания усложняется из-за количественных и качественных особенностей и своеобразия микромира. На протяжении последних лет процесс познания микрообъектов показал, что с усложнением объекта познания растет значение мировоззрения ученого в успешном освоении микромира и в правильном объяснении получаемых результатов исследуемых объектов материального мира. Мировоззрением современного ученого определяется его подход к выбору средств познания, анализом и обобщением экспериментальных данных, созданием научной гипотезы и превращением ее в научную теорию.

По мере развития науки, его дифференциации и интеграции роль философии и ее методологии возрастает, так как появляются новые подразделы интеграционных наук, с каждым новым открытием в области микромира обнаруживается все более глубокая взаимосвязь различных дисциплин естественных наук. Теперь же физика стала основой в изучении структуры, свойств космических тел. Без данных микрофизики не строятся сейчас ни одна космологическая и космогоническая научные гипотезы. На основе анализа логики познания микромира можно показать возрастающее значение методологии на всех этапах исследования микромира. «Самое большое, что дала нам физика за многие столетия, – это понимание того, как много скрыто от нашего взора. С этой точки зрения вопрос вызывает, почему на материю, которую мы знаем, приходится такая плотность энергии во Вселенной» [2].

Учитывая, что чувственное и логическое познания диалектически взаимосвязаны, при этом ни в коем случае нельзя абсолютизировать ту или другую сторону познавательного процесса, так как обе стороны всегда дополняют друг друга.

Единство противоположных моментов познания: чувственного и рационального, эмпирического и теоретического, конкретного и абстрактного – позволяет рассмотреть движение познания от явления к сущности как переход от чувственной ступени познания, на которой на которой познаются внешние, доступные для «живого созерцания» свойства и связи объекта, к рациональному познанию, раскрывающему внутренние, необходимые, существенные стороны и связи. В научном познании движение от явления к сущности выступает как переход от эмпирического познания к познанию теоретическому, где формируются научные понятия, гипотезы, законы науки, теории.

Особенно эти моменты проявляются при познании сущности микромира. Основная трудность чувственного познания микромира заключается в том, что область познания микромира недоступно непосредственным методам эмпирического уровня, т.к. в области микромира проявляется дуализм свойств материи – единство корпускулярных и волновых свойств микрочастиц. Описание микромира не может быть дано в тех научных понятиях, которые характерны в научно-исследовательской деятельности ученого на уровне макромира. «Поэтому законы квантовой физики, которым подчиняются микрообъекты, должны быть справедливы и для состоящих из них макрообъектов. Фактически так оно и есть, однако на уровне макромира, то есть на уровне совокупного действия огромного количества микрочастиц, эти законы квантовой физики изменяются до неузнаваемости и принимают форму законов классической физики, описывающих поведение макрообъектов» [2].

В принципе, с аналогичной проблемой человечество сталкивается в религиозной теологии – учении о Боге. Как описать божество? Египетский мистик Гермес Три-смегист, более двух с половиной тысяч лет назад также писал: Наша мысль не может себе представить Божество, и наш язык не может его определить. Бестелесное, невидимое, не имеющее формы не может быть воспринято нашими чувствами, и вечное не может быть измерено временем. Еще более ранние времена VII в.д.н.э. в индийском трактате «Упанишада» записано об области божеств: Туда не проникает ни глаз, ни речь, ни ум. Мы не знаем, мы не понимаем. Так как же можно обучить этому? На самом деле соотношение неопределенностей в микромире не ставит какого-либо предела его познанию, а наоборот показывает сложность и многообразие свойств и связей в микропроцессах и степень применимости запасов классической механики, где приходится опираться наиболее сложные методы и формы логического познания.

В самом деле, микрообъекты обладают такими количественными характеристиками, которые могут быть измерены только при помощи очень сложной аппаратуры, очень сложных экспериментальных устройств. Так, например, радиус ядра атома водорода (протона) составляет всего $1,3 \times 10^{-13}$ см, и поэтому с помощью микроскопа нельзя наблюдать атом как цельное материальное образование. Количественные характеристики физических свойств, по которым можно составить образ микрообъекта (масса, энергия, время жизни), столь малы, что требуется особая изобретательность исследователя, для того чтобы их получить. Например, масса электрона равна $9,1 \times 10^{-28}$ г, время жизни мю-мезона равно $2,20 \times 10^{-6}$ сек., пи-мезона – $2,55 \times 10^{-8}$ сек. В то же время движутся микрочастицы, как правило, с очень большой скоростью – 10^{10} см/сек. Для выяснения протекающих в области микромира процессов необходимо создать теорию, объединяющую квантовую механику с гравитацией. Но гравитация выпадает из рамок квантовой теории, поскольку считалось, что она более сложная и не квантуется. Возникло понимание того, что подобные проблемы в принципе невозможно решить, если придерживаться модели точности элементарных частиц. Необходима новая теория, учитывающая многозначность и размерность таких частиц. Одним из предлагаемых решений проблемы стала теория струн, основанная на научной гипотезе о том, что все элементарные частицы и фундаментальное взаимодействие возникают в результате колебания и взаимодействия ультрамикроскопических квантовых струн на масштабах порядка планковской длины.

«Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в глубинах материи существует область бушующих квантовых флуктуаций. Верхней границей области мощных квантовых флуктуаций служит размер 10^{-33} см (планковская длина). Возможно, что здесь начинается область темной энергии, в которой вещество в явном виде присутствовать не может. Но оттуда рождаются струны, которые становятся основой вещества Вселенной» [1]. Пока исследования на Большом адронном коллайдере не привели к обнаружению каких-либо признаков появления темной энергии и материи. «Физики не знают, с чем это связано – с недостаточной энергией, получаемой на ускорителе, или с ошибочными теоретическими предположениями, в соответствии с которыми дополнительные частицы должны появляться при этой энергии. Как бы то ни было, шансы на обнаружение дополнительных частиц при нынешней энергии столкновений на LHC все еще сохраняются. Возможно, одна из них будет связана с темной материей» [3]. Во всяком случае, приходится ждать еще многих интересных открытий, которые

будут ломать сохранившиеся в науке, ставшими привычными, но уже устаревшие представления.

В перспективе в процессе познания микромира существенную роль будет играть диалектическая логика мышления. Именно диалектическая логика занимает ведущее положение в познавательном процессе, так как, во-первых, она дает возможность правильно представить сущность и тенденция конкретного познания, во-вторых, только с позиции диалектической логики можно оценить роль и значение всей системы логических методов, которые используются в науке с целью организации и становления знаний, так и для конкретного анализа полученных результатов познавательного процесса.

Таким образом, рассматривая процесс познания микромира позволяет убедиться в том, что на протяжении всего можно исследования начиная с чувственного уровня и кончая формирования законов науки и научной теории, философские воззрения ученых органически вплетаются в объяснении физических закономерностей в микромире, особенно диалектический метод познания и его основной принцип. Все рассмотренное позволяет сделать вывод о том, что источником познания микромира являются данные полученные с помощью эмпирических и теоретических методов познания, где для раскрытия закономерностей и сущности микромира больше всего играют логические способы и средства познания. При этом, в логике законы мышления должны в общем и целом совпадать и историей познания, с логикой развития процесса познания.

Литература

1. Раджабов О.Р. Философия физической картины мира. Издательство Канон+, РООИ «Реабилитация». – М., 2015. – С. 270.
2. Л. Рэндалл. Темная материя и динозавры. Издание на русс. языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн». – М., 2017. – С. 26–377.
3. Чернакова С.М. Особенности изучения микромира с помощью макроскопического прибора. // Наука и Современность. – М., 2010. – С. 165.

TO THE QUESTION OF THE LOGIC OF COGNITION AND THE ESSENCE OF THE MICROCOSM

Radjabov O.R., Huseykhonov M.K.

DagGAU named after M.M. Dzhambulatov, DSU

The author clarifies the role and significance of logical forms and methods of cognition in revealing the essence of the microcosm. The main trends of the cognitive process are identified and analyzed, as well as quantitative and qualitative features, the complexity of the diversity of the study of micro-objects.

Keywords: cognition, logical methods, essence, microcosm, dialectic.

References

1. Radzhabov O.R. Philosophy of the physical picture of the world. Publishing house Canon+, ROOI "Rehabilitation". – Moscow, 2015. – p. 270.
2. L. Randall. Dark matter and dinosaurs. Edition in Russian. language, translation, design. Alpina non-fiction LLC. – Moscow, 2017. – p. 26–377.
3. Chernakova S.M. Features of studying the microcosm using a macroscopic device. // Science and Modernity. – Moscow, 2010. – p. 165.

Концепция «осевого времени» К. Ясперса и ее влияние на Бостонскую школу современного конфуцианства

Черных Варвара Игоревна,

к.ф.н., старший преподаватель кафедры истории философии
Российского университета дружбы народов (РУДН)
E-mail: chernykh_vi@rudn.ru

Бостонская школа современного конфуцианства использует понятия китайских традиционных учений, таких, как конфуцианство, для преодоления кризиса культуры XX–XXI века, который затронул и Поднебесную. В качестве основы своих построений представители школы – Ду Вэймин и Р.К. Невилл – видят не только в переносе содержания этих понятий, но и в анализе уже устоявшейся традиции перевода и интерпретации этих понятий. В не меньшей степени их интересует и концепция «осевого времени» психиатра и философа К. Ясперса (1883–1969), в особенности, в той части, которая напрямую затрагивает наиболее фундаментальные основания культуры Поднебесной. Ду Вэймин и Р.К. Невилл в своей «реинтерпретации» конфуцианских понятий берут за основу понимание К. Ясперсом трансцендентности и искали общую опору в культурах Запада и Востока, целью которой является построение равноправного диалога культур.

Ключевые слова: Осовое время, Бостонская школа, современное конфуцианство, постконфуцианство, «третья волна» нового конфуцианства, К. Ясперс, Ду Вэймин.

Бостонская школа считается одним из тех течений, которое относят к «третьей волне» нового конфуцианства, хронологически охватывающей период с 80-х гг. XX века вплоть до настоящего времени. Её основные представители, такие как Р.К. Невилл, Ду Вэймин и Дж. Бертронг объединяет общее стремление выразить основные концепты и понятия конфуцианской мысли на языке современной западной культуры. Данная постановка цели обусловлена двумя причинами. Первая носит довольно локальный характер, а именно – постулируется наличие проблемы адекватного понимания на Западе восточной, в особенности, китайской философской мысли, что приводит к искажённому пониманию не только самого конфуцианства, но и менталитета китайцев вообще. Вторая проблема более глобальная. По мнению упомянутых бостонских ученых, в современном глобализированном мире имеет место масштабный кризис духовных ценностей, в частности – кризис гуманизма [1; 2]. Именно гуманизм является интегральной частью западной культуры, на которую, в свою очередь, опирается процесс глобализации в духовном и философском аспектах. Однако с конца XX века мир столкнулся с обесцениванием гуманистических идей. В основе этого лежат различные факторы, однако бостонские конфуцианцы в качестве главного указывают утрату Западом своих «корней», отход от собственных идеалов, которые, в определённой степени «не выдержали» испытания глобализацией, а, главное, так и не стали на практике универсальной основой, которая была бы принята всеми участниками глобализационных процессов, в первую очередь представителями не-западных культур [3]. Причиной же, по которой этого не произошло, представители бостонской школы современного конфуцианства видят в том, что базирующийся на сугубо западной, возвращенной на христианстве, культуре гуманизм не учитывает специфику того же Востока, навязывая чуждые ему концепты. В качестве ответного решения предполагается, что то же конфуцианство обладает собственным пониманием гуманизма (仁, rén), которое может существенно обогатить западное мышление, особенно в случае, если оно будет выражено в категориях, привычных для западной же философии. Таким образом решаются обе поставленные проблемы: с одной стороны у Запада появляется возможность более глубокого понимания категорий китайской философии, а Восток, в свою очередь, получает возможность принять участие в процессе глобализации с интеллектуальных позиций; модель современного «восточного гуманизма», над которой работают бостонские конфуцианцы, позволит преодолеть упоминавшийся кризис в духовной сфере [4].

Однако для достижения поставленной цели необходимо было найти то фундаментальное основание, которое бы позволило на равных воспринимать как интеллектуальное наследие Запада, так и наследие Востока. В качестве такового выступила концепция «осевого времени» немецкого философа Карла Ясперса (1883–1969), которая оказала серьезное влияние на становление и развитие диалога цивилизаций, а также стала одной из ведущих концепций генезиса философского знания в целом. Термин «цивилизации осевого Време-

ни» (Axial-age civilizations) довольно прочно укоренился в западной англоязычной историографии, в частности, в одной из ключевых работ бостонских ученых рассмотрению концепции К. Ясперса посвящена глава, не говоря уже об отдельных упоминаниях в других их работах [5, с. 147–165; 6, с. 294–314; 7, с. 123–125]. К таковым относятся все упомянутые немецким философом цивилизации, которые смогли совершить переход от мифологического «покоя полярности» к «беспокойству противоречий и антиномий», в рамках которого человек «в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе» [8, с. 31]. И несмотря на различия в культурных наслоениях, особенностях религий и внутренней структуре учений, всех мыслящих индивидуумов объединяло то, что они могли теперь внутренне отделить себя от циклического мироустройства и противопоставить себя бытию: «Это – подлинный человек, который, будучи связан и скрыт плотью, скован своими влечениями, лишь смутно осознавая самого себя, стремится к освобождению и спасению и действительно способен обрести его уже в этом мире... в понимании того, что он сам и есть весь мир» [8, с. 34].

Вероятнее всего, именно эта установка и стала отправной точкой для бостонских ученых, что позволило им в дальнейшем предпринимать попытки найти подтверждения этому в китайской философской традиции. Также немаловажной чертой, от которой отталкиваются Ду Вэймин и Р.К. Невилл, является упоминание К. Ясперсом специфики социального устройства, характерной для цивилизаций «осевого времени», а именно: стремление к централизации власти (в Китае – при императоре Цинь Ши-Хуанди (259–210 г. до н.э.), в Индии благодаря политике династии Маурья (322–187 г. до н.э.), а на Западе путем создания эллинистических государств и Римской Империи (323–30 г. до н.э.) [8, с. 35]. Любопытно, что К. Ясперс упоминает политический контекст скорее в качестве следствия внутренних изменений в отношении к миру у отдельных представителей цивилизаций «осевого времени». Более того, их достижения в дальнейшем становятся всеохватывающими, настолько, что ими вдохновлялись другие цивилизации «природного» существования. Что немаловажно, К. Ясперс настаивает на том, что процессы в цивилизациях проходили автономно друг от друга, но этот, во многом синхронный, параллелизм носит скорее фундаментальный, нежели сугубо исторический характер, так как ни торгово-экономических, ни культурных пересечений в рамках упомянутого К. Ясперсом периода почти не происходило.

Таким образом, согласно его логике, получается, что люди осевого времени постепенно пришли к осознанию того, что их познание мира весьма ограничено, равно как ограничен их моральный облик и национальная история. И для расширения этих границ и была проведена рационализация с постепенным отделением мира имманентного от мира трансцендентного. Этот момент в большей степени заинтересовал бостонских ученых, которые говорили о том, что «... Ясперс утверждал, что культуры «осевого времени» разработали цивилизационные (civilizationsharing) представления о трансцендентных основаниях разума, морали, исторических целях, истине, причинности, взглядах на смысл и объяснении [мира]» [9, с. 151]. Однако вопрос об универсальности этого подхода в контексте китайской культуры остается открытым.

Здесь же Ду Вэймин и Р.К. Невилл обращаются к определению трансцендентности, о котором говорит К. Ясперс, понимая ее в более схоластическом ключе – как «выход за пределы чувственного опыта» [9, с. 157], значительно расширяя тезис и включая в него взгляд,

перспективу, с которой можно думать о мире самом по себе. Под это же можно подвести и нравственный рост человека, поскольку достаточно обширная категория Дао (dào, 道), к примеру, включает в себя развитие человека и расширение уже его границ разума, а также возможность посмотреть на собственный моральный и личностный облик как бы со стороны [9, с. 150]. Таким образом, для Р.К. Невилла получается, что трансцендентность – это то, что, по сути, связывает наше «Я» с трансцендентным источником бытия и определяет наше отношение к себе и миру.

Такой подход во многом объясняет взгляд бостонских ученых на китайскую мысль в целом, и на конфуцианство, в частности, как на традицию, в которой присутствуют философско-религиозные элементы. Под этими элементами и Ду Вэймин, и Р.К. Невилл подразумевают апелляцию к гармонии человека и Неба (tiān, 天) [10; 11]. При этом их трактовка конфуцианства как философско-религиозной традиции зиждется, в основном, на определенном рода спиритизме, включающим в себя устоявшиеся отсылки к космологии. При этом ими же подчеркивается принципиальная взаимосвязь социальной жизни человека с его трансцендентальным личностным ростом и приобщением к гармонии Неба [10, с. 247–270; 11, с. 212–215]. Такие умонастроения во многом перекликаются с тезисом К. Ясперса о том, что человек действительно способен, несмотря на ограничения, достичь определенного уровня «вознесения к идее», по сути, выходя за рамки собственного индивидуального существования и проходя определенный путь становления [8, с. 42]. Такой подход к развитию собственного «Я» К. Ясперс и называет разумом и личностью.

Здесь также немаловажно обратить внимание на трактовку бостонскими учеными понятия «религиозного символа». Под ним они подразумевают несколько отсылок: с одной стороны, область сверхчувственного, наделяющую трансцендентальным значением тот или иной символ (например, понятие «Бога») и тем самым выводящая уже за рамки конкретного словоупотребления, с другой – относящую нас в область интерпретаций, которые либо носят чисто субъективный характер, либо обобщены через средства выражения [10, с. 191–192]. Таким образом у нас получается, что символ сам по себе не носит самостоятельного значения, но лишь зависит от общих представлений человека о чем-либо, практики интерпретации и метафоричности. Данный подход позволяет использовать только отдельно взятые значения и, по сути, подстраивать их под контексты, принятые в других культурах. И если рассуждать с религиозно-ведческой позиции, то бостонцам, в частности, Р.К. Невиллу, удастся обходить историко-культурные различия, акцентируя больше внимания на роли и смыслах понятий китайской мысли, так как и Небо в китайской традиции, и Бог в христианском понимании отсылают нас к единой области трансцендентного, несмотря на то, что формы выражения могут сильно различаться. Таким образом, бостонские ученые пытаются перекинуть некий общий «мостик» для построения полноценного и равноправного диалога культур, благодаря которому Китай бы мыслился не только в политическом, экономическом и социо-культурном ключе, но и в глубинно-смысловом, пытаясь преодолеть ряд стереотипов о китайской культуре в среде европейских мыслителей. Такую попытку пытался провести в свое время К. Ясперс, однако, несмотря на изначальную тенденцию оставаться максимально объективным, в достаточно явной степени он продолжал уже устоявшую традицию воспринимать Китай и Индию в европоцентристском ключе, хотя и допускал, что Китай тоже мог развиваться с учетом культурных, историче-

ских и духовных особенностей [8, с. 34]. Тем не менее, попытки обосновать причину доминирования Запада над Востоком (доминирование одной осевой цивилизации над другими) К. Ясперс прибегает к идее цикличности. К тому времени, когда Запад стал подходить к пику своего послеосевого развития через тотальную рационализацию и научный прогресс, Восток продолжал стремиться к своему падению¹.

Касательно данного аспекта бостонские конфуцианцы выказывают явное несогласие с позицией К. Ясперса в частности и с европоцентризмом вообще. По мнению Р.К. Невилла и Д. Вэймина именно тотальная рационализация и привела к тому кризису гуманизма, о котором упоминалось выше. Опора на научно-технический прогресс, наивная «вера» в исправление человеческой природы через индивидуализацию и т.п. не привели к желаемому результату и, по сути, оказались противоположны интенциям глобализации; столкнувшись с фактом того, что люди восточных культур в силу тех или иных причин не могут полностью имплементировать достижения западной мысли, представители Запада рискуют реанимировать тезис об «азиатском характере», «азиатском деспотизме» и иных стереотипах. Однако есть куда более серьезная проблема: в рациональности разочаровались сами жители Запада. Здесь бостонские конфуцианцы особо подчёркивают, что это самое разочарование ударило и по классическому европейскому гуманизму, который окончательно сформировался ко времени Просвещения, а потому неизбежно содержал в себе веру в познавательные способности человека, «культу Разума». Теперь же всё это не несло в себе неоспоримого авторитета. Поэтому бостонцы существенно уточняют тезисы К. Ясперса, подгоняя их под современный контекст, однако сталкиваются с определенным рода проблемами интерпретации, так как любое подведение под определенный контекст уже накладывает ограничение на содержание тех или иных понятий. Тем не менее, Бостонские конфуцианцы видели в поиске единого основания культур, опираясь на концепцию «осевого времени» К. Ясперса, ключ к поиску оптимальной модели взаимодействия между Западом и Востоком. Однако в своем стремлении найти это основание они зачастую слишком акцентируют внимание на переносе конфуцианских ценностных ориентиров на западную почву, используя для этого собственную трактовку «религиозного символа».

Как показывает опыт бостонских ученых, в современной философии заметна тенденция к междисциплинарному синкретизму различных культур в отрыве от их родной среды. Тем более в контексте китайской мысли, которая традиционно относится к достаточно замкнутой системе ценностей. Итоговый результат такого синкретизма еще пока неясен, однако уже есть возможность изучить первые плоды такой деятельности.

Литература

1. Liu L.H. *The Clash of Empires. The Invention of China in Modern World Making*. Cambridge, MA &. – London: Harvard University Press, 2004. – 318 p.
2. Kiselev V.A., Chernykh, V.I. *The Spiritual Crisis of Modernity and Tu Wei-Ming'S Concept of Self-Cultivation*. International Conference on Education, Language, Art,

¹ Например, важным условием развития цивилизации Ясперс считает наличие политической свободы в западном смысле этого слова, при этом никак не анализируя специфику аналогичных явлений в Китае и Индии. Подробнее: Ясперс К. *Истоки истории и ее цель*. / пер. с нем. М.И. Левиной. М. 1978. Вып.1. С. 42.

and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2017). *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. – Vol. 142. – P. 606–608.

3. Tu Wei-ming. *Cultural China: The Periphery as the Center*. *Daedalus*. – № 134(4). – pp. 145–167.
4. Tu Weiming. *Beyond the Enlightenment Mentality: A Confucian Perspective on Ethics, Migration, and Global Stewardship*. *International Migration Review*. – 1996. – № 30(1).
5. Neville R.C. *Boston Confucianism: Portable Tradition in the Late-Modern World*. – Albany: State University of New York Press, 2000. – 294 p.
6. Eisenstadt S.N. *The Axial Age: The Emergence of Transcendental Visions and the Rise of Clerics*. *European Journal of Sociology*. – № 23(02). – pp. 294–314.
7. Neville R.C. *Ritual and Deference: Extending Chinese Philosophy in a comparative Context*. / Ed. Roger T. Ames. – NY: State University of New York Press, 2008. – 202 p.
8. Ясперс К. *Истоки истории и ее цель*. / пер. с нем. М.И. Левиной. – М., 1978. – 210 с.
9. Neville R.C. *Boston Confucianism: Portable Tradition in the Late-Modern World*. – NY: State University of New York Press, 2000. – 294 p.
10. Tu Wei-ming, Daisaku Ikeda. *New horizons in Eastern Humanism: Buddhism, Confucianism and the Quest of Global Peace*. – London: I.B. Tauris & Co. Ltd., 2011. – 162 p.
11. Chapman J. H., Franckenberry N.K. *Interpreting Neville*. – Albany: State University of New York Press, 1999.
12. Neville R.C. *The Puritan Smile: A Look toward Moral Reflection*. – Albany: State University of New York Press, 1987.

THE AXIAL AGE CONCEPT BY K. JASPERS AND ITS INFLUENCE ON THE BOSTON SCHOOL OF MODERN CONFUCIANISM²

Chernykh V.I.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

The Boston School of Modern Confucianism uses the concepts of Chinese traditional teachings, such as Confucianism, to overcome the cultural crisis of the XX–XXI century, which also affected the Chinese culture and society. Tu Weiming and R.C. Neville see Confucianism as the basis for their constructions not only in terms to transfer the main semantic essence of its concepts, but also to analysis the already established tradition of these concepts interpretation. That is why they are both interested in the concept of “Axial Age”, created by the German psychiatrist and philosopher K. Jaspers (1883–1969), especially in the part directly affects the most fundamental basis of the Chinese culture. Thus, they try to reinterpret some of the essential ideas of Chinese culture and philosophy by using Western tradition. Tu Weiming and R.K. Neville, in their Confucian concept's “reinterpretation”, take K. Jaspers' understanding of transcendence as a basis and seek a common support in the cultures of the West and the East, the purpose of which is to build an equal cultural dialogue between civilizations. Following this interculturalized syncretism, Boston scientists significantly refine K. Jaspers' theses, and try to adjust this theory to the contemporary discourse. However, by doing so, they face serious problems regarding the Confucianism tradition interpretation, since any attempt to build a unified system of “West-East” civilizational features inevitably losses in content. Moreover, their quest to find the common ground shows that Boston Confucians often focus too much on the transfer of Confucian value orientations to Western soil, using their own interpretations of both Western and Eastern philosophical traditions.

² The publication was made within the framework of the RSF scientific project No. 22–28–00162, “The concept of “axial time” in the context of intercultural dialogue”. Publication was carried out with the support of the RUDN University Strategic Academic Leadership Program

Keywords: Axial Age, Boston School, modern Confucianism, post-Confucianism, the “third wave” of new Confucianism, K. Jaspers, Tu Weiming, R.C. Neville.

References

1. Liu L.H. The Clash of Empires. The Invention of China in Modern World Making. Cambridge, M.A. &. – London: Harvard University Press, 2004. – 318 p.
2. Kiselev V.A., Chernykh, V.I. The Spiritual Crisis of Modernity and Tu Wei-Ming’s Concept of Self-Cultivation. International Conference on Education, Language, Art, and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2017). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – Vol. 142. – P. 606–608.
3. Tu Wei-ming. Cultural China: The Periphery as the Center. Daedalus. – No. 134(4). – pp. 145–167.
4. Tu Weiming. Beyond the Enlightenment Mentality: A Confucian Perspective on Ethics, Migration, and Global Stewardship. International Migration Review. – 1996. – No. 30(1).
5. Neville R.C. Boston Confucianism: Portable Tradition in the Late-Modern World. – Albany: State University of New York Press, 2000. – 294 p.
6. Eisenstadt S.N. The Axial Age: The Emergence of Transcendental Visions and the Rise of Clerics. European Journal of Sociology. – No. 23(02). – pp. 294–314.
7. Neville R.C. Ritual and Deference: Extending Chinese Philosophy in a comparative Context. /Ed. Roger T. Ames. – NY: State University of New York Press, 2008. – 202 p.
8. Jaspers K. The origins of history and its purpose. / per. with him. M.I. Levina. – M., 1978. – 210 p.
9. Neville R.C. Boston Confucianism: Portable Tradition in the Late-Modern World. – NY: State University of New York Press, 2000. – 294 p.
10. Tu Wei-ming, Daisaku Ikeda. New horizons in Eastern Humanism: Buddhism, Confucianism and the Quest of Global Peace. – London: I.B. Tauris & Co. Ltd., 2011. – 162 p.
11. Chapman J. H., Franckenberry N.K. Interpreting Neville. – Albany: State University of New York Press, 1999.
12. Neville R.C. The Puritan Smile: A Look towards Moral Reflection. – Albany: State University of New York Press, 1987.

Ислам в Республике Северная Осетия-Алания: социальное акторство и политическая трансформация

Бирагова Бэла Маирбековна,

к.п.н., старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН
E-mail: avesta86@mail.ru

В статье представлен политологический анализ мобилизационного потенциала Духовного управления мусульман Республики Северная Осетия-Алания в контексте процессов религиозного и этнического «ренессанса», реисламизации и политизации ислама, охвативших национальные республики Северного Кавказа с конца 20 – начала 21 вв. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения стремительно меняющейся мобилизационной роли ислама в государственно-конфессиональной, межконфессиональной и межэтнической коммуникации в регионе. Мобилизационный потенциал Духовного управления мусульман РСО-Алания в обеспечении межрелигиозного и государственно-конфессионального диалога рассмотрен с позиций коммуникативного и акторного подходов.

Ключевые слова: ислам, Республика Северная Осетия-Алания, Духовное управление мусульман, реисламизация, культурно-сложное общество, межконфессиональные отношения, актор.

Процессы религиозного и этнического «ренессанса», охватившие постперестроечную Российскую Федерацию в конце 20 – начале 21 вв., имеют общие и частные проявления в республиках Северного Кавказа, которые являются культурно-сложными обществами с многоуровневой идентичностью, что, с одной стороны, делает регион уникальным с точки зрения культурной самобытности и туристической привлекательности, с другой – создает латентные риски межэтнической, межконфессиональной и этнополитической дестабилизации.

Не является исключением Республика Северная Осетия-Алания – полинациональный и поликонфессиональный субъект Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации с населением 696837 человек (на 01 января 2020 г.) [1]. На территории республики исторически проживают представители около ста национальностей, функционируют 33 национально-культурных объединения и 110 религиозных организаций [2].

Исторически Осетия позиционируется как форпост православия на преимущественно мусульманском юге России, чему способствуют несколько факторов. Осетия является наследницей древней апостольской православной традиции – в 2022 году, согласно Указу Президента Российской Федерации от 14.10.2017 № 480, отмечается 1100-летие крещения Алании [3], 48,6% населения республики исповедуют православие [4], Владикавказская и Аланская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат) является наиболее многочисленной религиозной структурой в республике и включает 41 организацию. Ислам исповедуют 12,2% населения Республики Северная Осетия-Алания. Менее 1% населения составляют: евангелистские христиане-баптисты, христиане веры евангельской-пятидесятники, христиане веры евангельской, евангельские христиане, духовные христиане-молокане, христиане адвентисты седьмого дня, католики латинского обряда, Евангелическо-лютеранская церковь, иудаизм, Армянская апостольская церковь, Общество сознания Кришны. Традиционных верований осетин придерживаются 22,5% населения, атеистами себя считают 6,5%. Духовное управление мусульман представляют 27 подведомственных организаций, традиционные верования осетин – 6 организаций, иудаизм, католицизм, Армянскую апостольскую церковь – по 2 организации, баптисты, евангелисты, адвентисты, пятидесятники и др. – всего 30 протестантских организаций [5].

Таким образом, согласно статистическим данным, православие (48,6%) и ислам (12,2%) сохраняют позиции основных религиозных систем в Республике Северная Осетия-Алания, что вызывает научный интерес к вопросу роли мобилизационного потенциала православных и мусульманских организаций в обеспечении межрелигиозного диалога в Республике Северная Осетия-Алания как ключевых религиозных акторов государственно-конфессиональных и межконфессиональных коммуникаций.

Генезис христианства у алан-осетин достаточно хорошо исследован в осетинской историографии. Ислам в Осетии, его место и роль в процессах этнической самоидентификации и этнокультурного развития осетин является наименее изученным в современном осетиноведении. Однако уже сейчас можно говорить о наметившейся тенденции трансформации как собственно религиозной, так и социально-политической роли ислама в рамках культурно-сложного североосетинского общества.

Фронтальный контент-анализ региональных СМИ отражает тенденции медиатизации и политизации ислама в регионе, более активное вовлечение Духовного управления мусульман РСО-Алания в процессы политической коммуникации на региональном, федеральном и международном уровнях.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения стремительно меняющейся мобилизационной роли ислама в государственно-конфессиональной, межконфессиональной и межэтнической коммуникации в регионе. Мобилизационный потенциал Духовного управления мусульман РСО-Алания в обеспечении межрелигиозного и межэтнического диалога наиболее конструктивно рассматривать с позиций коммуникативного и акторного подходов.

Началом процесса реисламизации в Осетии следует считать февраль 1988 г., когда в исторически мусульманском селении Чикола по решению Совета по делам религий при Совете Министров СССР была зарегистрирована община из 62 человек в главе с председателем Дзанхотом Хекилаевым, впоследствии ставшим и первым муфтием образованного в 1991 году Духовного управления мусульман. В 1994 году был проведен первый съезд мусульман республики.

Религиозная и социально-политическая трансформация мусульманской уммы в Осетии проходила на фоне осложняясь серьезными испытаниями, которые имели как внешние, так и внутренние причины. К внешним следует отнести: социально-экономический коллапс «кризисных» 90-х годов в связи с развалом СССР; глобальное противостояние христианского запада мусульманскому Востоку; так называемое столкновение цивилизаций, проявившее себя в виде международного терроризма, возникновение на религиозно-политической карте мира ИГИЛ (организация, деятельность которой запрещена в РФ), рост атак радикально настроенных мусульман в странах ЕС и охвативший Европу кризис мультикультурализма и т.д. Среди внутренних причин: война в Чечне (1994–1996), ингушко-осетинский (1992) и грузино-югоосетинский конфликты (1991–1992), расползание радикального исламского экстремизма и терроризма по всему Северному Кавказу, институциональный раскол в умме, террористический акт в Школе № 1 г. Беслана, убийство имамов Владикавказской Соборной мечети И. Дударова и Р. Гамзатова, убийство народного поэта и общественного деятеля Ш. Джикаева членом уммы Д. Мурашевым, ряд скандалов в связи со вскрытыми фактами иностранного финансирования деятельности ДУМ РСО-Алания, усиление роли православной церкви в рамках парадигмы 1100-летия принятия Алания христианства, а также нарастающего информационного давления со стороны адептов традиционной осетинской религии «Уацдин».

Новая эпоха началась для ДУМ РСО-Алания с избранием на V Съезде мусульман Северной Осетии 17 марта 2011 г. муфтия Хаджимурата Гацалова. Среди управленческих заслуг нового духовного лидера мусульман Осетии следует считать: консолидацию уммы под знаменами традиционного ислама, оформление общественно-

политического статуса ДУМ РСО-Алания как важного социального актора внутриконфессиональной, межконфессиональной и государственно-конфессиональной (политической) коммуникации в регионе.

ДУМ РСО-Алания осуществляет активную духовно-просветительскую (конференции, круглые столы) и социально-ориентированную деятельность (спортивные соревнования, субботники, благотворительные акции). В целях профилактики распространения экстремизма в молодежной среде на регулярной основе проводятся просветительские встречи с учащимися вузов и ссузов, адресно-профилактическая работа ведется с родственниками и членами семей лиц, принимающих участие в боевых действиях на стороне международных террористических организаций.

Репутационно-знаковым событием в деятельности ДУМ РСО-Алания стало принятие 25 мая 2013 года во Владикавказе имамами 29 мусульманских общин фетвы о неприменимости к Северной Осетии термина «дар аль-харб» («территория войны») и о недопустимости участия североосетинских мусульман в войне в Сирии на стороне запрещенной в России террористической организации ИГИЛ [6]. В дополнение 24 августа 2015 года на специальной конференции «ИГИЛ на весах шариата» в г. Моздоке Религиозным советом мусульман Северной Осетии принята фетва, в которой было обозначено, что так называемое «Исламское государство» «не является праведным исламским халифатом», а стоящий во главе него Абу Бакр аль-Багдади – не является халифом мусульман и «никому не дозволено присягать на верность ИГИЛ, отправляться туда или поддерживать их каким-либо образом» [7].

В 2014 году впервые в истории североосетинской уммы по инициативе ДУМ РСО-Алания состоялся Съезд мусульманок РСО-Алания, делегаты которого акцентировали свое внимание на проблемах современной семьи, прав и обязанностей женщин, духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения и т.д. [8]. 13 июля 2022 года во Владикавказе состоялась первая женская межконфессиональная (совместно с Владикавказской и Аланской епархией Русской православной церкви) конференция на тему «Роль женщины-матери в формировании гражданской идентичности молодежи».

Муфтий ДУМ РСО-Алания демонстрирует открытость и готовность к коммуникации с научным и медийным сообществом, органами государственной власти, различными конфессиями республики. Х. Гацалов входит в состав Общественной палаты РСО-Алания, Общественного Совета при Министерстве РСО-Алания по национальной политике и внешним связям, Общественного совета г. Владикавказа, Совета по вопросам межнациональных и межрелигиозных отношений при Главе РСО-Алания и др. Х. Гацалов также является сопредседателем Совета муфтиев России и Координационного центра мусульман Северного Кавказа, входит в Группу стратегического видения «Россия – исламский мир».

Мобилизационный потенциал ДУМ РСО-А под руководством Х. Гацалова эффективно проявил себя и в межрегиональном и международном этнокультурном взаимодействии, о чем свидетельствуют следующие знаковые мероприятия: Фестиваль молодежи «Мир Кавказу – мы вместе» (с. Эльхотово, 2017), Конференция исламских социальных проектов (Владикавказ, 2018), визит министра по делам религии Кувейта доктора Адель аль-Фаляха и видного российского мусульманского деятеля Али Вячеслава Полосина (Владикавказ, 2013), Всероссийская научно-практическая конференция «Духовное служение и социальная миссия религиозных организаций в контексте формирования общероссийской гражд-

данской идентичности» (Владикавказ, 2022), Международная научно-практическая конференция «Межрелигиозный диалог как основа мира на Балканах» (Владикавказ, 2022) и др.

ДУМ РСО-Алания уделяет пристальное внимание формированию позитивного медийного образа ислама в информационном пространстве республики. Официальными средствами массовой информации ДУМ РСО-Алания являются: сайт islamosetia.ru, религиозное, культурно-просветительское независимое издание «Дар-уль-Ислам» (прежущее название – «Минарет», основано в сентябре 2002 года), газета «Осетия-Голос Ислама» (основана в 2014 году). Информацию о жизни мусульманской уммы республики также транслирует ряд Телеграм-каналов и аккаунтов в социальных сетях.

Таким образом, рассмотрение мобилизационного потенциала ислама в Северной Осетии, его институционального и политического становления в постперестроечное время, а также политологический анализ и мониторинг деятельности Духовного управления мусульман Республики Северная Осетия-Алания показывают четкую тенденцию реисламизации в регионе в парадигме «традиционного», российского ислама, нацеленность на конструктивную внутреннюю – государственно-конфессиональную и межконфессиональную – коммуникацию в целях обеспечения межрелигиозного диалога и социально-политической стабильности в регионе, и внешнюю коммуникацию – с исламским миром в целом. Ключевой стратегией реализации мобилизационного потенциала Духовного управления мусульман РСО-Алания является активное вовлечение в массово-коммуникационную деятельность и политическую коммуникацию на региональном, федеральном и международном уровнях.

Литература

1. Республика Северная Осетия-Алания в цифрах, 2020: краткий статистический сборник. ОП Северо-Кавказстата по РСО-Алания, 2020. – 237 с. – С. 29. [Электронный ресурс]. URL: https://stavstat.gks.ru/storage/mediabank/OSET_2020.pdf.
2. Религия. Министерство Республики Северная Осетия-Алания по национальной политике и внешним связям. [Электронный ресурс]. URL: <http://minnats.alania.gov.ru/activity/religion>.
3. Указ Президента Российской Федерации от 14.10.2017 № 480 «О праздновании 1100-летия крещения Алании». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42372>.
4. Данные приведены по итогам социологического исследования «Мониторинг государственно-конфессиональных отношений и отношение населения к экстремистским проявлениям в Республике Северная Осетия-Алания», проведенного Северо-Осетинским центром исследований Института социально-политических исследований РАН (при финансовой поддержке Министерства РСО-Алания по вопросам национальных отношений) в 2013 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://minnats.alania.gov.ru/activity/religion>.
5. Религия. Министерство Республики Северная Осетия-Алания по национальной политике и внешним связям. [Электронный ресурс]. URL: <http://minnats.alania.gov.ru/activity/religion>.
6. Обращение к участникам конференции, к мусульманам Республики Северная Осетия-Алания // ДУМ РСО-Алания. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://islamosetia.ru/2013/05/28/2013-05-28-18-41-54/>.
7. Решение религиозного совета мусульман РСО-Алания // ДУМ РСО-Алания. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://islamosetia.ru/2015/08/27/2015-08-27-18-44-32/>.
8. Обращение I Съезда мусульманок РСО-Алания // Голос Ислама. 2014. № 3(03).

ISLAM IN THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANIA: SOCIAL ACTING AND POLITICAL TRANSFORMATION

Biragova B.M.

North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research named after V.I. Abaev – a branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Scientific Center Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

The article presents a political analysis of the mobilization potential of the Spiritual Administration of Muslims of the Republic of North Ossetia-Alania in the context of the processes of religious and ethnic “renaissance”, re-Islamization and politicization of Islam that have engulfed the national republics of the North Caucasus since the late 20th and early 21st centuries. The relevance of the study is due to the need to study the rapidly changing mobilization role of Islam in the state-confessional, inter-confessional and inter-ethnic communication in the region. The mobilization potential of the Spiritual Administration of Muslims of North Ossetia-Alania in ensuring interreligious and interethnic dialogue is considered from the standpoint of communicative and actor approaches.

Keywords: Islam, Republic of North Ossetia-Alania, Spiritual Administration of Muslims, re-Islamization, culturally complex society, interfaith relations, actor.

References

1. The Republic of North Ossetia-Alania in numbers, 2020: a brief statistical compendium. OP of the North Caucasus Statistical Office for North Ossetia-Alania, 2020. – 237 p. – P. 29. URL: https://stavstat.gks.ru/storage/mediabank/OSET_2020.pdf.
2. Religion. Ministry of the Republic of North Ossetia-Alania for national policy and external relations. URL: <http://minnats.alania.gov.ru/activity/religion>.
3. Decree of the President of the Russian Federation of October 14, 2017 No. 480 “On the celebration of the 1100th anniversary of the Christening of Alania”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42372>.
4. The data are based on the results of the sociological study “Monitoring of state-confessional relations and the attitude of the population towards extremist manifestations in the Republic of North Ossetia-Alania”, conducted by the North Ossetian Research Center of the Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (with financial support from the Ministry of North Ossetia-Alania for national relations) in 2013. URL: <http://minnats.alania.gov.ru/activity/religion>.
5. Religion. Ministry of the Republic of North Ossetia-Alania for national policy and external relations. URL: <http://minnats.alania.gov.ru/activity/religion>.
6. Appeal to the participants of the conference, to the Muslims of the Republic of North Ossetia-Alania // DUM RNO-Alania. Official web-site. URL: <http://islamosetia.ru/2013/05/28/2013-05-28-18-41-54/>.
7. The decision of the religious council of Muslims of RNO-Alania // DUM RNO-Alania. Official site. URL: <http://islamosetia.ru/2015/08/27/2015-08-27-18-44-32/>.
8. Appeal of the I Congress of Muslim Women of North Ossetia-Alania // Voice of Islam. 2014. No. 3 (03).

Применение инструментов политического маркетинга: на примере избирательных кампаний депутатов в Государственную Думу 2021 года

Местникова Алгыстаана Васильевна,

студент, кафедра «Менеджмент», Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
E-mail: algystaana.mestnikova@mail.ru

Данная статья посвящена внедрению маркетинговых технологий в политическую сферу и избирательные кампании. В настоящее время политический маркетинг выступает как эффективная технология продвижения политического продукта в избирательной кампании. Актуальность данной темы обусловлена тем, что политические выборы как механизм формирования органов власти являются необходимым элементом любого современного демократического государства. И сущность политических выборов - конкуренция и неопределенность результатов, принуждает к использованию различных технологий воздействия на общественное мнение.

В статье автор приводит технологии, обеспечивающие успех в избирательной кампании. И на основе данных технологий анализирует избирательную кампанию выборов депутатов в Государственную Думу 2021 года на примере Республики Саха (Якутия). Результаты исследования показали, что региональный политический маркетинг имеет свои недостатки, особенности и продолжает развиваться.

Ключевые слова: политический маркетинг, маркетинговые технологии, избирательная кампания, выборы депутатов в Государственную Думу, Республика Саха (Якутия).

Современная политическая практика выявила одним из самых эффективных инструментов маркетинговые технологии и политический маркетинг. Методология и технологии маркетинга оправдывают свои возможности не только в экономических, но и в политических процессах. Маркетинг, внедряясь в анализ политических процессов, сохраняет свои основные понятие и подходы. Один из известных теоретиков политического маркетинга Дж. О'Шонесси отметил, что политический маркетинг должен использовать большинство инструментов коммерческого маркетинга [7, с. 236].

В мировой научной литературе вопрос исследования избирательных кампаний является одним из основных тем второй половины XX века. Поскольку выборы и электоральное поведение взаимосвязаны с эффективным функционированием демократии. Рассмотрим несколько подходов к изучению электорального поведения.

Социологический подход к исследованию выборов появился в 1940–1950-х гг. Ученые Колумбийского университета (Н. Лазарсфельд, Б. Барельсон и др.) рассматривали особенности электорального поведения групп избирателей с помощью бихевиористской методологии [2, с. 64]. Также выявлялись причины, которые оказывают существенное влияние на выбор гражданина. Данный подход подразумевает использование социологического опроса общественного мнения.

Социально-психологический подход. Появился во второй половине XX века в Мичиганском университете (А. Кэмпбелл, В. Миллер, Д. Стоукс и др.) [8, с. 38]. По мнению исследователей, избиратель, голосуя за определенного кандидата, ориентируется своими внутренними мотивационными установками. Поэтому они стали рассматривать эти установки в качестве основополагающего фактора в определении гражданской политической позиции и соответственно, в принятии решения за кого проголосовать.

Коммуникационный подход (1950–1960-е гг.) посвящен изучению средств массовой информации в избирательных процессах. Ученые, придерживающиеся данного подхода, пришли к выводу, что роль СМИ в политических кампаниях существенна и с каждым годом требует масштабных исследований [9, с. 49]. Кроме того, ими изучается влияние пропаганды на принятие электоральных решений.

Таким образом, в начале 60–70-х годов появился новый подход – политический маркетинг. Французский исследователь политического маркетинга М. Бонгран считает, что политический маркетинг – это «совокупность, технических приемов, имеющих целью обеспечить более тесную связь кандидата со своим потенциальным электоратом, познакомить кандидата с максимально большим числом избирателей и с каждым избирателем в отдельности, подчеркнуть разницу между ним и его конкурентами и противниками и, используя минимум средств, добиться в ходе кампании оптимального числа голосов избирателей, необходимого для победы» [6, с. 387].

Политический маркетинг ставит перед собой различные задачи на пути к достижению эффективного продвижения политического продукта. Главная цель данной деятельности определяется целями и интересами субъекта.

екта политики. Например, это выиграть на выборах. Тогда цель будет, во-первых, заинтересовать широкий круг людей, во-вторых, продать, то есть сделать их своими избирателями. В данном случае, команде кандидата необходимо провести полный маркетинговый анализ политического рынка.

Технологиями политического маркетинга мы называем такие инструменты и методы, которые способствуют формированию у электората запоминающего образа политического актора. По версии российских исследователей, технологии, обеспечивающие успех в избирательной кампании, включают:

- 1) психотехнологии политической рекламы, коммуникации и создания имиджа, зрелищ;
- 2) технологии контактов со средствами массовой информации;
- 3) технологии создания информационных продуктов (лозунгов, текстов, клипов, газет, фотопортретов);
- 4) технологии политической интриги;
- 5) «от двери к двери» кампанию;
- 6) технологии сбора и анализа информации (социология, психология);
- 7) кампанию «директмэйл»;
- 8) кампанию телефонного обзвона избирателей;
- 9) технологии мобилизации общественно-политической поддержки;
- 10) технологии печати и распространения печатных материалов [5, с. 265].

Таким образом, технологии политического маркетинга являются специфичными приемами ведения предвыборной борьбы, отличными от других видов политических технологий. Далее, мы разберем вышеприведенные технологии применительно к региональным избирательным процессам Республики Саха (Якутия), в частности, выборов депутатов в Государственную Думу, которые проходили 17–19 сентября 2021 года.

Выборы в Государственную Думу непосредственно в Якутии отличились довольно высоким результатом явка – 51, 23%, на участки пришли 337 758 жителей. И на наш взгляд данная предвыборная кампания в целом показала, что важнее всего мобилизовать избирателей на участки, так как именно явка и способствовавшие этому технологические действия привели к полученным результатам. На выборах депутатов Госдумы восьмого созыва в Республике Саха (Якутия) победу одержала партия КПРФ, набравшая 35,15%. За «Единую Россию» проголосовали 33,22% избирателей. Следом идут «Новые люди» (9,87%), «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» (8,19%) и ЛДПР (5,14%) [4].

По Якутскому одномандатному избирательному округу № 24 также лидером стал кандидат от КПРФ Петр Аммосов, его поддержали 21,61% избирателей. За Петра Черкашина «Единая Россия» отдали голоса 20,07% жителей, у представителя партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» Федота Тумусова – 19,55% [4].

В последние несколько лет очень ярко прослеживается тенденция цифровизации предвыборных кампаний. В наше время, особенно в условиях сложной эпидемиологической ситуации, предвыборная агитация должна быть построена немного по-другому. У кандидатов не было возможности обойти всех избирателей, устраивать многоярусные встречи, у людей также особо нет времени читать газеты, новости. Поэтому акцент безусловно был направлен на социальные сети.

На наш взгляд, даже бумажные плакаты и раздаточные материалы потеряли актуальность и должны быть сокращены в количестве. Здесь проблема заключается в вопросе экологии и мусора. Например, жители Якутска выразили недовольство на обилие листовок кандидата

в депутаты Госдумы Василия Николаева. В соцсетях горожане активно делились фотографиями своих домов и подъездов, обклеенных многочисленными плакатами с лозунгом «Люди важнее». Таким образом, у избирателей сложилась негативная ассоциация с кандидатом.

Но все же в основном агитационная работа кандидатов активно велась в социальных сетях Инстаграм, TikTok, а также в мессенджере WhatsApp. Так, Федот Тумусов благодаря TikTok поднял свой уровень узнаваемости не только по Якутии, но и России. Его аккаунт стал популярным благодаря трендовым коротким видео о его деятельности в Госдуме и жизни за кадром. Контент, который он выпускает, можно охарактеризовать как развлекательный, но в то же время вовлекающий и информационный. Данная социальная сеть уже набрала широкие обороты, о чем свидетельствует то, что большие медийные личности и коммерческие и некоммерческие организации создают и прокручивают свои аккаунты. Поэтому сейчас уже нельзя игнорировать и недооценивать эффективность продвижения в социальной сети TikTok.

Социальная сеть Instagram за последние пару лет только начинает закрепляться как площадка для агитационной работы. Проанализировав аккаунты кандидатов в депутаты Госдумы можем заключить:

Из 9 кандидатов по одномандатному избирательному округу продвижением в Инстаграме активно пользовались 6 кандидатов – это Жирков Егор (партия «Зеленые»), Николаев Василий («Новые люди»), Ноговицын Анатолий («Яблоко»), Парахин Гаврил («ЛДПР»), Тумусов Федот («Справедливая Россия»), Черкашин Петр («Единая Россия»)

Общие тенденции продвижения заключаются в озвучивании с программой, в ряде агитационных видео и постах поддержки с различными известными людьми нашей республики.

Среди кандидатов также было популярным интервью и прямые эфиры с известными блогерами-ведущими. Например, Ноговицын Анатолий провел совместный прямой эфир на странице блогера-активиста Игоря Назарова @nazarovykt, который стал феноменом во время данной избирательной кампании своими резонансными видео материалами. Также у Василия Николаева взяла интервью журналист Яна Угарова @yana_ugarova_jurfix и Николь Егорова в своем канале в YouTube. Егор Жирков тоже провел прямой эфир с ведущей Натальей Михалевой-Сайа на ее инстаграм странице @saya_sakha. Что дает эти интервью и эфиры кандидатам? Десятки тысяч просмотров, лайков и комментариев с вопросами, предложениями, возможность высказаться и познать большую аудиторию интервьюера со своей политической позицией и программой.

Технологию инфоповодов использовали Петр Черкашин и Анатолий Ноговицын. Кандидат от «Единой России» Петр Черкашин стал известен благодаря социальным роликам, благотворительности и активной помощи в борьбе с лесными пожарами в Якутии. В своем инстаграм аккаунте он регулярно выставлял посты о насущной проблеме лета 2021 года – лесные пожары. Страница Анатолия Ноговицына от партии «Яблоко» был главным источником инфоповодов. Он активно делился в видео-формате с процессом попытки снятия его кандидатуры с выборов, поддержкой Александра Габышева-Шамана у Верховного Суда, освещал «в режиме онлайн» нарушения в процессе выборов и контролировал наблюдателей.

Роль средств массовых информации и черного PR тоже имело место быть в периоде данной избирательной кампании. Так, интервью кандидата Федота Тумусова отказали опубликовать в газете «Якутск вечерний».

Со слов кандидата, «мы получили письмо от директора газеты Николая Никулина о том, что они предлагают нам изменить текст нашего оплаченного материала, в котором озвучена критика партии власти и партии «Новые люди». Мы очень удивились, поскольку в этом случае никакого нарушения нет. Критика тоже считается агитацией, только наоборот» [3]. Таким образом, редакция газеты посчитала данное интервью черным PR и предложила изменить текст. Из этой ситуации команда Тумусова сделала инфоповод – появились статьи о избирательной цензуре в газете «Якутск вечерний», о том, что Тумусов отказался изменить текст и будет бороться с партией власти «в открытую». Выходом из этой ситуации стало размещение в билборде торгового центра «Сахаэкспоцентр» QR-кода со ссылкой на интервью Федота Тумусова. На наш взгляд, команда приняла довольно креативное решение, что вызвало дополнительный интерес общества.

Также черный PR был применен в отношении Василия Николаева, кандидата из партии «Новые люди». В конце избирательной кампании в социальных сетях и мессенджерах появились анонимные рассылки о том, что Василий Николаев имел отношение к финансовой пирамиде «Кэшбэри». Его лицо отредактировали к мему о «Кэшбэри» и распространили в сети.

Еще одной яркой технологией в этой избирательной кампании, на наш взгляд, является альянс и поддержка от блогеров. Данная тенденция проявилась особенно в этом году. Блогеры и медийные личности с большой аудиторией в социальных сетях мобилизовались в поддержку не только тех или иных кандидатов, но и за призыв к голосованию в целом, за явку.

Таким образом, в системе политического маркетинга кроме СМИ сегодня лидирующие позиции начинают занимать и социальные сети. Огромные возможности активного воздействия СМИ на политическое сознание и поведение граждан свидетельствует о важнейшей роли «четвертой власти» в современном обществе.

В каждом конкретном регионе в ходе избирательных кампаний проявляются некоторые региональные особенности политического маркетинга. Обозначим особенности Республики Саха (Якутия):

1) Отсутствие или крайне малое количество профессиональных политтехнологов, обучающих программ в учебных заведениях, установленных методик с учетом региональных особенностей. Отсюда вытекает нехватка кадров, непрофессиональное ведение избирательных кампаний, неэффективное использование финансов.

2) Низкая конкуренция, кандидаты-спойлеры. Практически во всех выборах реальную борьбу за власть ведут 2–3 кандидата. Остальные выступают в качестве формального кандидата, который не имеет шансов победить, но оттягивает на себя часть голосов. Они избирательную кампанию фактически не ведут. Именно поэтому у народа может снизиться электоральная активность.

3) Манипулятивные технологии и технологии дискредитации противника используются редко, в большей степени применяются прозрачные технологии маркетингового типа.

В итоге, мы пришли к выводу о том, что технологии политического маркетинга определенным образом влияют на электоральное предпочтение и результаты выборов (табл. 1).

Данные, приведенные в таблице 1 [1], показывают, что последние 10 лет наблюдался рост явки избирателей на выборах депутатов в российский парламент. Так, если в предыдущих выборах 2016 года явка избирателей по республике составила 47,89%, то в 2021 году уже

51,23%. Также использование технологий маркетинга способствовало изменению политических предпочтений избирателей Республики Саха (Якутия), о чем свидетельствуют результаты выборов последних лет.

Таблица 1. Результаты выборов депутатов в Государственную Думу по Республике Саха (Якутия)

Годы	Явка	Победители по одномандатному округу
1993	50,5%	ЛДПР
1995	47%	КПРФ
1999	64,5%	Единство
2003	55,6%	Единая Россия
2007	63,7%	Единая Россия
2011	60,2%	Единая Россия
2016	47,89%	Справедливая Россия
2021	51,23%	КПРФ

Указывая все вышеперечисленное, мы приходим к выводу о том, что сегодня важнейшей предпосылкой прихода к власти и успешной деятельности политиков становятся научный анализ и разработка технологии организации избирательных кампаний, выявление закономерностей поведения избирателей, способов влияния на их возможный выбор.

На наш взгляд, необходим комплексный подход к внедрению технологий политического маркетинга. Это значит, что нужно обеспечить в регионе использование всех его основных видов, учитывающих состояние спроса на региональный политический товар, расстановку основных политических сил, особенности политических предпочтений граждан региона.

Литература

1. Архив выборов и референдумов // Центральная избирательная комиссия Республики Саха (Якутия). [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.yakut.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-ireferendumov/index.php> (Дата обращения 20.05.22).
2. Балашова, А.Н. Технология избирательной кампании в западной политической науке / А.Н. Балашова // Вестник МГУ. – Серия 12. – Политические науки. – 2000. – № 2. – С. 62–75.
3. «Вечерка» стала томной: От Федота Тумусова потребовали убрать критику из агитационной статьи // Якутия.инфо. 10.09.2021 [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://yakutia.info/article/201015> (Дата обращения 20.12.21).
4. В Якутии обнародовали итоги выборов в Госдуму // Rg.ru 20.09.2021 [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://rg.ru/2021/09/20/reg-dfo/v-iakutii-obnarodovali-itogi-vyborov-v-gosdumu.html> (Дата обращения 16.12.21).
5. Кудинов, О.П. Основы организации и проведения избирательных кампаний в регионах России / О.П. Кудинов. – Калининград: ГИПП «Янтарный сказ», 2000. – 609 с.
6. Морозова, Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии / Е.Г. Морозова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 247 с.
7. О'Шонесси, Д. Конкурентный маркетинг: стратегический подход / Д. О'Шонесси. – СПб.: Питер, 2001 г. – 864 с.

8. Пушкарева, Г.В. Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели / Г.В. Пушкарева // ПОЛИС. – 2003. – № 3, С. 32–41
9. Саетов, И.Г. Технологии избирательного маркетинга в России: дис. канд. пол.наук: 23.00.02: защищена 2006: утв. Г.В. Морозова. – Казань, 2006. – 180 с.

THE USE OF POLITICAL MARKETING TOOLS: ON THE EXAMPLE OF THE ELECTION CAMPAIGNS OF DEPUTIES TO THE STATE DUMA IN 2021

Mestnikova A.V.

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

This article is devoted to the introduction of marketing technologies in the political sphere and election campaigns. Currently, political marketing acts as an effective technology for promoting a political product in an election campaign. The relevance of this topic is due to the fact that political elections as a mechanism for the formation of government bodies are a necessary element of any modern democratic state. And the essence of political elections – competition and uncertainty of results, forces the use of various technologies for influencing public opinion.

In the article, the author cites technologies that ensure success in the election campaign. And based on these technologies, he analyzes the election campaign for the election of deputies to the State Duma in 2021 using the example of the Republic of Sakha (Yakutia). The results of the study showed that regional political marketing has its drawbacks, features and continues to develop.

Keywords: political marketing, marketing technologies, election campaign, elections of deputies to the State Duma, Republic of Sakha (Yakutia).

References

1. Archive of elections and referendums // Central Election Commission of the Republic of Sakha (Yakutia). [Electronic resource]: Access mode: <http://www.yakut.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-ireferendumov/index.php> (Accessed 20.05.22).
2. Balashova, A.N. Electoral campaign technology in Western political science / A.N. Balashov // Bulletin of Moscow State University. – Series 12. – Political sciences. – 2000. – № 2. – S. 62–75.
3. «Evening» became languid: Fedot Tumusov was demanded to remove criticism from the propaganda article // Yakutia.info. 09/10/2021 [Electronic resource]: Access mode: <https://yakutia.info/article/201015> (Accessed 12/20/21).
4. In Yakutia, the results of the elections to the State Duma were announced -v-gosdumu.html (Accessed 12/16/21).
5. Kudinov, O.P. Fundamentals of organizing and conducting election campaigns in the regions of Russia / O.P. Kudinov. – Kaliningrad: GIPP «Amber Tale», 2000. – 609 p.
6. Morozova, E.G. Political market and political marketing: concepts, models, technologies / E.G. Morozov. – M.: «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN), 1999. – 247 p.
7. O'Shaughnessy, D. Competitive marketing: a strategic approach / D. O'Shaughnessy. – St. Petersburg: Peter, 2001–864p.
8. Pushkareva, G.V. The study of electoral behavior: the contours of the cognitive model / G.V. Pushkareva // POLIS. – 2003. – No. 3, S. 32–41
9. Saetov, I.G. Technologies of selective marketing in Russia: dis. cand. pol.nauk: 23.00.02: defended 2006: approved. G.V. Morozov. – Kazan, 2006. – 180 p.

Энергетическая безопасность в теоретическом и концептуальном дискурсе: геополитический, неолиберальный и конструктивистский подходы

Хлопов Олег Анатольевич,

кандидат политических наук, доцент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)
E-mail: rgg2007@rambler.ru

В статье анализируются вопросы конфликтов и сотрудничества в области энергетики с точки зрения ключевых теорий международных отношений, а также содержания понятия «энергетическая безопасность» на примере взаимоотношений России с Европейским Союзом. Рассматривая теоретические аспекты энергетических ресурсов, атомом выделяются два основных подхода: геополитический, содержащийся в основном в реалистических и неолиберальных течениях международно-политических исследованиях и конструктивистский (критический подход), который указывает на ограниченные рамки традиционного анализа проблем безопасности в области энергетики. В работе показаны ограничения, налагаемые на понятие энергетической безопасности его интерпретацией через преимущественно материальные факторы, при игнорировании или неполном признании роли нематериальных факторов, влияющих на динамику энергетической политики государств, на что указывает школа социального конструктивизма.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, энергоресурсы, геополитика, неолиберализм, социальный конструктивизм, Россия, Европейский Союз.

Энергетические отношения в постбиполярном мире

В отличие от прошлых десятилетий, предшествовавших началу специальной операции на Украине в 2022 г., концепции энергетической безопасности и торговых войн практически отсутствовали в политических дискурсах в начале 2000-х гг. Однако в связи с резким ухудшением отношений между ЕС и Россией в последние годы произошел резкий сдвиг нарративов в сторону геополитики, связанной с вопросами конфликтов, угроз и безопасности. Кроме того, в литературе по энергетике наблюдается преобладание традиционных, и геополитических подходов, в основном относящихся к неореалистическим, неолиберальным теориям, на основании которых энергетические ресурсы рассматриваются в контекст конфликтов и конкуренция.

Последние десятилетия «холодной войны» и годы после ее окончания были отмечены либеральным подходом к импорту ископаемого топлива из Советского Союза в Европу, когда члены Европейской комиссии и другие нейтральные государства начали импортировать природный газ и нефть через трубопроводы, построенные в этот период, тем самым преодолевая политическое разделение железного занавеса [22]. В 1990-е гг. логика международных энергетических отношений все еще была преимущественно экономической.

В 1993 г. Польша договорилась с Москвой о строительстве газопровода «Ямал», а в конце 1990-х и середине 2000-х гг. «Газпром» и несколько европейских компаний присоединились к проекту газопровода «Северный поток». В этот период энергетические отношения в основном рассматривались как коммерческая связь, как взаимная экономическая зависимость между Восточной и Западной Европой.

Такая энергетическая динамика происходила в тесной связи с общими тенденциями преобразований после «холодной войны». В конце «холодной войны» геополитическая озабоченность властью, суверенитетом и территорией была заменена либеральной заботой «государства-конкурента» о взаимозависимости, торговой и рыночной логике [6]. Тем не менее такое расхождение между геополитическим и геоэкономическим взглядом преувеличено, поскольку экономический и геополитический миры на самом деле взаимно переплелись и переплелись». Этот период либерального оптимизма не был избавлен от геополитических соображений и политизации нарративов, в том числе в отношении торговли энергоносителями между Россией и ЕС. Доминирование России как единственного поставщика для многих постсоветских государств привело к тому, что ЕС и Соединенные Штаты начали поддерживать строительство альтернативных трубопроводов в обход России в попытке уменьшить зависимость от единственного поставщика и добиться альтернативные источники и маршруты.

В начале 2000-х гг. произошло резкое изменение подходов к импорту углеводородов из России. Россия, развивая свою экономику, основанная на более высо-

ких ценах на энергоносители, начала бросать вызов однопольной системе во главе с США и западному присутствию на постсоветском пространстве, чтобы восстановить свою роль в мире. Как следствие, возникла новое содержание таких понятий как «энергетическая безопасность», «энергетическая дипломатия», «энергетическая зависимость», «геополитика энергетики». Безопасность поставок получила более широкое признание, а вопросы энергетики приобрели политический смысл [23]. Либеральный взгляд на энергетические отношения как на торговлю в условиях взаимозависимости уступил место геополитической интерпретации роли природных ресурсов как потенциал и причина конфронтации и конфликтов.

Инициирование и развитие конкурирующих трубопроводных проектов, поддерживаемых либо Россией, либо западным сообществом, будь то при поддержке США или ЕС, дали новый импульс соперничества. Следовательно, в литературе, связанной с энергетикой, все больше появляются геополитически ориентированные взгляды, которые предупреждают о разрушительных перебоях с газом в Европе и о новых военных конфликтах, возникающих из-за использования газа в качестве энергетического оружия [18].

Тенденция к политизации энергетических проблем в академических кругах шла рука об руку с эволюцией понятия энергетической безопасности для ЕС после его расширения в 2004 г., когда некоторые новые государства-члены в Центральной и Восточной Европе пытались перенести свои исторические опасения по поводу России на энергетическую повестку ЕС.

Однако полного расхождения между либеральным и геополитическим подходами не было. Несмотря на растущую политизацию дискуссий, до 2022 г. характер отношений между ЕС и Россией оставался преимущественно экономическим и торговым по своей сути. Возросший политизированный и конфликтный дискурс не учитывает случаи прочного сотрудничества в нефтяных и газовых проектах в регионе, которые, хотя и не сами по себе, способствовали стабилизации политических отношений между такими государствами, как Грузия и Азербайджан.

До начала вооруженного конфликта на Украине Турция, Греция успешно участвовали как в трубопроводных проектах, поддерживаемых Россией, так и в проектах, поддерживаемых США и ЕС, развешивая идею соперничества и взаимного эксклюзивные проекты в энергетических играх региона [2]. Более того, несмотря на политическую напряженность в 2014 г. торговля энергоносителями, в том числе крайне политизированная торговля природным газом между ЕС и Россией, оставалась неизменной. Даже после начала военной специальной операции в 2022 г., потоки российского газа в Европу продолжились, хотя и на фоне приостановки экспорта в одни страны и сокращения объемов в другие.

Несколько государств-членов ЕС продолжали покупать российский газ в 2022 году, а некоторые, например Венгрия, даже заключили новые контракты на поставку, воспользовавшись нерешительностью ЕС в отношении введения санкций в отношении импорта российского газа. В то время как ЕС был вовлечен в свой крупнейший политический конфликт после Второй мировой войны, энергетическое сотрудничество с Россией продолжалось в течение 2022 г., поскольку у многих европейских стран было мало альтернатив для полной замены поставок российского газа в очень короткие сроки, а меньшинство они открыто высказались за продолжение торговли энергией с Москвой.

Геополитический подход: энергетические ресурсы как источники конфликта

Если в 1980–1990-х гг. природный газ и нефть рассматривались в основном как вопросы экономики и анализировались в рамках рыночной эффективности, то, начиная с 2000-х гг., углеводороды вышли на политическую повестку дня и стали все более политизироваться в контексте подъема развивающихся держав, роста цен на сырьевые товары и более интервенционистского присутствия государства в нефтяной и рынки газа. Природные ресурсы в целом и экспорт российского ископаемого топлива в Европу часто сводились к тому, чтобы трактоваться как инструмент геополитического противостояния крупных держав за счет энергозависимых стран. Таким образом, возникла форма «геополитического редуционизма» который включает *дилемму энергетической безопасности, асимметричную проблему асимметричной взаимозависимости и предубеждения в отношении энергетического оружия.*

Дилемма энергетической безопасности часто используется сторонниками реализма и неолибералами, которые рассматривают то, как в области энергетических отношений ЕС и России стремятся повысить свою собственную энергетическую безопасность, что ведет к усилению озабоченности и беспокойства другой стороны, и, следовательно, к дилемме энергетической безопасности.

Эта парадигма уходит корнями в более широкую литературу по международным отношениям, в которой преобладают геополитические предположения, основанные на реалистически ориентированных, но также и на неолиберальных постулатах. Реализм исходит из принципа: государства живут в состоянии анархии и отсутствия центральной власти, способной обеспечить выполнение обязательных соглашений [25] что дает государствам возможность отстаивать свои интересы в одностороннем порядке и демонстрировать мало стимулов для сотрудничества [14].

Для неореалистов дебаты об энергии и ресурсах изображались как игра с нулевой суммой, в которой ЕС и США, с одной стороны, и Россия, с другой, выступали в качестве конкурирующих главных героев [11]. Ресурсы тесно связаны с насилием и войной, а государства как главные действующие лица озабочены своим выживанием, что выражается в беспрепятственном доступе к ресурсам [12]. Конфликт возникает из дилеммы безопасности, ситуации, когда сторона, стремящаяся обеспечить свою безопасность, наращивает свои возможности, но такие меры воспринимаются другой стороной как угроза, и поэтому она будет ответить своими оборонительными действиями, угрожая противнику даже больше взамен. Таким образом, такие действия приводят к спирали конфликта, в которой государство, стремящееся к безопасности, выбирает, как правило, конкурентную стратегию, а не стратегию сотрудничества.

Ухудшение политических отношений между ЕС и Россией в последние годы часто помещалось в реалистические рамки дебатов и анализировалось через призму геополитики. Это нашло отражение в изменении дискурса с обеих сторон: Брюссель и Москва взяли на себя обязательство уменьшить взаимную зависимость и искать альтернативные рынки, соответственно, поставщиков. Как следствие, Россия ориентировалась на Турцию и Восточную Азию, а ЕС искал альтернативные источники поставок на Ближнем Востоке, в Северной Америке, Северной Африке и Южном Кавказе. Таким образом, потребность в диверсификации интерпретируется как стремление повысить собственную энергетическую

безопасность акторов, будь то безопасность спроса, как в случае с Россией, или безопасность поставок в ЕС [15].

В то же время такая интерпретация энергетической политики игнорирует сложную динамику энергетических отношений, которая также способствовала сотрудничеству. Сведение решений акторов к опасениям, которые толкают их к конфликту, игнорирует широкий спектр доступных им вариантов и множество стратегий, которым они могут следовать в разное время, исходя из разного опыта и потребностей. Выбор, который делает актор в сторону конфликта или сотрудничества, или того и другого одновременно, определяется не только внешними ограничениями или распределением власти, как утверждают реалисты, но также их идеями и целями в сочетании социальной и материальной природы среды, в которой действуют государства.

Асимметричная взаимозависимость в энергетических отношениях между ЕС и Россией. Сторонники неолиберального подхода утверждают, что, несмотря на предпринимаемые в последние годы усилия по диверсификации энергоресурсов и маршрутов транспортировки, ЕС по-прежнему находится в асимметричном отношении взаимозависимости с Россией как крупным поставщиком природного газа. Это было оправдано в контексте истощения собственных ресурсов в Северном море, расширения ЕС и растущей зависимости от импорта газа.

Неореалистов беспокоит угроза безопасности, которую представляет асимметричная зависимость в энергетических отношениях, опасаясь, что сторона, находящаяся в выигрыше, будет использовать этот дисбаланс в качестве рычага против более зависимой стороны. Для неореалистов взаимозависимость – это уязвимость, открывающая путь конфликтам между государствами для обеспечения доступа к экономическим ресурсам [12].

С этой точки зрения, после споров о транзите газа между Россией и Украиной (2006 и 2009 гг.), воссоединение с Крымом (2014 г.) и начала вооруженного конфликта на Украину (2022 г.), импорт природного газа из России в Европу в значительной степени сократился, и он стал изображаться в рамках аргумента «энергетического оружия» – намерение России использовать свой статус основного экспортера газа в качестве рычага воздействия на европейских государств-потребителей, а также в качестве инструмента политического давления и внешнеполитического инструмента в отношениях со странами в ее бывшей сфере влияния [13].

В примирительном тоне Дж. Най заявляет, что взаимная зависимость, подразумеваемая взаимозависимостью, не является ни хорошей, ни плохой [19], в то время как Д. Коупленд утверждает, что высокая степень взаимозависимости может быть либо побуждением к миру, либо побуждением к войне, в зависимости от ожидания от будущей торговли [11]. Следовательно, способность торговли влиять на сотрудничество и динамику конфликта вовлеченных сторон зависит от степени симметрии отношений между ними.

Изменение представления об изменении статуса ЕС в тандеме энергетической взаимозависимости с Россией после 1999 года привело к дальнейшему распространению в литературе антитезы между рыночно-либеральным ЕС и ненадежной ресурсно-ориентированной националистической России, рассматриваемая ЕС как «Другой» [1]. Как следствие, стало понятно, что энергетические отношения ЕС с Россией должны быть «нормализованы», что отклонение должно быть исправлено путем возврата на рыночно-либеральный путь [4].

Европа не является однородным игроком, и в то время как некоторые новые государства-члены стреми-

лись отразить свое видение политической и энергетической повестки дня ЕС, более старые государства-члены в Западной Европе оказались менее заинтересованными в том, чтобы пожертвовать импортом углеводородов из России из-за исторических опасений, которые они часто не разделяли, иногда из-за разного прошлого опыта взаимоотношений с Москвой, а иногда из-за разной степени зависимости от поставок энергоносителей из России.

Хотя Россия, несомненно, использовала геополитический подход в отношении своей внешней энергетической политики, до 2022 года она также все чаще использовала рыночный подход в своих отношениях с ЕС. В свою очередь, несмотря на то, что ЕС в основном следовал рыночно-либеральной парадигме, он, приняв более интервенционистский подход – прямое участие в политике трубопроводов Южного газового коридора и трубопровода «Набукко».

В 2022 г. ЕС принял резкий геополитический нарратив в отношении своих энергетических отношений с Россией, заменив прежний язык сотрудничества открытым оправданием своего решения отказаться от импорта российского ископаемого топлива и продвигать свою чистую энергию, с использованием аргументов, основанных на новом геополитическом контексте, вызванном вооруженным конфликтом на Украине, изображаемой как нападение на саму Европу.

Очевидно, что ЕС, и Россия начали использовать комбинированный подход к энергетике, смешивая свое традиционное отношение к энергии с другими стратегиями, используя одновременно разные типы энергии. Действия ЕС основаны на его собственной потребности сохранить чувство психологической безопасности, порядка и стабильности, чтобы снизить собственные экзистенциальные тревоги по поводу способности ЕС стать ключевым игроком в мировой политике.

Предвзятость энергетического оружия. Опираясь на дебаты об асимметричной взаимозависимости, тезис об «энергетическом оружии», широко используется в последние годы, и в частности после начала военной операции на Украину, чтобы предупредить о том, что Россия намеренно использует зависимость Европы от ее углеводородов с целью оказания политического давления на страны-импортеры и продвижения недемократических внешнеполитических целей.

Некоторые эксперты рассматривают двусторонние соглашения, заключенные между Россией и различными государствами-членами ЕС, как стратегию Москвы по использованию стратегии «разделяй и властвуй», используя отсутствие сплоченности ЕС в энергетической сфере [5]. Аргумент о ценообразовании в основном использовался для демонстрации того, как Россия использовала льготные цены на свои углеводороды, чтобы вознаграждать и удерживать близкие страны, которые считались дружественными, в то же время навязывая более высокие цены тем, кто стремился к членству в ЕС и НАТО.

Украинский кризис поднял тему «энергетического оружия» на еще более высокий уровень популярности, и на сцену вышли неореалистические геополитические подходы. Несмотря на жесткую риторику в отношении России, объем торговли энергоносителями между ЕС и Россией увеличился, при этом экспорт российского газа в Европу и Турцию увеличился со 161,5 млрд куб. м до 179,3 млрд. куб. Кроме того, поток газа в Европу никогда не прерывался во время кризиса.

«Энергетическое оружие» обоюдно острый инструмент, поскольку Россия также зависит от продажи своего ископаемого топлива в Европу. Несмотря на не-

давнюю диверсификацию энергоресурсов на Дальний Восток, Европа оставалась до 2022 г. основным покупателем и, следовательно, самым важным источником доходов в национальный бюджет России. Тема об «энергетической войне» переросла в нарратив об «энергетической войне», а платежи за российский газ превратились в с точки зрения европейских чиновников в «кровавые деньги». Страх, тревога, чувство угрозы и политизация энергетики достигли небывалого пика.

Прекращение поставок российского газа в Болгарию и Польшу весной 2022 г. стало первым крупным торговым событием, вызвавшим страх Европы перед выживанием, столкнувшись с возможностью того, чего она боялась больше всего – полной потери поставок российского газа в очень быстрой форме, избегая в первые месяцы конфликта введения полных санкций в отношении импорта российского газа.

Другие аналитики призывали Европу самой применить энергетическое оружие против России, приняв полное эмбарго на российскую нефть и газ, утверждая, что самой мощной альтернативой ракетам является энергетическое оружие [16]. Таким образом, аргумент «энергетического оружия» становится ограниченным, когда он игнорирует сложность мотивов, как материальных, так и нематериальных факторов, лежащих в основе решений и предпочтений акторов.

Все геополитически ориентированные подходы, рассмотренные выше, включают в себя анализ, основанный на материальной силе, демонстрируя ограниченный взгляд на сложность факторов и взаимодействий, которые формируют конфликт и случаи сотрудничества, а также динамику энергетической политике. Эти интерпретации носят ограниченный характер, игнорируя сложные механизмы, формирующие взаимодействие между энергетическими субъектами и их мотивацию, основанную на множестве материальных и нематериальных факторов. Как следствие, игнорируются множество других факторов (когнитивных, психологических, исторических), которые существуют при определении содержания энергетической безопасности.

Секьюритизации энергетики в конструктивистском подходе международных исследований

Социальный конструктивизм и теория секьюритизации в последние годы стали чаще использоваться для объяснения политизации энергетического дискурса в Европе, и поэтому они актуальны благодаря их вкладу в вовлечение большего числа игроков в анализ аспектов и проблем энергетической безопасности и обращение внимания на значение нематериальных факторов. Социальный конструктивизм хорошо известен своими работами, посвященными роли идентичностей и представлений в построении безопасности, принимая во внимание важность нематериальных аспектов безопасности, но не исследует роль когнитивных и психологических факторов, лежащих в основе выбора акторов – конфликт и/или сотрудничество.

Неоклассический реализм и социальный конструктивизм пытаются связать внутренний и международный уровни и добавить анализ нематериальных факторов к пониманию динамики безопасности. Неоклассические реалисты признают роль интересов акторов, прошлого опыта и поиска престижа в принятии решений и формировании отношения к конфликту или сотрудничеству. Они открывают возможности для сотрудничества, но остаются пессимистичными в отношении его долго-

вечности. Для неоклассических реалистов кооперация – скорее явление, чем институционализированная структура, при этом в центре внимания остается государство и власть, хотя и опосредованная через роль внутренних факторов [3].

Такие авторы, как Т. Касиер [9] и М. Сидди, подчеркивают роль восприятия и истории в формировании решений и поведения акторов на энергетической сцене. Сидди указывает на то, что история и предыдущий опыт, на которых строились национальная идентичность и дискурсы, играют важную роль в том, как разные европейские государства строят свой образ России как поставщика энергии, воспринимая ее иногда как злонамеренную экспансионистскую энергетическую державу, а в другие времена как необходимого торгового партнера [21].

По мнению Л. Тичи именно дискурсы и интерпретации энергетических отношений между ЕС и Россией способны выйти за рамки простого отражения материальной реальности и изменить поведение действующих лиц, а также характер институтов, которые они создают, формируя новые господствующие идеи, которые, в свою очередь, определяют социальные нормы, ценности и политические практики, на основе которых в конечном итоге формируются идентичности [20].

Р. Уокер был одним из первых авторов, которые ввели понятие критического восприятия безопасности [24,78]. С тех пор этот подход расширился, включив в себя различные теоретические направления и школы мысли, превратившись в довольно общую концепцию, охватывающую большое разнообразие представлений о том, что означает критическая безопасность. Хотя классификации могут быть слишком широкими, мы ограничимся двумя широко известными основными теоретическими направлениями области исследования безопасности – *Копенгагенской и Парижской школами*.

Эти школы критических исследований в области безопасности внесли существенный вклад в исследования международных отношений, предоставив расширенный взгляд на разнообразие вопросов безопасности и действующих лиц, а также на их взаимодействие в мировой политике.

Копенгагенская школа и ее обширный вклад в теорию секьюритизации приближает нас к идее привнесения энергии в повестку дня безопасности. Тем не менее она оказалась ограниченной в понимании сложности материальных и психологических факторов, лежащих в основе смены парадигмы в подходе к энергии.

Что общего у различных подходов к критическим исследованиям безопасности, так это общее предложение углубить повестку дня безопасности, чтобы признать также других акторов, помимо государства, в качестве референтных объектов безопасности: индивидуумов, групп, институтов, в отличие от традиционных исследований безопасности, в которых государство выступает в качестве референтного объекта. Они также выступали за расширение повестки дня в области безопасности, чтобы включить в нее другие угрозы, помимо военных.

Б. Бузан, представитель Копенгагенской школы предлагает разделить безопасность на пять разных секторов: военный, экологический, экономический, политический и социальный. Копенгагенская школа, однако, сохраняет реалистический язык, когда считает, что безопасность, по сути, связана с выживанием [7]. Таким образом, по мнению сторонников теории секьюритизации, восходящей к Копенгагенской школе, когда проблема становится экзистенциальной угрозой, к ней следует относиться так же, как к военной угрозе, и подвергать исключительным политическим мерам.

Ряд исследователей предупреждает о риске попадания в «ловушку безопасности» при секьюритизации, т.к. при большом количестве вопросов или большей секьюритизации темы всегда существует риск их милитаризации, а попытки секьюритизировать социальные проблемы приведут к усилению чувства незащищенности, и поэтому «политика максимальной безопасности также является политикой максимальной тревоги» [22, 461].

Следует признать вклад, внесенный Парижской школой в изучение методов обеспечения безопасности, а также в изучение роли и поведения специалистов по безопасности и частных охранных компаний в защите критической энергетической инфраструктуры или в том, «как бюрократия «делает» безопасность», в данном случае энергетической безопасности. Важность исследований, связанных с энергетическими ресурсами, с точки зрения безопасности человека, изменения климата и нехватки окружающей среды отражена в теории Гомера-Диксона о том, как нехватка окружающей среды (вызванная истощением и неравномерным распределением ресурсов, а также ростом населения), влияет на международную безопасность, поскольку страны затронуты внутренними конфликтами, вызванными энергетическими и экологическими проблемами иногда становится более авторитарным [17].

Таким образом, следует отдать должное социально-конструктивизму за признание и настаивание на роли нематериальных, идейных факторов: восприятию, идеям, идентичности, интересам, а также неоклассическому реализму за выдвигание на первый план роли интересов акторов в системе международных отношений, влияния прошлого опыта и поиск престижа. Однако ни одна из этих теорий не касается конкретных когнитивных и эмоциональных основ решений энергетических вопросов, основанных на безопасности, путем дополнения анализа их материальных, рациональных ответов когнитивным пониманием того, как их чувство незащищенности влияет на выбор кооперативный или конфликтный путь, или для того и другого одновременно.

Таким образом, энергетическая безопасность следует рассматривать через динамику конфликта и сотрудничества во взаимодействиях между различными акторами и сочетанием материальных, так и когнитивных факторов, которые составляют основу этих отношений между государствами принимаемых ими решений.

Литература

1. Романова Т.А. Энергетический союз ЕС и его последствия для России // Энергетическая политика. 2016. № 6. С. 29–36.
2. Хлопов О.А. Проблемы энергетической безопасности Турции // Вопросы политологии. 2021. Том 11. № 3 (67). С. 835–845
3. Чельцов, М.Б. Сланцевая революция и ее возможные последствия для России // ЭКО. 2013. № 8(470). С. 30–44.
4. Шакиров, Э. Отношения РФ и ЕС в области энергетики // Человеческий капитал. 2021. № 5(149). С. 11–21.
5. Baran Z. EU energy security: time to end Russian leverage // Washington Quarterly. 2007. Vol. 30. № 4. Pp. 131–144.
6. Browning C.S. Geostrategies, geopolitics and ontological security in the Eastern neighbourhood: The European Union and the 'new Cold War' // Political geography. 2018. Vol. 62. Pp. 106–115.
7. Buzan B. et al. Security: A new framework for analysis. Lynne Rienner Publishers. 1998
8. C.A.S.E. Collective. Critical approaches to security in Europe: A networked manifesto // Security dialogue. 2006. Vol. 37. № 4. Pp. 443–487.
9. Casier T. The rise of energy to the top of the EU-Russia agenda: from interdependence to dependence? // Geopolitics. 2011. Vol. 16. № 3. Pp. 536–552.
10. Copeland D.C. Economic interdependence and war: A theory of trade expectations // International security. 1996. Vol. 20. № 4. Pp. 5–41.
11. Dannreuther R. International Relations Theories: Energy, Minerals and Conflict. POLINARES Working Paper. European Commission, 7th Framework Programme 2010.
12. Dannreuther R. Geopolitics and international relations of resources // Global resources. Palgrave Macmillan, London, 2013. P. 79–97.
13. De Haas M. Russia's foreign security policy in the 21st century: Putin, Medvedev and beyond. Routledge. 2010.
14. Jervis R. Realism, neoliberalism, and cooperation: understanding the debate // International security. 1999. Vol. 24. № 1. Pp. 42–63.
15. Judge A., Maltby T., Sharples J.D. Challenging reductionism in analyses of EU-Russia energy relations // Geopolitics. 2016. Vol. 21. № 4. Pp. 751–762.
16. Heren P. Time for Europe to Weaponise Energy. The Article. March 03.2022. URL: <https://www.thearticle.com/time-for-europe-to-weaponise-energy>. (дата обращения 01.11.2022).
17. Homer-Dixon T.F. Environmental scarcities and violent conflict: evidence from cases // International security. 1994. Vol. 19. № 1. Pp. 5–40.
18. Lucas E. The new cold war: how the Kremlin menaces both Russia and the west. Bloomsbury Publishing. 2009.
19. Nye J.S. Understanding international conflicts: An introduction to theory and history. Longman Publishing Group. 2003.
20. Tichý L. The diversification discourse of Russia and its energy relations with the EU // Asia Europe Journal. 2019. Vol. 17. № 2. Pp. 179–193.
21. Siddi M. Identities and vulnerabilities: The Ukraine crisis and the securitisation of the EU-Russia gas trade // Energy Security in Europe. Palgrave Macmillan, Cham. 2018. Pp. 251–273.
22. Siddi M. EU-Russia energy relations: from a liberal to a realist paradigm? // Russian Politics. 2017. Vol. 2. № 3. Pp. 364–381.
23. Stoddard E. Reconsidering the ontological foundations of international energy affairs: realist geopolitics, market liberalism and a politico-economic alternative // European Security. 2013. Vol. 22. № 4. P. 437–463.
24. Walker R. B.J. The subject of security // Critical security studies. Routledge. 2002. Pp. 61–81.
25. Waltz K. Theory of International Politics. Boston, MA: McGraw-Hill. 1977.

ENERGY SECURITY IN THEORETICAL AND CONCEPTUAL DISCOURSE: GEOPOLITICAL, NEOLIBERAL AND CONSTRUCTIVIST APPROACHES

Khlopov O.A.

Russian State University for the Humanities (RSUH)

The article analyzes the issues of conflicts and cooperation in the field of energy from the point of view of key theories of international relations, as well as the content of "energy security" by the example of Russia's relations with the European Union. Considering the theoretical aspects of energy resources, the author distinguishes two main approaches: geopolitics that is mainly in realist and neoliberal currents of international political research, and constructivist (critical approach), which indicates the limited scope of the traditional anal-

ysis of security problems in the field of energy. The paper shows the limitations of the concept of energy security by its interpretation through predominantly material factors, while ignoring or incompletely not recognizing the role of non-material factors that influence upon the dynamics of the state energy policy as it indicated by the school of social constructivism.

Keywords: energy security, energy resources, geopolitics, neoliberalism, social constructivism, Russia, European Union.

References

1. Romanova T.A. Energy Union of the EU and its consequences for Russia // *Energy Policy*. 2016. No. 6. S. 29–36.
2. Khlopov O.A. Problems of Turkey's Energy Security // *Questions of Political Science*. 2021. Volume 11. No. 3 (67). pp.835–845
3. Cheltsov, M.B. Shale revolution and its possible consequences for Russia // *EKO*. 2013. No. 8(470). pp. 30–44.
4. Shakirov, E. Relations between the Russian Federation and the EU in the field of energy // *Human capital*. 2021. No. 5(149). pp. 11–21.
5. Baran Z. EU energy security: time to end Russian leverage // *Washington Quarterly*. 2007 Vol. 30. no. 4.Pp. 131–144.
6. Browning C.S. Geostrategies, geopolitics and ontological security in the Eastern neighborhood: The European Union and the 'new Cold War' // *Political geography*. 2018 Vol. 62.Pp. 106–115.
7. Buzan B. et al. *Security: A new framework for analysis*. Lynne Rienner Publishers. 1998
8. C.A.S.E. Collective. *Critical approaches to security in Europe: A networked manifesto* // *Security dialogue*. 2006 Vol. 37. no. 4. Pp. 443–487.
9. Casier T. The rise of energy to the top of the EU-Russia agenda: from interdependence to dependence? // *Geopolitics*. 2011 Vol. 16. no. 3,pp. 536–552.
10. Copeland D.C. Economic interdependence and war: A theory of trade expectations // *International security*. 1996 Vol. 20. no. 4. Pp C. 5–41.
11. Dannreuther R. *International Relations Theories: Energy, Minerals and Conflict*. Polinares Working Paper. European Commission, 7th Framework Program 2010.
12. Dannreuther R. *Geopolitics and international relations of resources* // *Global resources*. Palgrave Macmillan, London, 2013, pp. 79–97.
13. De Haas M. *Russia's foreign security policy in the 21st century: Putin, Medvedev and beyond*. Routledge. 2010.
14. Jervis R. *Realism, neoliberalism, and cooperation: understanding the debate* // *International security*. 1999 Vol. 24. no. 1.Pp. 42–63.
15. Judge A., Maltby T., Sharples J.D. Challenging reductionism in analyzes of EU-Russia energy relations // *Geopolitics*. 2016. Vol. 21. no. 4.Pp. 751–762.
16. Heren P. Time for Europe to Weaponise Energy. The article. March 03.2022. URL: <https://www.thearticle.com/time-for-europe-to-weaponise-energy>. (accessed 01.11.2022).
17. Homer-Dixon T.F. Environmental scarcities and violent conflicts: evidence from cases // *International security*. 1994 Vol. 19. no. 1.Pp. 5–40.
18. Lucas E. *The new cold war: how the Kremlin menaces both Russia and the west*. Bloomsbury Publishing. 2009.
19. Nye J.S. *Understanding international conflicts: An introduction to theory and history*. Longman Publishing Group. 2003.
20. Tichý L. The diversification discourse of Russia and its energy relations with the EU // *Asia Europe Journal*. 2019 Vol. 17. no. 2.Pp. 179–193.
21. Siddi M. Identities and vulnerabilities: The Ukraine crisis and the securitisation of the EU-Russia gas trade // *Energy Security in Europe*. Palgrave Macmillan, Cham. 2018. Pp. 251–273.
22. Siddi M. EU-Russia energy relations: from a liberal to a realist paradigm? // *Russian Politics*. 2017 Vol. 2. no. 3.Pp. 364–381.
23. Stoddard E. Reconsidering the ontological foundations of international energy affairs: realist geopolitics, market liberalism and a politico-economic alternative // *European Security*. 2013. Vol. 22. no. 4. P. 437–463.
24. Walker R. B.J. *The subject of security* // *Critical security studies*. Routledge. 2002. Pp. 61–81.
25. Waltz K. *Theory of International Politics*. Boston, MA: McGraw-Hill. 1977.

Влияние политического процесса на модернизацию системы высшего образования Китая

Чжан Янь,

аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»
E-mail: 1486833095@qq.com

С ростом влияния глобализации на экономику, политику, культуру и другие общественные институты Китая стало уделяться больше внимания процессу реформирования высшего образования в стране, а культурное воспитание китайского населения и человеческие ресурсы вступили в стадию развития, стремящуюся достичь в нем высокого уровня. С начала 21 века высшее образование Китая стремится к модернизации. Она направлена на достижение улучшений и расширение пространства спроса, задействованного населения, структурного пространства, международных связей, сферы качества и культуры с тем, чтобы построить высокообразованную державу мирового значения и заложить прочный фундамент для современной социалистической модернизации. На пути к данной цели правительство страны уделяет внимание также и наличию группы инновационных университетов, культуры и университетского профессорско-преподавательского состава, которые являются вектором к формированию новой культуры китайских университетов и вхождению в ряды стран модернизированного образования.

Ключевые слова: высшее образование Китая, востребованное пространство, модернизация, держава высшего образования, инновации.

Китай вступает в новую эпоху построения сильной державы в области высшего образования, национальная модель поведения меняется от «стратегии догоняющего» к «стратегии уверенности в себе». Стратегическое направление работы является одним из важных ключевых элементов развития, и оно представляет собой сумму реального и виртуального пространства, которым обладает стратегическое мышление, стратегические намерения, стратегические ресурсы и стратегическая реализация. Способность оценивать, понимать и охватывать стратегическое пространство окажет неизмеримое долгосрочное влияние на будущее построение перспектив организаций или страны в целом. [1]

Теория развития образования учит нас, что на развитие образования, особенно высшего, влияют структура численности населения, промышленная иерархия, рост городов и урбанизация, внешняя и внутренняя конкуренция и т.д. Высшее образование сталкивается с четырьмя стратегическими проблемами: распространения, структуры, качества и эффективности. В итоге, в будущем высшее образование Китая столкнется с проблемами шести ключевых направлений развития, таких как пространство спроса, пространство населения, структурное пространство, международное пространство, пространство качества и культурное пространство.

Расширение спроса на высшее образование

Структура высшего образования в Китае прошла три наиболее значимых этапа.

Во-первых, этап ключевой компоновки в начале 1950-х годов, который отождествлялся с развитием главных отраслей национальной промышленности. Во-вторых – этап региональной планировки, который был разработан для национального регионального развития в конце 1990-х годов. В-третьих – этап корректировки, планировки и структуры высших учебных заведений с начала нового века. Это этап популяризации просвещения с целью повышения спроса на высшее образование в Китае.

Модернизация образования является основой роста государства. В новых реалиях построение современной социалистической державы невозможно без развития образования. В докладе ЦК КПК 19-го созыва, генеральный секретарь Си Цзиньпин четко указал: «Создание сильной державы в области образования является основным проектом великого возрождения китайской нации». На Национальной конференции по образованию Си Цзиньпин подчеркнул, что для того, чтобы провести модернизацию образования необходимо хорошо поработать и усилить сферу образования, чтобы люди были довольны. [2] Проанализировав уровни образования, можно сказать, что развитая образовательная держава включает в себя мощные общеобразовательные центры, сферы профессионального и высшего образования. Построение державы в области высшего образования стало историческим стратегическим выбором для развития института во всем Китае.

ЦК КПК в «Стратегии модернизация образования Китая до 2035 года» пишет: «К 2035 году, в целом будет достигнута модернизация образования. Станьте помощ-

ником государства в области образования, способствуйте тому, чтобы наша страна стала великой в области обучения, области народных ресурсов и талантов. К середине этого столетия также необходимо заложить сильный фундамент для построения процветающей, сильной, демократической, цивилизованной, гармоничной и красивой современной социалистической державы». [3] В будущем важной задачей развития высшего образования является важным внесение весомого вклада в повышение всесторонней мощи и конкурентоспособности страны.

Неуклонный рост количества населения, получившего высшее образование

Содействие развитию народонаселения является важной миссией и ответственностью образования, особенно выс-

шего. В 2002 году, общий показатель приема в высшие учебные заведения в Китае впервые превысил 15%, что показывает вступление страны в стадию популяризации международных норм. В 2010 году, этот показатель достиг 26,5%. По количеству учащихся в вузах Китай остается на первом месте в мире уже 10 лет подряд. В 2019 году общий показатель поступивших в высшие учебные заведения страны достиг 51,6%, то есть Китай вышел на стадию популяризации образования на международном уровне.

Исходя из численности выпускников школ в 2015 году в возрасте 18–22 лет, которая составила 90,55 миллиона человек, получивших общее образование, прогнозируется масштаб количества будущих студентов вузов с 2020 по 2035 год (таблица 1).

Таблица 1. Изменения в численности студентов высших учебных заведений в Китае с 2020 по 2035 год

Год	Обучающиеся в возрасте 18–22 лет (десять тысяч человек)	Соотношение поступления и выпуска обучающихся (%)	Прогноз на 50%	Прогноз на 55%	Прогноз на 60%
2020	7581	83.7	3790	4170	4949
2021	7451	82.3	3726	4098	4471
2022	7471	82.5	3736	4109	4464
2023	7440	82.2	3720	4092	4464
2024	7538	83.2	3769	4146	4523
2025	7694	84.9	3847	4232	4616
2026	7800	86.1	4680	5070	5460
2027	7906	87.3	4744	5139	5534
2028	7961	87.9	4777	5175	5573
2029	7967	88.0	4780	5179	5577
2030	7993	88.3	4796	5195	5595
2031	8008	88.4	4804	5205	5606
2032	8075	89.2	4845	5249	5652
2033	8172	90.2	4903	5312	5720
2034	3263	91.3	4957	5371	5784
2035	8193	90.5	4916	5325	5735

Прим.: Данные прогноза численности населения получены от Шанхайской академии педагогических наук. Соотношение поступивших и выпускников, общий показатель приема в высшие учебные заведения, прогнозируется экспертной группой Исследовательского центра развития образования Министерства образования (Исследование стратегии корректировки структуры образования). Соотношение поступления и выпуска обучающихся школьного возраста взято за 2015 год в качестве примера.

В ближайшие 15 лет численность населения школьного возраста, получающего высшее образование, будет демонстрировать тенденцию сначала к снижению, а затем к росту. На это влияет неуклонный рост численности населения школьного возраста и непрерывное увеличение общего показателя приема в высшие учебные заведения, численность студентов вузов Китая и далее будет продолжать увеличиваться. Ожидается рост с настоящих 40,02 миллиона человек примерно до 50–53 миллионов человек. То есть в будущем останется площадь для увеличения масштабов высшего образования на 10–12 миллионов человек (25–30%).

Мартин Троттер подчеркивал, что целью всеобщего высшего образования является равенство групповых достижений, а не равенство индивидуальных возможностей. Всеобщее высшее образование – это высшее образование, которое стремится отражать разумное распределение социальных классов, рас и этнических групп [4].

Проблема неравенства в образовании между различными группами людей всегда беспокоила прави-

тельство страны. В западных регионах, сельской местности и бедных районах Китая наблюдается относительная нехватка возможностей для получения высшего образования, а также большой разрыв в культурном воспитании населения. Анализ данных шестой переписи населения 2010 года показывает, что продолжительность образования на душу населения в восточных регионах составляет 9,17 года, а в западных регионах – 8,28 года; продолжительность образования на душу населения в слаборазвитых районах западных регионов на 3,5–7,0 года отличается от наиболее развитых. В восточных регионах доля населения, получающего высшее образование, отличается более чем на 10%. Поэтому развитие высшего образования в западных регионах является сложной задачей, и расположение высших учебных заведений имеет огромное значение в проектировании городов.

Потребности граждан в получении образования на протяжении всей жизни обеспечивают потенциальное системное пространство для будущего развития высше-

го образования. «Стратегия модернизация образования Китая до 2035 года» провозглашает строительство современной системы образования, которое служит всему народу для обучения на протяжении всей жизни. В качестве первой из своих стратегических целей оно будет играть ведущую роль в новых реформах и развитии образования Китая, подчеркивая основную позицию построения системы непрерывного образования для модернизации.

Большой потенциал структурного пространства высшего образования

Популяризация высшего образования в дальнейшем вызовет более глубокие изменения в самой структуре высшего образования Китая. Изучив особенности популяризации высшего образования в Соединенных Штатах, известный японский ученый Юкио Аmano подчеркнул, что «различных тенденции в направлениях «национализации» и «локализации» по-прежнему являются одной из важных движущих сил, поддерживающих развитие высшего образования в Соединенных Штатах» [5].

Аналогичным образом, после популяризации высшего образования в Китае общее направление корректировки структуры размещения образования – локализация – распространение сверху вниз, с регионами в качестве центров, для удовлетворения потребностей населения в получении высшего образования в интересах местного экономического и социального развития. Второй – урбанизация – сосредоточение внимания на городских агломерациях для удовлетворения требований высокой концентрации населения, промышленности и социальных услуг в мегаполисах.

Создание системы размещения высшего образования, которая в целом адаптирована к структуре размещения населения и в принципе разумна для нее, является стратегической задачей для нового уровня структурной перестройки высшего образования. В будущем она вступит в стадию распределения высшего образования согласно структуре размещения населения. Необходимо активное поощрение на местах, особенно в крупных городах, в организации обычных высших учебных заведений, а также стремиться в течение 10–15 лет сформировать «трехуровневую» систему высшего образования, объединяющую национальный, провинциальный и муниципальный уровни, чтобы получить относительно стабильное и зрелое современное высшее образование, работающее и для системы управления. Это приведет к улучшению иерархической структуры высшего образования в целом и изучению современной системы управления.

Корректировка структуры высшего образования и формирование двух основных систем подготовки в высшем образовании, академической и прикладной, является неизбежным выбором для поддержки строительства инновационной страны и центра производства. В модернизации иерархической структуры высшего образования есть три важные точки роста.

Во-первых, в рамках существующих обычных высших учебных заведений будут добавлены места для получения степени магистра, обучения в докторантуре и постдокторантуре. Масштабы приема в аспирантуру будут продолжать расширяться, и, таким образом, численность населения страны с высшим образованием будет увеличена.

Второе – создание современной системы профессионального образования и формирование «двухуровневой системы» для подготовки специалистов высокого класса.

Третья точка заключается в тесной интеграции экономического и промышленного развития, соблюдении рекомендаций по классификации и разработке характеристик, содействию классификации и развития университетов. Также здесь отмечается повышение способности местных высших учебных заведений развивать одаренных студентов и создавать первоклассные университеты с местными особенностями высокого уровня.

Профессиональный рост высших учебных заведений является ключевым стратегическим направлением развития высшего образования. Современная промышленность оказывает глубокое влияние на профессиональную среду и структуру высшего образования, а ее совершенствование в свою очередь способствует общим инновациям и интерактивному развитию профессиональной структуры.

Стратегические развивающиеся отрасли представляют направление нового витка научно-технической революции и промышленных изменений, ускоряют развитие информационных технологий нового поколения, представленных 5G, высокотехнологичным оборудованием, управляемым интеллектом, а также ускоряют развитие стратегически развивающихся отраслей, таких как транспортные средства новых источников энергии, энергосбережение и защита окружающей среды, цифровое творчество.

В будущем высшее образование Китая будет ориентировано на построение современной экономической системы, уделяя приоритетное внимание развитию передового производства, современных отраслей сферы услуг, стратегических развивающихся отраслей и современного сельского хозяйства, а также развитию профессионально-технических университетов высокого уровня, прикладных высших учебных заведений и небольших специализированных колледжей.

Необходимость быстрого развития международного пространства высшего образования

Международное образование является весомой частью высшего образования и важным этапом для отражения международного сотрудничества в области образования и всеобъемлющей силы национального образования. В 2020 году в топ-100 лучших университетов мира вошли 12 китайских университетов, в том числе Университет Цинхуа (16-е место), Пекинский университет (22-е), Университет Фудань (40-е), Чжэцзянский университет (54-е) и Университет науки и технологий Китая (89-е) [6]. Как рейтинг, так и количество университетов мирового класса в Китае значительно возросло. Согласно всемирному рейтингу университетов Times Higher Education 2021, Университет Цинхуа стал первым азиатским университетом, вошедшим в топ-20 [7]. «Стратегия модернизация образования Китая до 2035 года» направлена на создание международного центра обучения за рубежом и превращение его в важный пункт назначения для обучения за рубежом. Согласно данным Министерства образования, число китайских студентов, обучающихся за рубежом, впервые превысило отметку в 600 000 человек в 2017 году, затем достигло 608 400, увеличившись на 11,74% за год. Китай продолжает сохранять статус крупнейшего в мире источника иностранных студентов [8].

С 2010 по 2019 год Китай оставался крупнейшим поставщиком иностранных студентов в течение 10 лет подряд. Эта тенденция не сильно изменится в краткосрочной перспективе. В ближайшем будущем процесс интернационализации китайского образования может

зависеть от глобальных геополитических и экономических изменений после новой эпидемии коронарной пневмонии.

Международная конкуренция между высшим образованием Китая и развитыми странами неизбежна в связи с укреплением всеобъемлющей национальной мощи Китая и конкурентоспособности его высшего образования. Международная образовательная конкуренция делится на конкуренцию на национальном рынке образования, конкуренцию за качество образования, конкуренцию обучения одаренных студентов и конкуренцию международной образовательной системы [9].

С 2017 года Соединенные Штаты определили Китай как своего главного стратегического противника и конкурента, а их политика в отношении Китая изменилась с состояния сотрудничества и конкуренции на политику сдерживания. Особенно под руководством президента США Д. Трампа, чей лозунг: «Америка превыше всего», развитые страны во главе с Соединенными Штатами перейдут от открытия всех дисциплин высших учебных заведений для китайских студентов к «закрытию высококлассных специальностей и открытию общих специальностей» [10].

Необходимость улучшения качества высшего образования

Самая большая проблема и возможности для улучшения, с которыми сталкивается высшее образование в Китае, – это качество самого образования.

Качество образования – это основа развития и конкурентоспособности высшего образования. «Стратегия модернизация образования Китая до 2035 года» четко гласит: «Развивайте высококачественное образование с китайскими особенностями на передовом мировом уровне». Ядро развития должно отражать требования трех неотъемлемых аспектов. Первый заключается в том, чтобы отразить китайские особенности, так как традиции являются фундаментальным атрибутом китайского социалистического образования. Второе – отражение передового мирового уровня. Продвинутый уровень – это универсальная общая ценность китайского высшего образования. Третье – выражение качественного образования. Высококачественное образование – это уровень развития и качественные характеристики, которыми должно обладать китайское высшее образование. Это не только стратегическая цель будущего развития образования в Китае, но и важнейшее пространство роста для китайского образования.

Для выполнения выше поставленных задач необходимо сформулировать стандарты качества для подготовки разносторонне развитых талантливых сотрудников в области высшего образования, которые идут в ногу о временем, отражая высокие стандарты, требования и качество модернизации образования Китая в новую эпоху., а также создание и улучшение системы оценки качества высшего образования. Таким образом, будет возможна реализация высоких стандартов и развития модернизации образования Китая в новую эпоху.

В соответствии с законами страны, общества и ростом учащихся, нужно разработать и сформулировать систему управления, которая будет благоприятствовать развитию личности и творческому характеру учащихся. Исследование различных моделей обучения одаренных студентов убеждают, что система обучения различным талантам способствует развитию личности учащихся,

достижению полноты знаний и диверсификации способностей [11].

Преимущества высшего образования в культурном пространстве

Культура является важным символом человеческого общества и общим термином для обозначения человеческих творений в процессе социального развития, включая материальную технологию, социальную систему и дух. Культура социалистического высшего образования с китайскими особенностями является важной частью культуры социализма, включая законы об образовании, системы стандартов, управление образованием, показатели качества и уровня образования. Практика и история доказали, что социалистическая культура высшего образования китайской культуры является эпохальной, передовой и превосходной. Китай построит более полную, зрелую и стандартизованную социалистическую систему высшего образования и обеспечит надежность построения мощной страны в области высшего образования. Это важная основа, позволяющая придерживаться теоретической, институциональной и культурной уверенности в курсе процесса.

Управление школами является основой высших учебных заведений. Приверженность руководству Коммунистической партии Китая, следование пути социализма с китайскими особенностями и приверженность идеологии развития, ориентированного на людей, является правильным аспектом вузов страны. Руководство КПК является фундаментальной системой социалистического высшего образования, и это величайшее преимущество и основная культурная коннотация социалистической системы высшего образования Китая. На Национальной конференции по образованию Генеральный секретарь Си Цзиньпин выдвинул 20-значную рабочую политику «объединения сердец людей, совершенствования личности, развития трудовых ресурсов, культивирования талантов и принесения пользы народу», которая идеально унифицирована и в высшей степени совместима с целью Коммунистической партии Китая искренне служить народу. Она отражает основные характеристики китайского образования на более высоком уровне и ориентированность на людей.

Мир имеет долгую историю развития высшего образования. Современная китайская культура университетов переняла опыт Японии, Германии, Советского Союза и Соединенных Штатов, постепенно сформировала качественную культуру социалистических университетов с китайскими особенностями. Современные китайские университеты сформировали стандартную культуру добродетели, и, в первую очередь, справедливую культуру образования без деления на социальные классы, разнообразную культуру индивидуального образования и культуру обучения, основанную на интеграции знаний и действий.

Инновационная культура высшего образования в Китае процветает благодаря повышению качества подготовки талантливых специалистов в качестве основы. Инновации – это душа страны и нации. Важной миссией высших учебных заведений являются идеологические, интеллектуальные и культурные инновации. Наличие группы инновационных университетов, культуры и университетского профессорско-преподавательского состава является ключом к формированию новой культуры китайских университетов и вхождению в ряды инновационных стран.

Можно сказать, что в современном мире развитые западные страны во главе с США по-прежнему занимают лидирующие позиции в области научных и технологических исследований, а исследования в области социальных наук и предметные инновации также занимают доминирующее положение. Реальная дилемма подготовки талантов в китайских университетах заключается в отсутствии способности к инновациям и практических способностей, которые хороши в созидании, но не в изменениях. «Необычность» расы, цвета кожи, языка и культуры специалистов в китайских университетах в определенной степени ограничена, также как и культурная экология мультикультурализма и многомыслия. В таких условиях легко сформировать единую точку зрения на научные проблемы, единое мышление о научных исследованиях и единый способ поведения научной организации, однако, это не способствует столкновению идей, столкновению мнений и инновационному мышлению.

Первоклассный научный центр нуждается в первоклассных талантах, создающим условия для появления новшества. Поскольку высшее образование в Китае вступает в стадию популяризации, необходимо придавать большое значение культивированию инновационной культуры. «Это обеспечивает экологическую основу для построения модели обучения разносторонне мыслящих специалистов, способствует общему повышению грамотности и, в конечном счете, предоставит обществу выдающихся новаторов» [12]. Современным высшим учебным заведениям необходимо воспитывать новое поколение с открытой концепцией, инклюзивным отношением, независимым духом и инновационными способностями, чтобы вносить вклад в развитие специалистов, знаний и мудрости, которые совместимы со статусом образовательного центра мирового класса и научно-технического центра развития науки и техники будущего.

В итоге, высшее образование Китая после вступления в стадию популяризации меняется от более масштабного к более сильному, где еще есть место для дальнейшего развития. Модель изменения высшего образования идет от расширения масштабов к повышению качества. Сервисные возможности высшего образования меняются от адаптации к промышленному развитию до сопутствующей модернизации промышленности, и элементы человеческого капитала играют все более важную роль в итерации промышленности. Современные высшие учебные заведения, с одной стороны, и планирование системы постепенного распространения структуры на местные города, с другой стороны, приводят к тому, что с развитием городов вузы укрупняются в междугородний и международный кластер. Если быть более точным, можно сказать, что современное китайское высшее образование по-прежнему имеет широкие возможности для стратегического развития и роста. Экономика и общество, государственный рынок, спрос и предложение, а также структура качества взаимосвязаны и взаимодействуют между собой, формируя новую стратегическую движущую силу. Образование также будет тесно интегрировано с настоящими управленческими возможностями правительства и школ, чтобы сформировать синергию и совместно сыграть позитивную роль в содействии устойчивому и здоровому развитию высшего образования в Китае на современном этапе.

Литература

1. Гао Шугуо. Эпоха пост-всеобщего образования – национальная стратегия общества знаний. – Пекин:

Издательство высшего образования, 2007. – С. 54–74.

2. Си Цзиньпин. Соблюдение пути развития социалистического образования с китайской культурой и воспитание социалистических специалистов и преемников для всестороннего развития морали, интеллекта, тела, красоты и труда. [Электронный ресурс]. – URL: http://guoqing.china.com.cn/2018-09/11/content_63372596.htm?a=true&f=pad (Дата обращения: 03.12.2022).
3. Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет опубликовали «Стратегию модернизация образования Китая до 2035 года» // Народное образование. – 2019. – № 5. – С. 4.
4. Троу М. Проблемы перехода от элитного к массовому высшему образованию: форма и этап высшего образования в современном обществе после Второй мировой войны // Университетское образование и наука. – 2009. – № 3. – С. 21–29.
5. Юкио Аmano. Японская модель высшего образования. / Пер. Чэнь Уюань. – Пекин: Education Science Press, 2006. – 79 с.
6. Мировой рейтинг университетов QS 2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.so.com/doc/28832114-30295850.html> (Дата обращения: 05.12.2022).
7. Опубликован мировой рейтинг университетов Times Higher Education 2021. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sohu.com/a/416189748_99913199 (Дата обращения: 05.12.2022).
8. Брифинг о тенденциях обучения за рубежом на 2019–2020 годы. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.163.com/dy/article/FLUQDK9P0514A1HE.html> (Дата обращения: 07.12.2022).
9. Ли Ифань, Дин Синьюнь, Ли Цзюнь. Международная образовательная стратегия: Глобальный потенциал, глобальный рост // Информация о мировом образовании. – 2019. – № 14. – С. 41.
10. Панг Юаньчжэн, Динь Донхонг. Новый словарь современной западной теории социального развития. – Чанчунь: Народное издательство Цзилина, 2001. – 432 с.
11. Чжао Цзюньфан, Лю Лин. Анализ 70-летнего опыта высшего образования в Китае и рекомендации по будущему развитию // Современное управление образованием. – 2020. – № 4. – С. 8.
12. Яо Кай, Ли Сижи, Ван Цзяоцзяо. Исследование модели обучения предпринимательских талантов в колледжах и университетах // Современное управление образованием. – 2020. – № 4. – С. 45.

THE IMPACT OF THE POLITICAL PROCESS ON THE MODERNIZATION OF CHINA'S HIGHER EDUCATION SYSTEM

Zhang Yan

Far Eastern Federal University

With the growing influence of globalization on the economy, politics, culture and other public institutions of China, more attention has been paid to the process of reforming higher education in the country. The cultural education of the Chinese population and human resources have entered a stage of development, striving to reach a high level in it. Since the beginning of the 21st century, China's higher education has been striving for modernization. It is aimed at achieving improvements and expanding the space of demand, the population involved, the structural space, international relations, the sphere of quality and culture, so as to build a highly educated world power and lay a solid foundation for modern socialist modernization. On the way to this goal, the government of the country also pays at-

tention to the presence of a group of innovative universities, culture and university faculty, which is a vector for the formation of a new culture of Chinese universities and joining the ranks of countries of modernized education.

Keywords: China's higher education, demanded space, modernization, power of higher education, innovation.

References

1. Gao Shuguo. The era of post-general education is a national strategy for the knowledge society. – Beijing: Higher Education Publishing House, 2007. – P. 54–74.
2. Xi Jinping. Adhering to the development path of socialist education with Chinese culture, and cultivating socialist specialists and successors for the all-round development of morality, intelligence, body, beauty and labor. [Electronic resource]. – URL: http://guoqing.china.com.cn/2018-09/11/content_63372596.htm? a=true&f=pad (Date of access: 12.03.2022).
3. The Central Committee of the Communist Party of China and the State Council published the “Strategy for the Modernization of Education in China until 2035” // People's Education. – 2019. – No. 5. – P. 4.
4. Trow M. Problems of transition from elite to mass higher education: the form and stage of higher education in modern society after the Second World War // Universitetskoe obrazovanie i nauka. – 2009. – No. 3. – P. 21–29.
5. Yukio Amano. Japanese model of higher education. / Per. Chen Wuyuan. – Beijing: Education Science Press, 2006. – 79 p.
6. QS World University Ranking 2020. [Electronic resource]. – URL: <https://baike.so.com/doc/28832114-30295850.html> (Date of access: 12.05.2022).
7. Times Higher Education 2021 World University Rankings published. [Electronic resource]. – URL: https://www.sohu.com/a/416189748_99913199 (Date of access: 12.05.2022).
8. Briefing on study abroad trends for 2019–2020. [Electronic resource]. – URL: <https://www.163.com/dy/article/ FLUQD-K9P0514A1HE.html> (Date of access: 07.12.2022).
9. Li Yifan, Ding Xinyun, Li Jun. International educational strategy: Global potential, global growth // Information about world education. – 2019. – No. 14. – P. 41.
10. Pang Yuanzheng, Dinh Donghong. A new dictionary of modern Western theory of social development. – Changchun: People's Publishing House of Jilin, 2001. – 432 p.
11. Zhao Junfang, Liu Ling. Analysis of 70 years of experience in higher education in China and recommendations for future development // Modern Education Management. – 2020. – No. 4. – P. 8.
12. Yao Kai, Li Sizhi, Wang Jiaojiao. Study of the training model for entrepreneurial talents in colleges and universities. Modern Education Management. – 2020. – No. 4. – P. 45.

Влияние специальной военной операции на Украине на геополитическое равновесие на евразийском пространстве

Шикунов Дмитрий Владимирович,

к.п.н., доцент, доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: dim.shikunoff@yandex.ru

Моисеев Антон Борисович,

старший преподаватель кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: borisyech71@mail.ru

В статье рассматривается проблема влияния специальной военной операции России на Украине на геополитическое равновесие на евразийском пространстве, определяются ключевые субъекты геополитического противостояния и анализируются их позиции в сложившемся раскладе сил в Евроазиатском геостратегическом регионе. Особое внимание уделяется позициям США и Китая как претендентов на мировое политическое лидерство, а также внешнеполитической деятельности России по защите своего суверенитета и особых геополитических интересов как одного из полюсов современного многополярного мира.

Ключевые слова: государство, суверенитет, геополитика, геополитическое равновесие, Евразия, Евроазиатский стратегический регион, евразийское пространство, постсоветское пространство, Россия, США, Китай, Турция, «коллективный» Запад, Украина, специальная военная операция.

Суверенитет государства в современном мире – очень дорогое имущество. Под давлением внешних более могущественных геополитических игроков вестернизированные элиты многих стран – членов ООН, как на Западе, так и на Востоке, пошли сегодня по пути частичного или полного отказа от этого достояния, без особого сопротивления согласившись исполнять чужую волю при осуществлении своей внешней и внутренней политики.

Современная Россия, несмотря на все трудности внутри- и внешнеполитической жизни, напротив пытается отстаивать свой суверенитет и целостность, активно участвуя в мировой политике с собственных, независимых позиций. Даже политические оппоненты России сегодня согласны с тем, что без неё невозможно урегулировать ни один конфликт в мире, признавая право нашей страны на особое влияние в отдельных геостратегических регионах земного шара, в-особенности, на постсоветском пространстве.

Одной из основных задач внешнеполитической деятельности Российской Федерации, согласно Концепции внешней политики России, является «развитие двусторонних и многосторонних отношений взаимовыгодного и равноправного партнерства с иностранными государствами, межгосударственными объединениями, международными организациями и в рамках форумов на основе уважения принципов независимости и суверенитета, прагматизма, транспарентности, многовекторности, предсказуемости, не конфронтационного отстаивания национальных приоритетов; расширение международного сотрудничества на недискриминационной основе, содействие становлению сетевых альянсов, активное участие в них России» [1].

Для решения этой и других внешнеполитических задач наша страна принимает участие более чем в двухстах международных организациях разного уровня и направленности, среди которых Организация объединённых наций, G-20 (клуб двадцати правительств государств с наиболее развитой экономикой мира), БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика), Международная организация стран Азиатско-Тихоокеанского бассейна (АТЭС), Арктический совет, Организация черноморского экономического сотрудничества, Совет государств Балтийского моря и многие другие объединения государств. Существенное влияние на внешнеполитический курс Российской Федерации и обеспечение мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества на евразийском пространстве оказывают сегодня такие международные организации, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Содружество независимых государств (СНГ).

Отказавшись принять в начале 2000-х гг. навязываемую США однополярную систему международных отношений, Россия выдвинула собственную концепцию

многополярности. По праву считая себя одним из полюсов современной системы международных отношений, Россия приложила существенные усилия к тому, чтобы на деле доказать суверенность осуществляемой ею внешней политики, подтвердить свой статус надёжного политического партнёра. Так как в основу концепции полицентричного мира заложен географический принцип (принцип регионального влияния), приоритетным вектором отечественной внешней политики стало именно Евразийское направление, значительную часть которого составляет постсоветское пространство – конгломерат государств, тесно связанных с Россией историческими, экономическими и культурными узами. Непрочность объединений, ранее создаваемых по инициативе трёх наиболее близких идее «евразийской интеграции» государств постсоветского пространства – России, Белоруссии и Казахстана – заставили Москву поставить на повестку дня вопрос о необходимости пересмотра исторической политики взаимодействия государств в Евразийском геостратегическом регионе и выработки некой общей «формулы» единой «евразийской идентичности» [2].

Сложность отношений России с соседями по Евразийскому дому определяется отсутствием у неё детально разработанной доктрины взаимоотношений с ними как на многостороннем, так и на двустороннем уровнях. Поэтому политика России решает здесь скорее не стратегические задачи укрепления собственных позиций, а носит тактический характер и является ответом на возникающие время от времени конфликты. Примерами тому являются «осенняя война» 2020 г. между Арменией и Азербайджаном и последующее перемирие между ними при посредничестве России, а также миссия ОДКБ во главе с Россией по восстановлению порядка в Казахстане в январе 2022 г.

Начавшаяся в феврале 2022 г. специальная военная операция на Украине внесла определенные корректировки во взаимоотношения России со странами евразийского пространства. Страны Закавказья и Средней Азии заняли выжидательную стратегию, с сожалением глядя на Россию, которую Западу удалось втянуть в вооруженный конфликт с Украиной. В этих условиях российское внимание к политике этих стран ослабело, а влияние других «игроков» в этом регионе усилилось.

Всё это происходит на фоне взаимного противостояния ведущих мировых игроков первых двух десятилетий XXI в. – США и Китая, которые в предчувствии грядущих столкновений активно ищут себе политических союзников, используя для достижения своих интересов различные методы воздействия на существующих и потенциальных сателлитов.

США вспомнили безотказный метод «большой дубинки», нагнетая как в отдельных неугодных странах, так и целых регионах земного шара обстановку напряжения, дестабилизации и неуправляемого хаоса. Тем самым, ослабляя других, США пытаются сохранить за собой ускользающее из их рук первенство. Для того, чтобы ослабить российское влияние в Евразии, США особое внимание сосредоточили на дестабилизации политической обстановки в сопредельных с Россией государствах. Деятельность американских спецслужб и связанных с ними международных фондов по подготовке нелегитимных «цветочных» государственных переворотов для смены режимов в Белоруссии, Молдове, Азербайджане и Армении, равно как замена лояльного по отношению к России руководства Украины времён президентства Виктора Януковича полностью проамериканскими ставленниками Петром Порошенко и Владимиром Зеленским является тому наглядным и очевидным подтверждением.

Геополитическое положение Украины как буфера между Западной Европой и Россией, её доминантный в северном Причерноморье выход к морю обусловили откровенно деструктивную, дестабилизирующую роль США в Черноморском регионе. Втягивание Украины в русло американской Евразийской политики в качестве непотопляемого авианосца США, послужившее основной причиной, обусловившей необходимость проведения Специальной военной операции, стало для нашей страны тяжёлым геополитическим ударом и серьёзным историческим испытанием.

В условиях спецоперации на евразийском пространстве значительно возросла роль Турции. В самом её начале Турция выступала за активную поддержку Киева, снабжала его оружием. Однако к лету 2022 г. политика Анкары стала гораздо тоньше. Президент Реджеп Эрдоган решил выступить в роли посредника в этом конфликте. Турция стала активным участником в так называемой «зерновой сделки», в переговорах по обмену военнопленными и других «миротворческих» акциях. Именно Турция стала местом переговоров между советником президента США по национальной безопасности Джейком Салливаном с помощником президента России по международным делам Юрием Ушаковым и секретарем Совета Безопасности РФ Николаем Патрушевым [3]. В штаб-квартире службы турецкой разведки в Анкаре 14 ноября 2022 г. также прошла встреча директора Службы внешней разведки России Сергея Нарышкина и директора Центрального разведывательного управления США Уильяма Бёрнса [4].

Следует учитывать ту роль, которую отводит себе Турция в качестве лидера стран тюркоязычного мира, инициировав создание на базе Совета сотрудничества тюркоязычных государств Организации тюркских государств в составе Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Турции и Узбекистана, а также стран-наблюдателей Туркменистана и Венгрии.

Безусловным военно-стратегическим союзником Турции в Закавказье является Азербайджан, через который должен будет пройти транскаспийский газопровод из Туркмении в Турцию [5]. Сюда нужно добавить и желание Баку через Турцию поставлять свою нефть. Таким образом, в скором времени Турция превратится в главного поставщика с востока на запад газа и нефти. Очень логично сюда укладывается и предложение России сделать в Турции основной хаб по перекачке российского газа в Европу.

Активизировали свою политику на евразийском пространстве и страны Евросоюза, в стремлении которых выйти в своём расширении за пределы европейской культурной идентичности содержится определённый конфликтогенный потенциал. Процесс вступления в объединенную Европу Турции и в перспективе стран Южного Кавказа, не являющихся субъектами европейской культуры и носителями европейских ценностей, может привести к реализации сценариев, негативно влияющих на общее состояние Евразийской безопасности.

Вообще, сегодня со стороны «коллективного» Запада наблюдается значительное повышение внимания к государствам Средней Азии. За недавнее время состоялось несколько региональных мероприятий: в Вашингтоне встреча на уровне министров иностранных дел «С5+1» (Центральная Азия – США), в Сеуле – Центральная Азия – Южная Корея и, наконец, саммит Центральная Азия – Евросоюз. В мае 2022 г. большая правительственная делегация США во главе с помощником госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Дональдом Лу посетила Казахстан, Киргизию, Узбекистан и Таджикистан. Несмотря на заявленную тему «укре-

пление отношений США с регионом и продвижение совместных усилий по созданию более взаимосвязанной, процветающей и безопасной Центральной Азии», главным вопросом для обсуждения стал конфликт на Украине и попытка повлиять на позицию руководства этих стран в плане отказа в помощи России [6]. Темой повторного визита Дональда Лу в Казахстан, Киргизию, Туркмению и Узбекистан в ноябре 2022 г. стало укрепление отношений США с этими странами, а также поиск общих целей для сотрудничества [7]. В октябре 2022 года Казахстан и страны среднеазиатского региона посетил Президент Европейского Совета Шарль Мишель. 31 октября 2022 г. в Казахстане переговоры провела Министр иностранных дел Германии Анналена Бербок [8].

Активизировал свои усилия Запад и в Закавказье. 27 сентября 2022 г. в Вашингтоне по инициативе советника президента США по вопросам нацбезопасности Джейка Салливана состоялись переговоры между секретарем Совета безопасности Армении Арменом Григоряном и помощником президента Азербайджана Хикметом Гаджиевым. Темой для обсуждения стало заключение мирного договора между Арменией и Азербайджаном [9]. Вряд ли попытка вмешаться в переговорный процесс со стороны США ускорит установление мира в Закавказье, но вытеснение России из этого региона для США является, безусловно, важнейшей задачей.

Говоря о позиции Китая в современных условиях, необходимо отметить, что Пекин в отличие от Вашингтона предпочитает действовать тоньше, не навязывая силой, а, скорее, покупая своё влияние в мире. В условиях СВО Китай, имеющий огромное влияние на Евразийском пространстве, пытается это влияние еще более усилить. Развивая политику «великого шелкового пути», Китай планирует полностью контролировать ситуацию на континенте, чтобы с капиталовложениями, которые здесь окажутся, ничего не произошло (как это уже случилось на Украине). Поэтому Китай заинтересован в стабильности и предсказуемости ситуации в Евразии, что отражается на официально декларируемой им позиции призыва сторон конфликта к решению ситуации путём переговоров.

Поскольку исход разворачивающегося противостояния США и Китая пока неясен, стороны пытаются закрепить имеющиеся позиции посредством достижения некоего «статус кво», формально размежевав сферы своего безусловного влияния. Очередная попытка в этом направлении была предпринята президентом США Джо Байденом в ходе встречи лидеров США и КНР на прошедшем в ноябре 2022 г. в Индонезии на о. Бали саммите группы G-20, который поставил перед руководителем Китая Си Цзиньпином вопрос о возможном будущем разделе мира между двумя супердержавами. Условием такого раздела со стороны США должен был стать отказ от поддержки Китаем России и его присоединение к антироссийским санкциям. Из-за противоречий по Тайваню ожидаемый американской стороной результат не был достигнут.

Этот пример наглядно демонстрирует сущность позиции западных государств по вопросу о дальнейшем поддержании баланса сил на Евразийском пространстве. Их руководство на самом деле ждёт результата спецоперации на Украине. Если победит Россия, это будет сигналом к принятию российской модели взаимодействия в Евразии, победит «коллективный» Запад, вектор ориентации сместится на условия, предлагаемые США и их западноевропейскими сателлитами. Поэтому совершенно объяснимым оказалась позиция этих стран при голосовании в Генеральной ассамблее ООН по антироссийской резолюции 13 ноября 2022 г. Они

и не поддержали Россию и не высказались против резолюции [10].

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (Утв. Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/>
2. Самонкин Ю. Евразийский вектор развития современной политики России // <https://www.worldrussia.com/public/index.php/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F/evraziyskiy-vektor-razvitiya-sovremennoy-politiki-rossii>
3. Стало известно о конфиденциальных переговорах советника Байдена с Кремлем // https://lenta.ru/news/2022/11/07/biden_krem/
4. NTV: встреча глав СВР и ЦРУ состоялась в штаб-квартире службы турецкой разведки в Анкаре // <https://www.gazeta.ru/army/news/2022/11/14/19033591.shtml>
5. Транскаспийский газопровод: кто за, кто против и «потянет» ли ЕС туркменский газ // <https://az.sputniknews.ru/20221103/transkaspiyskiy-gazoprovod-kto-za-kto-protiv-i-potyannet-li-es-turkmenskiy-gaz-448175516.html>
6. «Вбивают клин»: зачем американские дипломаты отправились в турне по Средней Азии // <https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/23/14891318.shtml?updated>
7. США нацелились на Центральную Азию: визиты Госдепа в Туркмению, Узбекистан, Казахстан // <https://eadaily.com/ru/news/2022/11/06/ssha-nacelilis-na-centralnuyu-aziyu-vizity-gosdepa-v-turkmeniyu-uzbekistan-kazahstan>
8. Казахстан меняет сырьё на европейские технологии. Германия переносит свои предприятия в Центральную Азию // https://www.ng.ru/cis/2022-10-31/100_31102022_asia.html
9. США организовали в Белом доме встречу представителей Армении и Азербайджана // <https://www.mk.ru/politics/2022/09/28/ssha-organizovali-v-belom-dome-vstretchu-predstaviteley-armenii-i-azerbaydzhana.html>
10. Генассамблея ООН не признала референдумы и приняла антироссийскую резолюцию // <https://www.5-tv.ru/news/405372/genassamblea-oon-nepriznala-referendumi-iprinala-antirossijskuu-rezoluciu/>

THE IMPACT OF SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE ON GEOPOLITICAL BALANCE IN EURASIAN SPACE

Shikunov D.V., Moiseev A.B.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article examines the problem of the influence of Russia's special military operation in Ukraine on the geopolitical balance in the Eurasian space, identifies the key subjects of the geopolitical confrontation and analyzes their positions in the current balance of forces in the Eurasian geostrategic region. Particular attention is paid to the positions of the United States and China as contenders for world political leadership, as well as Russia's foreign policy activities to protect its sovereignty and special geopolitical interests as one of the poles of the modern multipolar world.

Keywords: state, sovereignty, geopolitics, geopolitical equilibrium, Eurasia, Eurasian strategic region, Eurasian space, post-Soviet space, Russia, USA, China, Turkey, "collective" West, Ukraine, special military operation.

References

1. The concept of the foreign policy of the Russian Federation (Approved by the Decree of the President of the Russian Federation

- No. 640 dated 30.11.2016) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/>
2. Samonkin Yu. The Eurasian vector of development of modern Russian politics // <https://www.worldrussia.com/public/index.php/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F/evraziyskiy-vektor-razvitiya-sovremennoy-politiki-rossii>
 3. It became known about the confidential negotiations of Adviser Biden with the Kremlin // https://lenta.ru/news/2022/11/07/biden_kreml/
 4. NTV: the meeting of the heads of the SVR and the CIA took place at the headquarters of the Turkish intelligence service in Ankara // <https://www.gazeta.ru/army/news/2022/11/14/19033591.shtml>
 5. Trans-Caspian gas pipeline: who is for, who is against and will the EU "pull" Turkmen gas // <https://az.sputniknews.ru/20221103/transkaspiyskiy-gazoprovod-kto-za-kto-protiv-i-poty Janet-li-es-turkmenskiy-gaz-448175516.html>
 6. "Driving a wedge": why did American diplomats go on a tour of Central Asia // <https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/23/14891318.shtml?updated>
 7. The USA has set its sights on Central Asia: State Department visits to Turkmenistan, Uzbekistan, Kazakhstan // <https://eadaily.com/ru/news/2022/11/06/ssha-nacelilis-na-centralnuyu-aziyu-vizity-gosdepa-v-turkmeniyu-uzbekistan-kazahstan>
 8. Kazakhstan is changing raw materials for European technologies. Germany is moving its enterprises to Central Asia // https://www.ng.ru/cis/2022-10-31/100_31102022_asia.html
 9. The USA organized a meeting of representatives of Armenia and Azerbaijan at the White House // <https://www.mk.ru/politics/2022/09/28/ssha-organizovali-v-belom-dome-vstrechu-predstaviteley-armenii-i-azerbaydzhana.html>
 10. The UN General Assembly did not recognize referendums and adopted an anti-Russian resolution // <https://www.5-tv.ru/news/405372/genassamblea-oon-nepriznala-referendумы-iprinala-antirossijskuu-rezoluciu/>

Университетская научная школа профессора А.М. Ковалёва

Бутырина Станислава Альбиновна,

к.ф.н., доцент Московского государственного университета спорта и туризма
E-mail: s6354986@yandex.ru

Попова Анна Вячеславовна,

к.с.н., заместитель декана факультета политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: ap.prm2017@gmail.com

Симонова Маргарита Михайловна,

к.с.н., доцент Департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: MMSimonova@fa.ru

Стать о профессоре А.М. Ковалёве, организаторе политологического образования в СССР и России. Научная школа Ковалёва А.М. подготовила целую плеяду российских политологов, которые в настоящее время являются признанными лидерами политической науки и политологического образования в стране.

Ключевые слова: Ковалёв А.М., научная школа, политология.

Масштаб личности учёного, его вклада в развитие науки оценивает история. Исключения составляют наиболее выдающиеся личности, признание которых, чаще всего, происходит уже при их жизни. К числу таких учёных, несомненно, принадлежит и А.М. Ковалёв. Он был включён экспертами в число пятисот наиболее выдающихся интеллектуалов мировой общественной науки.

На его долю выпала честь утверждать предмет и специальность «теория научного коммунизма» в классическом университете. Задача исключительно сложная. Партийно-государственная поддержка этого предмета скорее осложняла, чем благоприятствовала такому внедрению. А.М. Ковалёву нужно было добиться не столько политического, а интеллектуального признания этой науки в МГУ им. М.В. Ломоносова. И без того сложная задача во много крат осложнялась «разобранностью» предмета другими науками: философией, политической экономией, историей КПСС и другими науками.

Научный коммунизм нужно было превратить в фундаментальную науку о строительстве социализма и коммунизма, мировом революционном процессе в настоящую университетскую науку. В этом проявились выдающиеся научные качества личности А.М. Ковалёва. Он также прекрасно понимал, что для такого грандиозного дела нужна хорошо укомплектованная команда единомышленников. Его научная школа начала формироваться ещё в середине шестидесятых годов прошлого века, когда на кафедре, а затем и на отделении научного коммунизма появились профессора и доценты, сложившиеся как учёные в этой области знаний под его влиянием, новые кафедры и лаборатории, учёные советы по защите кандидатских и докторских диссертаций. Безусловно, можно сделать вывод о том, что научная и педагогическая школа А.М. Ковалёва в Московском университете состоялась и она соответствует всем классическим канонам как по уровню вклада в науку, так и по числу последователей. Многие видные учёные и общественные деятели, организаторы образования считают его своим учителем.

Можно ли выделить в творчестве А.М. Ковалёва какие – либо этапы или периоды? На наш взгляд – нет. Реальная жизнь не предоставила ему такой роскоши. Бурные шестидесятые, исключительно интересные выдающимися делами семидесятые, реформационные и либерально-люмпенские девяностые, стабилизационные двухтысячные не давали ему творческой передышки. Он всегда был востребован, у него всегда были ученики, а его фундаментальные знания по проблемам общественного развития позволяли ему уникально соотносить происходящее с развитием и потребностями человека как носителя разума.

Многие конъюнктурно детерминированные учёные считали научный коммунизм такой наукой, в которой достаточно сдабривать свои труды цитатами из классиков марксизма-ленинизма, решений съездов и пленумов, чтобы получить признание в правящих кругах и быть обласканным властью имущими.

За какую бы проблему не брался А.М. Ковалёв, к какому бы периоду времени существования СССР и перестроечного периода это не относилось, в его трудах всегда присутствовала та фундаментальная часть, которая не зависит от времени. Для обоснования данного утверждения предлагаю вспомнить его работу «Содержание и закономерности мирового революционного процесса», изданную в 1974 году в период расцвета «застоя». В те годы учёные всего мира были обеспокоены исследованиями перспектив и пределов роста и развития человечества «Римский клуб»; возможностью наступления «ядерной зимы» в случае применения ядерного оружия (доклад академика РАН Н.Н. Моисеева); обострением экологических проблем (сужение озонового слоя в атмосфере); выделение наиболее важных глобальных проблем того времени: голод, войны, отсутствие возможностей получить бесплатное образование, движение неприсоединения; завершалось крушение колониальной системы и многое другое. В разгаре была изматывающая холодная война стран НАТО и Варшавского договора, США и СССР. Комплексный анализ той эпохи был блестяще осуществлён А.М. Ковалёвым в указанной книге. Мир не был способен справиться с накопившимися проблемами. Нужны были революционные преобразования, которые позволили бы человечеству выбраться из сложившегося напряженного состояния.

К моменту выхода указанной работы во всех странах социализма были решены основные социальные проблемы: бесплатное социальное жильё, бесплатное образование, здравоохранение, бесплатный летний отдых для детей, миллионы ветеранов имели возможность по льготным путёвкам отдыхать в домах отдыха и санаториях, был подписан Договор по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки. Казалось, мы на правильном пути и надо только развивать успех. В новой сложившейся картине мира мировой революционный процесс, по мнению А.М. Ковалёва, «становился всё более сложным и многообразным» [1]. Профессор Ковалёв А.М. один из первых обосновал вывод о том, что «Социалистическая революция, взятая в широком смысле, не сводима к высшей и развёрнутой форме» то есть к революции только вооружённым путём!» [1, 4]. Он призывал к развёртыванию более глубоких исследований ситуации в мире, так как «Необходимо дальнейшее осмысление особенностей современного мирового развития» для разработки стратегии социальных революций [1, 8].

Ковалёв А.М. высоко оценивал осуществляющуюся в семидесятих годах прошлого столетия политику мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем, так как видел в этом «...объективную основу этих процессов» [1, 202].

Значительное место в рассматриваемой нами монографии А.М. Ковалёва уделено анализу всеобщей взаимной зависимости государств. «Современный мир представляет собой определённую материально-производственную целостность, связанную всемирной системой разделения труда, узлами экономической зависимости в рамках мирового хозяйства» – именно такой подход стал, на наш взгляд, источником последующей методологии анализа глобальных процессов. Наличие объективной всеобщей взаимной зависимости порождает, по мнению А.М. Ковалёва, необходимость в установлении разносторонних связей между государствами, многогранного научного и культурного сотрудничества [1, 204]. Эта объективная историческая тенденция к интернационализации всей хозяйственной и духовной жизни, считает А.М. Ковалёв, вытекает из потребностей развития производительных сил. В те годы такое мнение могли высказывать только исключительно творче-

ские личности, так как теоретическое обоснование глобальных процессов ещё только зарождалось в научной среде. Мировые интеграционные тенденции и процессы А.М. Ковалёв видел в развитии производительных сил [1, 205].

Отдавая дань ритуальному цитированию классиков и материалов партийных съездов и пленумов, А.М. Ковалёв делает удачные творческие философские отступления, создавая свою картину, своё видение исторического процесса. Именно такие отступления характеризуют А.М. Ковалёва как выдающуюся творческую личность, предсказавшую многие процессы за десятки лет вперёд.

Отдавая должное общим закономерностям развития мирового революционного процесса, А.М. Ковалёв настаивал на выделении национальных социокультурных традиций, существенно влиявших на тактику его осуществления. В своих трудах он много внимания уделял анализу русской цивилизации. «Русская цивилизация как и всякая как и всякая другая, – отмечал А.М. Ковалёв, – должна строиться с учётом следующих основных компонентов: во-первых, специфики народа; во-вторых, особенностей природной среды; в-третьих, способа производства материальных жизненных благ» [2].

В своём творчестве, в прочем, как и в обыденной жизни А.М. Ковалёв был оптимистом, источавшим веру в человека, его творческие возможности. Анализируя сложные, подчас жестокие события, он с величайшей осторожностью и ответственностью отмечал, что для уверенного взгляда в будущее «...есть веские объективные основания» [1, 205].

А.М. Ковалёв в своих трудах глубоко обосновывал необходимость проведения Советским Союзом политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем, «Урегулирование назревших международных проблем, поддержание нормальных, а где это возможно, то и хороших отношений с государствами, принадлежащими к иной социальной системе» – является, тем самым, основой принципа мирного сосуществования государств с противоположными социальными системами.

Позиция А.М. Ковалёва о невозможности соединения принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем с идеологическим примирением, может стать методологической основой для разработки стратегий отношений современных государств и являться довольно актуальной и в наше время, но теперь этот принцип можно распространить и на более высокий уровень – отношения государств, принадлежащих к различным цивилизационным системам. Именно из-за несовместимости цивилизационных систем за последние двадцать лет под надуманными предлогами неоднократно нарушались основополагающие принципы отношений между государствами, игнорировался Устав ООН (удары стран НАТО по Югославии, разгром Ирака, бомбёжки Ливии, размещение систем ПРО у границ с Россией, запугивание европейских стран мифической российской энергетической угрозой и многое другое). Признание России как государства с рыночной экономикой ничего в принципе не изменило, не подвигло развитие западные страны к честному сотрудничеству с нашей страной. Нерегулируемый государством рынок породил в России смертельную болезнь-коррупцию, с которой можно справиться в наших условиях только эффективной политической организацией общества, Единым народным фронтом, во главе которого находился бы эффективный и патриотически настроенный, знающий страну и её культуру руководитель. На наш взгляд, основным социокультурным противоречием рос-

сийской и западно-европейской цивилизаций является несовместимость российской пассионарности с жёстким западно-европейским, а особенно американским, прагматизмом и функционализмом. Исторический опыт показывает, что послеколумбовские пришельцы практически уничтожили коренные народы, для своей выгоды изменили их образ жизни, ликвидировали цивилизацию ацтеков, традиции и обычаи австралийских аборигенов. Российское продвижение на север и восток не сопровождалось для народов такими трагическими последствиями, Россия поддерживала выживание народов и их прогрессивное развитие.

А.М. Ковалёв как и большинство его учеников и последователей считал, что конечной целью прогрессивной деятельности является производство самой жизни, производство позитивных отношений и что субъектом установления таких гуманистических отношений является рабочий класс, который по своей природе является интернациональным и что только он способен утвердить свободу и независимость стран и народов. «Необходимость чёткого классового подхода, – писал А.М. Ковалёв, – особенно возрастает в современных условиях, когда происходит широкое сближение на поприще экономики, науки и культуры с главными капиталистическими странами» [1, 209]. Много изменилось за последние сорок лет с момента выхода в свет рассматриваемого труда, но человечество так и не нашло эффективных способов сдерживания социально безответственных империалистических сил, порождающих мировые кризисы и предотвращать войны как способа разрешения противоречий.

А.М. Ковалёву как талантливому организатору удалось не только создать в университете отделение по подготовке специалистов по новому направлению, но и собрать кагорту удивительных по добросовестности и служению педагогов. Многие поколения выпускников с благодарностью вспоминают своих учителей – А.И. Куфтырева, Б.В. Князева, И.М. Слепенкова, Е.Г. Шарапову, Н.И. Бочкарёва и продолжающих эти традиции И.А. Козиков, М.С. Кудряшова, В.И. Коваленко, А.Ю. Шутов,

П.А. Цыганков, А.И. Попов, А.П. Кабаченко и многие другие.

Как настоящий создатель научной школы в Московском университете А.М. Ковалёв всегда применял для анализа международных событий глубоко научные методы, так как только такой подход позволял ему определять «...соотношение между объективными и субъективными факторами», выявлять силы, выступающие против угнетения и агрессии [1, 211].

Московский университет всегда славился своими научными школами. В число таких школ по праву входит и научная школа профессора А.М. Ковалёва, которая будет жить и процветать трудами его учеников и последователей.

Литература

1. Ковалёв А.М. Содержание и закономерности мирового революционного процесса. – М.: Изд. МГУ, 1974.
2. Ковалев А.М. Общество – развивающийся организм / А.М. Ковалев. – М.: Квадратум, 2000.

UNIVERSITY SCIENTIFIC SCHOOL OF PROFESSOR A.M. KOVALEV

Butyrina S.A., Popova A.V., Simonova M.M.

Moscow State University of Sport and Tourism, Lomonosov Moscow State University, Financial University under the Government of the Russian Federation

Article about Professor A.M. Kovalev, organizer of political science education in the USSR and Russia. Scientific school of Kovalev A.M. trained a whole galaxy of Russian political scientists who are currently recognized leaders in political science and political science education in the country.

Keywords: Kovalev A.M., scientific school, political science.

References

1. Kovalev A.M. Content and regularities of the world revolutionary process. – M.: Izd. MGU, 1974.
2. Kovalev A.M. Obshchestvo – razvitschiytel'nyi organism / A.M. Kovalev. – M.: Kvadratium, 2000.

Оценка воздействия результатов цифрового развития на социальное благополучие населения Калужской области за 2021–2022 гг.: институциональный подход

Соцкова Екатерина Александровна,
студент КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
E-mail: k18062001@gmail.com

Ерохина Елена Вячеславовна,
д-р экон. наук, профессор, КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
E-mail: eev_bmstu@rambler.ru

В статье рассмотрены результаты цифрового развития Калужской области за 2021–2022 гг. Прослеживается связь между национальными проектами, разрабатываемыми в РФ, и Стратегией социально-экономического развития региона до 2040 года. Выделяются и описываются характерные направления развития Калужской области в соответствии с рассматриваемой Стратегией. Показана актуальность цифрового развития данного субъекта в рамках сложившихся в настоящее время экономических условий. Проведена оценка показателей выполнения государственных программ и подпрограмм в области цифровизации, реализуемых в регионе. Основное внимание сосредоточено на выявлении причин отклонений фактических показателей от плановых по каждому приведенному документу. Сделаны и обоснованы выводы о результатах, полученных в ходе проведенного анализа. Приведены и оценены промежуточные результаты цифрового развития региона за 2022 год. Значительно внимание уделяется ключевым мероприятиям, проводимым в регионе с целью закрепления достигнутого результата и решению актуальных проблем в новых экономических условиях. В заключении сделан вывод об успешности реализации программ и стратегий в рамках утвержденных национальных проектов РФ и о долгосрочном характере цифрового развития Калужской области.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, национальные проекты, цифровая трансформация, Калужская область.

В настоящее время, Национальные проекты, реализуемые в Российской Федерации, являются важнейшим инструментом развития страны и ее регионов. С 2019 по 2030 гг. осуществляются проекты, охватывающие социальные, научно-технические, экономические и культурные сферы жизни общества.

Калужская область является один из субъектов РФ, в котором активно реализуются принятые программы национальных проектов. Мероприятия, осуществляемые в рамках каждого стратегического направления, строго контролируются соответствующими органами, а их эффективность измеряется рядом критериев.

Это подтверждает стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2040 года, поскольку она разработана с учетом национальных стратегических целей, задач и планов [1].

В рамках реализации этой стратегии можно выделить несколько «вызовов» для развития региона:

1. Технологический, что обусловлен влиянием НТП на жизнь общества, создавая потребность в новых товарах и услугах.
2. Демографический – заключается в повышении качества жизни, а также численности населения, что способствует эффективному развитию социальных и экономических сфер.
3. Структурные дисбалансы, что проявляется в инфраструктурной диспропорции внутри и среди регионов, различии комфорта и условиях проживания.

Таблица 1. Приоритеты и стратегические инициативы Стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2040 года

Приоритет	Стратегически инициативы
Социальное благополучие	1. Передовые кадры для индустрии 2. Лига университетских городов 3. Высокий стандарт качества жизни 4. Новая культурная география и туризм 5. Новый социально-активный класс
Высокотехнологическое лидерство	1. Программа гибких производств и реинжиниринг 2. Новый атомный ренессанс и ядерная медицина 3. Программа декарбонизации 4. Научное лидерство и промышленный дизайн 5. Цифровизация – новые вызовы
Новая инвестиционная открытость	1. Модель новой инвестиционной открытости
Территориальная переборка	1. Интеграция с Московской агломерацией 2. Три совместных городских центра 3. Новое административно-территориальное деление

Источник [1]

Исходя из сказанного выше, стоит отметить, что рассматриваемая стратегия содержит несколько ключевых приоритетов развития (таблица 1).

В новых экономических условиях большую значимость и актуальность имеет цифровое развитие региона как для получения научно-технологических преимуществ, так и для развития остальных не менее важных сфер деятельности общества. Поэтому, в соответствии с национальным проектом «Цифровая экономика», в Калужской области данное направление реализуется в виде государственной программы «Информационное общество и повышение качества государственных и муниципальных услуг в Калужской области». Целью госпрограммы является повышение качества жизни граждан и улучшение условий деятельности организаций на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий [2].

В рамках указанной госпрограммы осуществляется следующий перечень входящих в нее подпрограмм:

1. «Развитие информационного общества и формирование электронного правительства в Калужской области».
2. «Повышение эффективности использования информационно-коммуникационных технологий, а также результатов космической деятельности на территории Калужской области».
3. «Совершенствование системы предоставления государственных (муниципальных) услуг (реализации функций)».

Для оценки результатов цифрового развития региона за 2021 год рассмотрим ряд достигнутых показателей по каждой из подпрограмм и в целом.

Итоговые показатели реализации подпрограммы «Развитие информационного общества и формирование электронного правительства в Калужской области» представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты подпрограммы «Развитие информационного общества и формирование электронного правительства в Калужской области»

№ п/п	Наименование показателя	Значение показателя реализации подпрограммы		
		план	факт	% выполнения
1	Доля государственных органов и органов местного самоуправления Калужской области, использующих средства электронного документооборота	46	65	141,304
2	Доля медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения (больницы и поликлиники), подключенных к сети Интернет	100	100	100
3	Доля государственных (муниципальных) образовательных организаций, реализующих образовательные программы общего образования и/или среднего профессионального образования, подключенных к сети Интернет	100	100	100
4	Доля органов государственной власти Калужской области, органов местного самоуправления Калужской области, подключенных к сети Интернет	100	100	100
5	Доля социально значимых объектов, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в соответствии с утвержденными требованиями	100	100	100
6	Количество населенных пунктов Калужской области с численностью населения от 100 до 1000 человек, находящихся в зоне действия сетей беспроводного широкополосного доступа	176	343	194,886
7	Доля автоматизированных рабочих мест сотрудников органов исполнительной власти Калужской области, соответствующих требованиям, предъявляемым к автоматизированным рабочим местам, функционирующим в составе государственных информационных систем, информационных систем персональных данных	28	28	100
8	Доля государственных и муниципальных образовательных организаций, реализующих программы начального общего, основного общего, среднего общего и среднего профессионального образования, в учебных классах которых обеспечена возможность беспроводного широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной «Интернет» по технологии WiFi	26,88	30,33	112,835
9	Доля фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов государственной и муниципальной систем здравоохранения, подключенных к сети Интернет	100	100	100
10	Средний срок простоя государственных информационных систем в результате компьютерных атак	18	0	100
11	Доля зарегистрированных пользователей ЕПГУ, использующих сервисы ЕПГУ в текущем году в целях получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде, от общего числа зарегистрированных пользователей ЕПГУ	30	90,57	301,9
12	Уровень удовлетворенности качеством предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ)	3,8	4,18	110
13	Доля массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде, предоставляемых с использованием ЕПГУ, от общего количества таких услуг, предоставляемых в электронном виде	25	97,8	391,2

№ п/п	Наименование показателя	Значение показателя реализации подпрограммы		
		план	факт	% выполнения
14	Доля обращений за получением массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде с использованием ЕПГУ, без необходимости личного посещения органов государственной власти, органов местного самоуправления и МФЦ, от общего количества таких услуг	15	23,5	156,667
15	Количество видов сведений, предоставляемых в режиме онлайн органами государственной власти в рамках межведомственного взаимодействия при предоставлении государственных услуг и исполнения функций, в том числе коммерческих организаций в соответствии с законодательством	0	0	100
16	Количество государственных услуг, предоставляемых органами государственной власти в реестровой модели и/или в проактивном режиме с предоставлением результата в электронном виде на ЕПГУ	10	89	890
17	Доля расходов на закупки и/или аренду отечественного программного обеспечения и платформ от общих расходов на закупку или аренду программного обеспечения	25	94,42	377,68
18	Количество реализованных на базе единой платформы сервисов обеспечения функций органов государственной власти и органов местного самоуправления, в том числе типовых функций	25	89	356
19	Доля органов государственной власти, использующих государственные облачные сервисы и инфраструктуру	0	0	100
20	Количество государственных (муниципальных) служащих и работников учреждений, прошедших обучение компетенциям в сфере цифровой трансформации государственного и муниципального управления	76	107	140,789
21	Количество информационных поводов, проведенных в целях оказания содействия реализации мероприятий регионального проекта «Цифровые технологии»	2	4	200

Источник: [2]

Анализируя представленную в таблице 2 информацию, можно отметить, что положительным моментом является, тот факт, что все показатели достигают запланированного результата, а часть показателей превышают запланированный уровень. Основными критериями эффективности является успешная реализация региональных проектов, таких как «Цифровые технологии», «Кадры для цифровой экономики» и «Цифровое государственное управление».

Наибольшее отклонение приходится на показатель «Количество населенных пунктов Калужской области с численностью населения от 100 до 1000 человек, находящихся в зоне действия сетей беспроводного широкополосного доступа», рост которого составил 94,886%. Причиной тому служит реализованный прежде федеральный проект «Устранение цифрового неравенства 2.0», в рамках которого были построены антенно-мачтовые сооружения с базовыми станциями сотовой связи (2G и 4G).

Результаты достижений показателей по подпрограмме «Повышение эффективности использования информационно-коммуникационных технологий, результатов космической деятельности в Калужской области» за 2021 год представлены в таблице 3.

По данным таблицы 3, можно сделать вывод о выполнении плановых показателей в целом, а также о положительном отклонении фактического показателя, связанного с публикацией геосервисов на геопортале Калужской области. Это связано со своевременным выявлением потребностей и обработкой заявок органов исполнительной власти и местного самоуправления (ОИВ/ОМСУ) в формировании необходимых для них данных.

Рассмотрим итоговые показатели реализации подпрограммы «Повышение эффективности использования информационно-коммуникационных технологий, результатов космической деятельности в Калужской области» за 2021 год, представленные в таблице 4.

Таблица 3. Плановые и фактические показатели подпрограммы «Повышение эффективности использования информационно-коммуникационных технологий, результатов космической деятельности в Калужской области»

№ п/п	Наименование показателя	Значение показателя реализации подпрограммы		
		план	факт	% выполнения
1	Количество геосервисов, опубликованных на геопортале Калужской области	41	46	112,195
2	Время восстановления работоспособности компонентов информационных ресурсов	8	8	100
3	Доля обработанных и завершенных обращений в единую службу поддержки пользователей в общем количестве обращений по вопросам функционирования компонентов информационных ресурсов	95	95	100

Источник: [2].

Таким образом, видно, что большинство показателей превышает плановое значение, тем самым обеспечивая максимальное значение показателя доли достигнутых результатов региональных проектов, что означает абсолютное выполнение планов всех региональных мероприятий в данной области.

Таблица 4. Результаты подпрограммы «Совершенствование системы предоставления государственных (муниципальных) услуг»

№ п/п	Наименование показателя	Значение показателя реализации подпрограммы		
		план	факт	% выполнения
1	Доля граждан, имеющих доступ к получению государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна» по месту пребывания, в том числе в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг, %	90	97,99	108,878
2	Доля видов регионального государственного контроля (надзора), для автоматизации которых используются государственные (ведомственные) информационные системы, %	80	92,9	116,125
3	Доля достигнутых результатов региональных проектов, %	95	95	100
4	Количество учреждений, организаций, органов власти, органов местного самоуправления, представленных на всероссийском форуме «Цифровая Эволюция», ед.	100	350	350

Источник: [2].

Проведя анализ показателей всех реализующихся подпрограмм в Калужской области по направлению «Цифровая экономика» представим итоговую таблицу

достижений показателей выполнения плана рассматриваемой госпрограммы, а также сравним их со значениями 2020 года (таблица 5).

Таблица 5. Показатели государственной программы «Информационное общество и повышение качества государственных и муниципальных услуг в Калужской области»

№ п/п	Наименование показателя	Значение показателя реализации подпрограммы			
		факт 2020	план	факт 2021	% выполнения
1	Доля населения, проживающего в населенных пунктах на территории городских и сельских поселений Калужской области, в которых имеется возможность широкополосного доступа к сети Интернет, %	94,26	91	94,27	105,593
2	Количество запросов специалистов органов исполнительной власти/ органов местного самоуправления Калужской области, выполненных с использованием результатов космической деятельности (бумажный носитель/электронный носитель/онлайн), ед.	47079	48000	57970	114,521
3	Уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных услуг в соответствии с оценками, переданными в автоматизированную информационную систему «Информационно-аналитическая система мониторинга качества государственных услуг», %	99,41	90	99,7	110,778

Источник: [2].

Таким образом, из таблицы 5 видно, что фактические показатели реализации программы превышают как плановые значения 2021 года, так и фактические значения 2020 года, исходя из чего можно судить об эффективной реализации госпрограммы на протяжении рассматриваемого периода.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Реализация рассматриваемых проектов и программ основана на определении потребностей населения в цифровых ресурсах и средствах, что обусловлено многими факторами такими как, например, пандемия коронавируса, из-за чего развивается тенденция перехода на онлайн обучение; рост числа данных, что требует внедрения новых цифровых платформ для их обработки и хранения и внедрение электронного документооборота и др.;
2. Выявленные потребности удовлетворяются путем создания комфортной и безопасной цифровой инфраструктурой как в образовательных учреждениях, так и в населенных пунктах в целом, обеспечивая возможности доступа к сети Интернет;
3. Эффективность реализации программы достигается благодаря принципу иерархии, поскольку превы-

полнение плана многих показателей госпрограммы основано на успешной реализации региональных проектов.

Оценивая результаты цифрового развития Калужской области на момент 2022 года, стоит отметить, что продолжается активная работа в рамках проекта «Цифровое государственное управление», соответствии с чем 86 государственных и муниципальных услуг подлежат переводу в электронный формат. Результатом данных мероприятий является доступность 96,5% списка услуг. За девять месяцев этого года количество обращений за получением региональных услуг в электронном виде с использованием ЕПГУ составило около 80 тысяч. Это почти в 2 раза больше, чем за аналогичный период прошлого года. Уровень удовлетворенности качеством электронных услуг превысил 4 балла по 5 бальной системе, а именно 99,98% согласно данным регионального кабинета в информационно-аналитической системе «Мониторинг качества услуг» [3].

Немаловажным событием за 2022 год также стала разработка и утверждение стратегии по цифровому развитию Калужской области при Губернаторе Калужской области на период 2022–2024 гг. В самом начале ее ре-

ализации уже были достигнуты определенные результаты в виде создания единого системного подхода к комплексному цифровому развитию во всех отраслях экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления, направленный на повышение качества жизни граждан и улучшение условий деятельности бизнеса Калужской области [4].

В настоящее время становится намного труднее придерживаться и реализовывать утвержденные планы развития регионов в связи с влиянием на это политических факторов. Тем не менее уполномоченными органами и специалистами ведется активное обсуждение и разработка мероприятий для решения наиболее острых проблем. В ходе межрегионального форума «Производственная кооперация и импортозамещение», проходившая в ноябре 2022 года на площадке Торгово-промышленной палаты Калужской области, были представлены актуальные проекты программно-аппаратных комплексов по следующим направлениям: интерактивного контроля безопасности общественных мест и учреждений на основе искусственного интеллекта, онлайн мониторинга состояния окружающей среды и сточных выбросов промышленных производств, анализа состояния компьютерных сетей и оборудования [5]. По итогам собрания было принято решение в дальнейшем организовать мероприятие в рамках калужского «ИКТ Кластера» и партийного проекта «Цифровая Россия» по созданию площадки для презентации этих проектов с целью привлечения финансовой поддержки.

Подводя итог, можно сделать вывод об успешной активной реализации проектов и программ в Калужской области, связанных с цифровизацией. Процесс цифровой трансформации региона носит всеобщий характер, т.е. имеет существенное значение для развития огромного числа сфер деятельности общества, что подробно представлено в Стратегии цифрового развития рассматриваемого субъекта. В долгосрочной перспективе цифровые технологии будут применяться в более чем десятке направлений, что окажет положительные социальные, экономические, экологические и др. эффекты.

Литература

1. Стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2040 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/5620b6962625f388cdf9cff2b88f2f2d/proekt_strategii.pdf (дата обращения: 25.11.22)
2. Годовой отчет о реализации государственной программы Калужской области «Информационное общество и повышение качества государственных и муниципальных услуг в Калужской области» в 2021 году [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.admoblkaluga.ru/upload/oiv/min-digital/gosprogramma/2021/othet2021.pdf> (дата обращения: 27.11.22)
3. Цифровизация услуг Калужской области: Портал органов власти Калужской области [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.admoblkaluga.ru/news/item-7868/> (дата обращения: 27.11.22)
4. Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Калужской области [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.admoblkaluga.ru/upload/oiv/min-digital/digital-economy/strategiy.pdf> (дата обращения: 27.11.22)
5. Цифровая Россия: Сайт KP40.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp40.ru/news/society/95689/> (дата обращения: 26.11.22)

ASSESSING THE IMPACT OF DIGITAL DEVELOPMENT RESULTS ON THE SOCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION OF THE KALUGA REGION FOR 2021–2022: AN INSTITUTIONAL APPROACH

Sotskova E.A., Erokhina E.V.

Kaluga branch Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

The article examines the results of the digital development of the Kaluga Region for 2021–2022. There is a link between the national projects being developed in the Russian Federation and the Strategy of socio-economic development of the region until 2040. The characteristic directions of development of the Kaluga Region are identified and described in accordance with the Strategy under consideration. The relevance of the digital development of this subject within the framework of the current economic conditions is shown. The evaluation of the indicators of the implementation of state programs and subprograms in the field of digitalization implemented in the region was carried out. The main attention is focused on identifying the causes of deviations of actual indicators from the planned ones for each given document. Conclusions about the results obtained during the analysis are made and substantiated. The interim results of the digital development of the region for 2022 are presented and evaluated. Considerable attention is paid to the key activities carried out in the region in order to consolidate the achieved results and solve urgent problems in the new economic conditions. In conclusion, the conclusion is made about the success of the implementation of programs and strategies within the framework of approved national projects of the Russian Federation and about the long-term nature of the digital development of the Kaluga region.

Keywords: digitalization, digital economy, national projects, digital transformation, Kaluga Region.

References

1. The strategy of socio-economic development of the Kaluga region until 2040 [Electronic resource]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/5620b6962625f388cdf9cff2b88f2f2d/proekt_strategii.pdf (accessed: 25.11.22)
2. Annual report on the implementation of the Kaluga Region State program “Information Society and improving the quality of state and municipal services in the Kaluga Region” in 2021 [Electronic resource]. URL: <https://digital.admoblkaluga.ru/upload/oiv/min-digital/gosprogramma/2021/othet2021.pdf> (accessed: 27.11.22)
3. Digitalization of Kaluga Region services: Portal of Kaluga Region authorities [Electronic resource]. URL: <https://digital.admoblkaluga.ru/news/item-7868/> (accessed: 27.11.22)
4. Strategy in the field of digital transformation of economic sectors, social sphere and public administration of the Kaluga region [Electronic resource]. URL: <https://digital.admoblkaluga.ru/upload/oiv/min-digital/digital-economy/strategiy.pdf> (accessed: 27.11.22)
5. Digital Russia: KR40 website.RU [Electronic resource]. URL: <https://www.kp40.ru/news/society/95689/> (accessed: 26.11.22)

Социокультурные качества личности в виртуальном пространстве

Савостьянов Иван Владимирович,

аспирант Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ivan.savostianow@gmail.com

В статье рассматривается проблема формирования социокультурных качеств личности под влиянием социального пространства, появившегося в конце XX начале XXI века – виртуального пространства. В качестве такого пространства автором рассматривается пространство, порождаемое использованием компьютерных и иных информационных технологий. Автор приводит историко-философский анализ концепции виртуального пространства, а также предоставляет объяснение почему виртуальное пространство, рассмотренная философами до изменения технологий в XX веке, не являлась подлинной частью жизни всего общества. В ходе анализа автором было представлено различные точки зрения на виртуальное пространство, выделены основные свойства данного пространства, а также обозначены те социокультурные качества личности, на которые по мнению различных исследователей виртуальное пространство оказывает влияние или способствует их формированию. В результате автором сделан вывод о наличии у виртуального пространства сторон, которые способны оказывать как положительные стимулы при формировании социокультурных качеств личности, так и создать предпосылки для унификации данных качеств.

Ключевые слова: социокультурные качества, виртуальность, виртуальное пространство, личность, симулякр, социализация.

Проблематика формирования личности, ее особенностей и системы качеств наверно одна из основных проблем человека как социального индивида. К какому периоду человеческой истории мы бы не обратились, можно найти представление о человеке и тех качествах, которыми он должен обладать в рамках того общества, в котором он существует. При этом часто данный вопрос находился в аксиологической плоскости, поскольку социальное пространство способствовало формированию у личности некоторых конкретных социокультурных качеств, которые бы иные личности посчитали бы добродетелями и полезными в рамках существующего общества.

Однако по-новому проблема формирования социокультурных качеств личности стала рассматриваться в ходе технологической революции, произошедшей в XX веке – появление компьютеров, а затем и повсеместное распространение удобных дистанционных средств коммуникации позволило создать некоторое дополнительное пространство, в котором находится уже современная личность. Но что же это за новое социальное пространство и чем же являются социокультурные качества личности?

Под социокультурными качествами личности современная академическая наука понимает те или иные общественно определенные характеристики личности, социальных групп и классов, неотделимые от способа существования и деятельности исторических субъектов. При таком подходе сама личность также представляет собой исторически сложившееся, социально обусловленное качество индивида. Поэтому с данной точки зрения социокультурные качества – это также конкретное выражение общественной сущности личности, реализованная интеграция в ней социально значимых черт и социальных отношений данного социального пространства [11, с. 187]

Возвращаясь же к вопросу о виртуальном пространстве, отметим, что само понятие виртуального пространства или виртуальности не является изобретением современной эпохи. В частности, Цицерон, отмечая добродетели, принятые у античных греков, выделял такую добродетель как *virtus*, которая существует лишь у самых мудрых людей: «Самая главная из всех добродетелей (*virtus*) та мудрость (*sapientia*), которую греки называли *sophia*» [12, с. 378–379]. В средневековой схоластике под виртуальным понималось сосуществование нескольких пространств разного уровня, соотношение возможного и актуального, а преобразование из простого в сложное. [5, с. 96] В эпоху Возрождения Н. Кузанский в рамках размышления об актуальности также использует понятие виртуальности: «... умным оком я вижу, что то же дерево пребывало в своем семени не так, как я его сейчас его разглядываю, а виртуально; я обращаю внимание на дивную силу того семени, в котором было заключено целиком и это дерево, и все его орехи, и вся сила орехового семени, и в силе семян все ореховые деревья». [9, с. 46]

В эпоху Нового времени способность личности конструировать выделенное из актуальной социальной реальности пространство бытия отмечал Ф. Бэкон. Соглашаясь с Гераклитом, Бэкон отмечал, что «люди ищут знаний в своих маленьких мирах, а не в большом, общем

для всех мире». [4, с. 117] Анализируя таким образом особенности мышления человека, Бэкон, фактически, также говорит о дополнительном пространстве, которое конструируется личностью, чтобы познать мир и попадает в нее как в ловушку. Для избавления от ловушки этого «виртуального пространства» перейти от антиципации к интерпретации и уже на ее основе конструировать истинное знание.

В рамках использования виртуального пространства также стоит отметить воззрения И.Г. Фихте. Становясь на позиции крайнего субъективизма, Фихте фактически констатирует виртуальность объектов вокруг человека. В частности, можно вспомнить следующее замечание Фихте: «Откуда вы знаете, что, например, сахар производит на его (человека) вкус совершенно такое же впечатление, какое он производит на ваш вкус?.. И с этим никогда ничего не поделаешь; искомое лежит тут в области субъективного и не имеет в себе никакой объективности». [15, с. 459]. Таким образом, социальное пространство вокруг личности есть система собственных представлений личности о данном пространстве, что вполне можно представить как виртуальное пространство.

Подводя краткий итог, можно сделать вывод, что вне зависимости от эпохи личности конструировали умозрительные миры. Возвращаясь же к современной науке и философии, заметим, что термин «Виртуальный» в основном рассматривается как нечто потенциальное или возможное. В рамках постклассической науки виртуальное пространство обычно понимается как совокупность объектов следующего по отношению к порождаемой из реальности уровня. В качестве примера мы можем использовать здесь нахождение человека одновременно в рамках актуального мира во время его поездки на метро, и в тоже время пребывать через некоторый медиатор (Например, смартфон) в виртуальном пространстве какой-либо из социальных сетей. В результате хоть виртуальное пространство и возникло благодаря некоторому объекту социального пространства – смартфону – но относится к нему как самостоятельное и автономное пространство в рамках его времени. В результате, как отмечает Микешина Л.А. виртуальное пространство существовало всегда, поскольку «человек нуждается в фиктивном удвоении мира. В этом смысле телевидение и компьютерные средства помогают прояснить природу человека. Потребность в иллюзорной жизни, когда мир раскрывается как приключение, есть антропологическое свойство» [10, с. 204.]

В рамках современной академической науки существует также иные подходы к определению виртуального пространства. Так, технический подход к пониманию виртуального пространства представляет его как результат репрезентации информации в ходе использования технических средств и языков программирования с отражением ее на некотором мультимедийном интерфейсе. Культурологический подход рассматривает виртуальное пространства как знаковую систему взаимодействия личности не с действительными объектами мира, а с представлениями о них. Психологический подход говорит пространством, порожденной сознанием личности и являющимся отражением психических процессов, проходящих в нем. В рамках данного подхода виртуальное пространство порождается в ходе аффекта, эйфории, наркотического или алкогольного опьянения, а также в ходе мечтаний и фантазий о чем-либо. Представители же интегративного подхода трактуют виртуальное пространство как пространство, конструируемое техническими средствами передачи и хранения информации, осуществляемая благодаря сознательной деятельности

по приему и анализу смыслов и значений, продуцируемых виртуальными образами и событиями, которые дополняются конкретными смыслами самой личностью в ходе нахождения ее в этом пространстве. [14]

Таким образом, в рамках современного общества скорее реализуется виртуальная реальность с точки зрения интегративного подхода. Отметим, что не смотря на математическую структуру данного пространства, часто личность при этом получает информацию об его объектах в дезорганизованном и несистемном виде. По утверждению Ж. Бодрийяра, виртуальное пространство приходит к личности в результате утраты реальности и потерянности, пускай новейшие информационные технологии позволяют воспроизводить реальный объект в мельчайших подробностях. [1, с. 93.]

В рамках интегративного подхода можно выделить следующие свойства виртуального пространства:

1. нематериальность воздействия – личность взаимодействует с виртуальным пространством скорее на основании эмоций и осознания, однако она не может осязать данное пространство;
2. условность параметров – все объекты виртуального пространства являются искусственными или фактически воображаемыми, а потому характеристики данных объектов могут изменяться в зависимости от желания создателя виртуального пространства или того, кто его контролирует;
3. свобода вхождения, обеспечивающая возможность прерывания и возобновления существования – попадание в виртуальное пространство не требует значительных действий со стороны личности, она также может легко приостановить свою деятельность в виртуальном пространстве и вернуться к ней по желанию;
4. искусственность – виртуальное пространство представляется скорее как некий созданный пространственный объект – артефакт – который сотворен рукотворно какой-либо личностью или группой личностей;
5. спонтанность – невозможность установить границу между виртуальным пространством и актуальным социальным пространством.

Стоит отметить, что данные свойства не являются универсальными. Например, виртуальное пространство может быть сотворено рукотворно какой-либо личностью, но подчиняясь заложенным в него свойствам в ходе развития он может принять другие формы или даже преобразоваться в объект реального мира. Таковым можно представить такие объекты виртуального пространства как искусственный интеллект или криптовалюты. Также в современных условиях часто нарушается свойство свободы вхождения, в частности, если мы говорим об условиях использования современных видеохостингов и площадок для проведения прямых интернет-трансляций.

Каким же образом данное пространство влияет на личность и ее социокультурные качества? Для ответа на данный вопрос рассмотрим концепции влияния информационных технологий и порожденного ими виртуального пространства, предложенные Э. Тоффлером, Ж. Бодрийяром и М. Кастельсом,

Э. Тоффлер, продолжая концепцию Д. Белла о постиндустриальном обществе, выдвинул собственную гипотезу на основании анализа в изменениях в секторах производства, становлении услуг как одного из значительных секторов экономики и трансформации научно-технического прогресса во внутриэкономический фактор. В своей работе Третья волна Э. Тоффлер выделяет три стадии развития человечества – аграрную, индустриальную и постиндустриальную.

стриальную и постиндустриальную и каждое из данных изменений обозначает значительный сдвиг как в области используемых технологий, так и общественных отношений. Описывая влияние постиндустриальной экономики на личность, Э. Тоффлер отмечает, что она утрачивает свою идентичность в ней. Однако личность при этом ищет некоторое средство, магический способ мгновенного возврата к собственной идентичности, более «высокому» состоянию сознания. [13, с. 250] Однако фактически при этом в этом обществе развивается такое социокультурное качество, как одиночество или неспособность ощутить чувство принадлежности к общему. В частности, через институт семьи. Тоффлер отмечает, что современные технологии и виртуальное рабочее пространство позволяют осуществлять рабочую деятельность непосредственно из дома, а потому каждый человек сможет уделять больше времени собственным родным и близким. Виртуальное пространство также может помочь в преодолении формирования одиночества в личности через децентрализацию гигантских корпораций на мелкие, которые используя современные технологии могли бы формировать полуавтономные команды друзей и, как следствие, формировать коллективную сплоченность. [13, с. 251]

Влияние электронных технологий и порождаемого ими виртуального пространства рассматривается Тоффлером и применительно к другим социокультурным качествам. Ключевым в этом отношении становится прогноз Тоффлера об отказе от образа идеального человека, с некоторыми predeterminedными социокультурными качествами личности, которые мы бы назвали добродетелями. Поэтому по утверждению Тоффлера: «Наша задача – искать не мифического «человека», а те черты характера, которые с наибольшей вероятностью будут цениться цивилизацией завтрашнего дня». [13, с. 258] Исходя из данной гипотезы, Тоффлер предлагает следующие основные социокультурные качества личности, на которые окажет влияние виртуальное пространство:

1. Формирование ответственности и продуктивности в ходе социализации под воздействием электронных технологий и порождаемого ими виртуального пространства. Отметим, что согласно предположению Тоффлера, при этом время социализации личности уменьшится, то есть детский и юношеский период у личности уменьшатся.
2. Развитие творчества в следствии укрупнения производственных задач, требованию к быстрой адаптации к различным изменяющимся обстоятельствам, а также появлению гибкого графика и свободного темпа работы. Такой подход также должен породить большую чувствительность личности к настроениям других личностей.
3. Развитие коммуникативности у личности в следствии получения доступа к интерактивным средствам коммуникации, позволяющим их пользователю создавать или посылать образы, а также просто получать их из внешнего мира. Фактически, каждая личность теперь обладает средством для медиации получаемой информации и коммуникативность становится тем качеством, которое позволяет обработать все это количество получаемой информации и давать обратную связь.
4. Индивидуализация или формирование собственной неповторимости. Тоффлер отмечает, что мы можем создавать свой собственный образ при помощи виртуального пространства, примерять различные образы на себя и быстрее продвигаться к другим качествам, оценивая их необходимость для себя. Фактически, это также должно породить внутренний скеп-

тицизм по отношению к уже установленным авторитетам.

Анализируя прогнозы Тоффлера, можно отметить, что в рамках дальнейшего развития технологий и общества они были частично подтверждены, однако оказались в значительной степени оптимистическим. В частности, современные технологии скорее отчуждают современную личность в процессе социализации, поскольку в рамках виртуального пространства формируется скептическое отношение к традиционным институтам социализации, таким как образовательные учреждения или семья. При этом, нельзя также не отметить и то, что современные виртуальные пространства часто поглощают их пользователя, что еще больше развивает его одиночество и как следствие отчуждение из социального пространства. С другой стороны, виртуальное пространство позволило также и получить значительный доступ к информации и коммуникациям, а потому облегчить процесс социализации в рамках малых культурных групп. [6] Рассматривая же остальные прогнозы в отношении влияния виртуального пространства на социокультурные качества, мы действительно можем отметить, что прогнозы Тоффлера оказались верными.

Обратимся к позиции Ж. Бодрийяра на проблему влияния виртуального пространства на социокультурные качества личности. В рамках своей работы «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяр утверждает, что в современном социальном пространстве существует настолько масштабная симуляция, что фактически она заменяет реальные объекты на виртуальные знаки. При этом в рамках данной симуляции происходит не просто обмен замена реальных объектов на виртуальные, но происходит переход от отражения реальности к объектам, которые вообще не могут соотноситься ни с какой реальностью [3].

Для обозначения данных знаков Бодрийяр предлагает концепцию симулякра. Отметим, что сам термин ввел в философский дискурс еще Платон, для которого симулякром являлась копия копии, которая искажала свой прототип [7]. Однако уже в рамках постмодернистской философии понятие симулякра было доработано Ф. Джеймисоном и определялось как «точная копия, оригинала которой не существовало». [16, с. 23.] Уточнил определение Платона и Ж. Делез, для которого симулякр стал не просто вторичной копией по отношению к оригиналу, но образом, который в принципе лишен всякого подобия. Согласно Ж. Делезу, симулякры возникают на основе отсутствия сходства и обозначают существенное извращение или отклонение.

В представлении же Бодрийяра симулякры являются ложным подобием, условным знаком чего-либо, функционирующим в обществе в качестве заместителя реального. Отношения между симулякрами и реальностью Бодрийяр рассматривает на 4 уровнях. В рамках первого уровня такой симулякр является копией от подлинной реальности. Уже на втором уровне происходит маскировка симулякра подлинной реальности дополнительным симулякром. В результате уже на третьем и четвертом уровнях сначала маскируется отсутствие подлинной реальности, а затем симулякр перестает означать что-либо и становится подлинным. [3]

В рамках виртуального пространства личность и оканчивается в отношениях третьего и четвертого уровня. Замена социальной реальности на симулякры приводит к тому, что личность фактически разрывает отношения с пространством, следовательно, все ее поступки и действия становятся не вещественными. Какое же влияние такое социальное пространство оказывает на социокультурные качества личности? Социокультурные каче-

ства личности в виртуальном пространстве описываются Ж. Бодрийяром в рамках его «Общества потребления». В рамках данной работы философ утверждает, что современное социальное пространство есть нагромождение товаров, а их потребление захватило все существование личности. Чтобы спровоцировать ее на покупку товаров, используется агрессивная реклама, в результате которой польза от товара приобретает дополнительные знаки – моду, престиж, яркую упаковку или дополнительный комфорт. В результате такого потребления личность фактически становится эмоционально-зависимой от получаемого удовольствия. И в результате происходит уравнивание всех личностей и усреднение их социокультурных качеств. [2]

В тоже время виртуальное пространство предлагает в рамках данных процессов начать собственную реализацию заново и обнаружить собственную самость. Но происходит этот повторный поиск собственных социокультурных качеств вновь через потребление – поправить трансформировать свой внешний вид при помощи операций или покраски волос, отнестись творчески к собственному внешнему виду создав неповторимый образ в одежде, обрести свободу через доступ к потреблению множества благ. В результате у личности исчезают любые качества, не только социокультурные, но даже физиологические и трансформирует личность в подобие манекена, к которому можно прикрепить любые интеллектуальные, творческие, этические и иные социокультурные качества для образования самых различных групп, сообществ и классов.

Отметим, что взгляд Бодрийера автор рассматривает как радикально пессимистический. Несмотря на значительное место потребления и знаков виртуального пространства в современном мире, мы не можем наблюдать преобразования поведения людей в единый паттерн. Более того, чтобы добиться такого паттерна часто необходимо крайне деморализующее воздействие на множество личностей, которые в результате переживаемого стресса стараются свести собственное существование к моментальному получению удовольствия. На авторский взгляд, в рамках данных суждений Бодрийер использует предпосылку, предложенную еще представителем Франкфуртской школы Г. Маркузе об одномерности поведения и мышления при капитализме, которое является искусственной надстройкой позволяющей контролировать общественные массы. А потому нельзя утверждать, что в результате воздействия виртуального пространства социокультурные качества у личности перестают существовать.

В тоже время нельзя не отметить, что проблема сохранения самости в рамках виртуального пространства неверно выделена Ж. Бодрийяром. Если мы обратимся к особенностям группового поведения личностей, активно вовлеченных в определенные виртуальные пространства, мы действительно можем обнаружить некоторые общие черты их социокультурных качествах или том, каким образом мы можем наблюдать их реализацию. Например, часто при просмотре видеороликов на любом доступном видеохостинге авторы прибегают к кричащим названиям для привлечения аудитории, что свидетельствует о том, что как минимум в социокультурном качестве креативность у них есть общие черты. И в этом случае мы можем столкнуться уже с иной проблемой – а как различить действительно подлинное социокультурное качество от выученного поведенческого паттерна? И на авторский взгляд, ответ подсказывает нам сам Бодрийер – поскольку границ у виртуального и реального не существует, личность будет обладать случайными социокультурными качествами в соответствии с тем

виртуальным пространством, с которым она себя отождествляет.

М. Кастельса можно считать продолжателем идей Э. Тоффлера. В рамках своей работы Галактика Интернет Кастельс выделяет два основных свойства виртуального пространства – свойство свободной горизонтальной коммуникации, основанной на отсутствии универсальных культурных ценностях у представителей каждого виртуального пространства и «самонаправленная организация пространства». Рассмотрим каждое из данных свойств поподробнее. [8, с. 73]

Горизонтальная коммуникация позволяет личностям, являющимся пользователями данного виртуального пространства организовываться в виртуальные сообщества со своей неповторимой культурой. В рамках данных сообществ личности начинают конструировать собственные отражения, состоящие из специфических социокультурных качеств. М. Кастельс в качестве примера такого поведения приводит многопользовательские виртуальные игры, которые позволяют их участнику своеобразную привилегированную зону для ролевой игры и, как следствие, фальсификации собственных социокультурных качеств. Однако, в отличие от Ж. Бодрийера, М. Кастельс отмечает, что большинство таких игроков являются подростками или студентами университетов, для которых участие в таком социальном пространстве есть лишь участие в определенном эксперименте над своей личностью и ее социокультурными качествами, однако в целом является лишь способом социализации и проявлением коммуникативности в рамках вхождения в конкретное сообщество. [8, с. 72]

Самонаправленная же организация пространства выражается в возможности для каждой личности найти собственное место в рамках виртуального пространства, а в случае, если в текущем виртуальном пространстве не находится места для данной личности, создать его самостоятельно. Фактически, в этом случае личность получает беспрецедентные до этого возможности для реализации собственной самости, а потому и возможность для выражения своих подлинных социокультурных качеств через инструменты и символы виртуального пространства. Влияние этого свойства на социокультурные качества личности Кастельс предлагает оценить на следующем примере. В современном глобальном виртуальном пространстве – Интернете – находится порядка 550 млрд документов, 95% из которых общедоступны, а скорость увеличения онлайн-информации порядка 7,3 млн web-страниц в день, Число сообщений пересылаемых по электронной почте в 500 раз больше, а ежегодный объем произведенной информации составляет 1,5 млрд гигабайт. В результате работники каждой фирмы имеют доступ к огромному количеству информации. И современная экономика не может совладать с таким объемом данных без работников, способных к самотрансформации. [8, с. 113]. В результате, Кастельс отмечает, что личность в виртуальном пространстве не просто приобретает, но вынуждена формировать у себя креативность, самостоятельность и способность к гибкому мышлению, которые и характеризуются как социокультурные качества личности. В результате, по утверждению Кастельса, именно обладающая определенными построенными на взаимодействиях с виртуальным пространством социокультурными качествами личность может реализовываться как главный фактор развития не только конкретного бизнеса, но и экономики в целом.

В результате анализа позиции Кастельса, автор приходит к выводу о наличии значительного воздействия на социокультурные качества личности со стороны виртуального пространства, которое можно охарактеризо-

вать как положительное с утилитарной точки зрения. Более того, в работах Кастельса мы можем косвенно обнаружить косвенную критику Бодрийяровской концепции потребления, поскольку та личность, которая создает маску собственных социокультурных качеств в рамках виртуального пространства не обязательно может делать это под давлением симулякров, но это может быть ее собственной попыткой самопознания в рамках социализации.

Таким образом, в результате рассмотрения различных концепций воздействия виртуального пространства на социокультурные качества личности, можно прийти к следующим выводам:

Прежде всего, виртуальное пространство существовало и до непосредственного изобретения технологий, позволяющих создать некоторое коммуникативное пространство со своими правилами и законами. Однако именно на современном этапе можно рассматривать виртуальное пространство как актуальную среду сосуществования личностей, поскольку оно позволяет не просто находится в самостоятельно спроектированном мире, но и осуществлять в рамках него взаимодействие с другими личностями, влияя таким образом на них в целом и их социокультурные качества отдельно.

Также, созданное однажды виртуальное пространство не сохраняет набор постоянных свойств, а может изменяться вслед за изменением знаков и символов внутри него, что говорит о синергетическом характере развития каждого отдельного виртуального пространства. Как следствие, такое пространство способно порождать новые социокультурные качества у личности в каждый отдельный момент времени.

В тоже время, нельзя не отметить негативное влияние виртуального пространства на социокультурные качества личности, а именно тенденцию к созданию некоторого единого образа пользователя такого виртуального пространства, способного надевать маску из социокультурных качеств личности, необходимых ему в конкретных условиях и конкретном времени.

Но тем не менее, виртуальное пространство позволило реализовать в деятельности практики личности множество положительных социокультурных качеств, таких как креативность, самостоятельность и ответственность, а также предъявить к личности более сложный комплекс требований и задач, которые ей необходимо решить. Более того, даже используя виртуальные образы, личность в конечном итоге может просто осуществлять пробу собственной социализации, что в конечном итоге положительно скажется на ее становлении и поможет ей корректно определить ее роль в обществе.

Литература

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург, 2000. – 95 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления [перевод с французского Е.А. Самарской] – М.: Издательство АСТ, 2021. – 320 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. [пер. с фр. С.Н. Зенькина] – М.: РИПОЛ классик, 2021. – 512 с.
4. Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х томах. Т. 1. – Сост., общая ред. и вступительная статья А.Л. Субботина М.: Мысль., 1971. 590 с.
5. Василий Великий Беседы на Шестоднев М.: – Издательство Синопись, 2020. – 240 с.
6. Гвинтовкин А.Н. Виртуальное пространство как среда социализации молодежи в условиях становления информационного общества (на примере Ро-

стовской области): дис. канд. соц. наук: 22.00.04. – Ростов-на-Дону, 2013. – 198 с.

7. Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. – Томск: Издательство «Водолей», 1998. – 320 с.
8. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
9. Кузанский Н. Сочинения в 2-х т. Т. 2: – М.: Мысль, 1980. – 471 с.
10. Микешина Л. А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 240 с.
11. Российская социологическая энциклопедия. Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1998. – 672 с.
12. Цицерон: Моральные размышления о старости, о дружбе, об обязанностях. Готовому перейти Рубикон – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 512 с.
13. Тоффлер Э. Третья Волна – М.: Издательство АСТ, 2004. – 345 с.
14. Трофимова А.А. Человек в развёртывании виртуальной реальности: автореф. дис. канд. филос. наук: 09.00.01. – Омск, 2011. – 20 с.
15. Фихте И. Г. – Сочинения в двух томах. / Сост. и прим. Вл. Волжского (Т. 1) – СПб.: Мифрил, 1993. – 687 с.
16. Jameson F. The Seeds of Time. Columbia University Press, 1996. – 214 p.

SOCIOCULTURAL TRAITS OF A PERSON IN VIRTUAL SPACE

Savostyanov I.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article deals with the problem of the formation of the socio-cultural traits of a person under the influence of the social space that appeared at the end of the 20th and the beginning of the 21st century – the virtual space. As such a space, the author considers the space generated by the use of computer and other information technologies. The author gives a historical and philosophical analysis of the concept of virtual space, and also provides an explanation why the virtual space, considered by philosophers before the change in technology in the 20th century, was not a true part of the life of the whole society. In the course of the analysis, the author provided various points of view on the virtual space, highlighted the main properties of this space, and also identified those socio-cultural traits of the person, which, according to various researchers, the virtual space influences or contributes to their formation. As a result, the author concluded that the virtual space has aspects that can provide both positive incentives in the formation of the socio-cultural traits of the person and create prerequisites for the unification of these traits.

Keywords: sociocultural traits, virtuality, virtual space, personality, simulacrum, socialization.

References

1. Baudrillard J. In the Shadow of the Silent Majority, or the End of the Social. – Yekaterinburg, 2000. – 95 p.
2. Baudrillard J. Consumer Society [translated from French by E.A. Samarskaya] – M.: AST Publishing House, 2021. – 320 p.
3. Baudrillard J. Symbolic exchange and death. [per. from fr. S.N. Zenkina] – M.: RIPOL classic, 2021. – 512 p.
4. Bacon F. Works: in 2 volumes. T. 1. – Comp., general ed. and introductory article by A.L. Subbotin M.: Mysl., 1971. 590 p.
5. Basil the Great Conversations on Shestodnev M.: – Sinopsis Publishing House, 2020. – 240 p.
6. Gvintovkin A.N. Virtual space as an environment for the socialization of youth in the conditions of the formation of the informa-

- tion society (on the example of the Rostov region): dis. cand. social sciences: 22.00.04. – Rostov-on-Don, 2013. – 198 p.
7. Intentionality and textuality. Philosophical thought of France of the XX century. – Tomsk: Aquarius Publishing House, 1998. – 320 p.
 8. Castells M. Internet Galaxy: Reflections on the Internet, business and society / Per. from English. A. Matveeva, ed. V. Kharitonov. – Yekaterinburg: U-Factoria (with the participation of the publishing house of the Humanitarian University), 2004. – 328 p.
 9. Kuzansky N. Works in 2 volumes. Vol. 2: – M.: Thought, 1980. – 471 p.
 10. Mikeshina L. A., Openkov M. Yu. New images of knowledge and reality. – M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1997. – 240 p.
 11. Russian sociological encyclopedia. Under the general editorship of Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. – M.: Publishing group NORMA-INFRA M, 1998. – 672 p.
 12. Cicero: Moral reflections on old age, on friendship, on duties. Ready to cross the Rubicon – M.: RIPOL classic, 2016. – 512 p.
 13. Toffler E. The Third Wave – M.: AST Publishing House, 2004. – 345 p.
 14. Trofimova A.A. Man in the Deployment of Virtual Reality: Abstract of the thesis. dis. cand. philosophy Sciences: 09.00.01. – Omsk, 2011. – 20 p.
 15. Fichte I. G. —Works in two volumes. / Comp. and approx. VI. Volzhsky (T. 1) – St. Petersburg: Mithril, 1993. – 687 p.
 16. Jameson F. The Seeds of Time. Columbia University Press, 1996. – 214 p.